Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма

выпуск V

Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea

volume V

Севастополь–Тюмень
2013

Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Издается по решению Ученых советов
Института истории и политических наук Тюменского государственного университета
и Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V.
Сб. / Ред.-сост. М.М. Чореф. — Севастополь—Тюмень, 2013.
с. 201 — илл.

ISSN 2219-8857

Содержание

История

Искусствоведение

Церковная археология

Нумизматика

Эпиграфика

ИСТОРИЯ

УДК 9.479.2-924.76

А.Ж. Арутюнян

АРМЕНИЯ И ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СТРАБОНА

В вопросе исследования истории многих государств и народов Европы, Азии, Африки в аспекте занимаемой ими территории особенно велика роль известного древнегреческого историка и географа Страбона (63 г. до н. э. — после 19 г. н. э.), в частности, оставленное им творческое наследие. К сожалению, до нас дошло только одно его произведение – «География», где он описывает народы от *Иберии* (современной Испании) и кельтов, проживающих на территории современной Франции до *Индии* и *Аравии*. Изложение материала начинается с севера, с *Британии*, и заканчивается изложением сведений о северной *Африке (Египет, Эфиопия, Ливия)*. Древнегреческий историк-географ особое внимание уделяет Италии (или Аппенинскому полуострову), древнегреческим полисам-государствам, а также странам, находившимся на территории Малой Азии.

По мнению Страбона, ключевыми регионами *Азии* являлись *Кавказ*, *Гиркания* (находилась южнее Каспийского моря), *Бактрия, Мидия, Ассирия, Вавилония, Двуречье (Месопотамия), Сирия, Финикия, Иудея и Аравия*. Нам же важны его крайне информативные сведения об *Армении*, которые содержатся в его XI книге.

В первую очередь следует выяснить, какой географической ориентации был привержен Страбон. Об этом А.В. Подосинов пишет: «Литературная традиция, выводящая геокартографические труды великого астронома, математика и картографа античности Клавдия Птолемея (первая половина II в. н. э.) из предшествующих научных разработок, позволяет считать всю греческую научную картографию (по крайней мере, что касается карт мира Гиппарха, Эратосфена, Страбона, Марина Тирского, впрочем, не сохранившихся до наших дней) северноорентированной…»[1]. В связи с этим наше отношение к Страбону хотя бы в вопросах географии Армении должно быть двояким, о чем мы поговорим ниже. Когда Страбон обращается к **Армении** в целом, то у него подход в аспекте географической ориентации *западный*. А в случае **Великой Армении** он руководствуется *северной* ориентацией.

Исходя из цели исследования, нам следует обратиться к вопросам страбоновской ономастики в аспекте изучения административных делений Армении. До сих пор классическим критерием исследования административно-территориальных делений Великой Армении считаются сведения «Ашхарацуйц»-а (или «Армянской географии»), который делит Армению на *губернии* (**nahang**) и *провинции* (***gavar***). У армянских историков (Фавстос

[1]*Подосинов А.В.* Ex Oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М. 1999. С. 245; Он же. Ориентация древних карт (с древнейших времен до раннего средневековья) // ВДИ. 1992. № 4. С. 64—74. См. также рецензию (См.: *Подосинов А.В., Чекалин Л.С.* The history of cartography. V. I. Cartography in prehistoric, ancient and medival Europe and Mediterranean / Ed. *J.B. Harley, D. Woodward* Chicago—L., 1987 // ВДИ. 1990. № 3. С. 205—216).

Бузанд, Мовсес Хоренаци, Агатангелос, Егише) данные термины в основном повторяются, несмотря на то, что иногда они дополняются и другими лексическими единицами. Так, Фавстос использует словосочетания «*крайняя провинция, граница мардпетства, граница церковной территории, середина страны, собственные владения*» и др.[2]. В этом аспекте Страбон более скуп. При описании Армении греческий историк почти не использует особых терминов, относящихся к административно-территориальным делениям.

Плиний Старший (Plinius Secundus), в унисон Страбону, руководствовался теми же принципами при написании своей «Естественной истории» («Naturalis historiae»). Он часто делит территории на ***стратегии*** и ***префектуры***. Страбон при описании административно-территориальных делений других стран часто использует слова ***сфрагис*** (σφραγίς — греч. печать), ***епархия*** и др., а в связи с Великой Арменией в основном использует выражение ***ten peri tin*** — *окрестность* и ***meare*** — *части,* а также подобные по смыслу термины[3]. Скудность используемой терминологии античный исследователь преодолевает в результате обращения к понятийному аппарату смежных, причем не только гуманитарных дисциплин. Так, он часто разграничивает территории с помощью описания рельефа. К примеру, использует слова *перешейк, ущелье, полуостров, остров, море* или упоминает наименования четырех сторон света, которые греки именовали *климой*. В этом ракурсе его фантазия переходит все возможные и невозможные границы, поскольку он прибегает даже к помощи геометрии. Так, Страбон разграничивает территории, идентифицируя их с разными геометрическими телами, например, *треугольник, прямоугольник, перпендикуляр, прямой и обратный, круг, параллельный* и т. д.[4]. Любопытно использование автором словосочетания «***Каспийские Ворота***» (на древнегреч. πύλαι, на латинском **fons**, **portas**)[5]. Это словосочетание позже стали использовать Плиний Старший и Клавдий Птолемей[6]. Фактически, Страбон неоднократно

---

[2] Об этом более подробно см.: *Фавстос Бузанд*. История Армении. Ереван, 1953. пер. с древнеарм. *Геворгяна М.А*., а также *Мовсес Хоренаци*. История Армении. Ереван, 1990. пер. с древнеарм; История армянского народа. Т. I. С. 526—534 (авт. — *Саркисян Г.Х.*); *Арутюнян А.Ж*. Граница в историческом миропонимании Хоренаци. История и образование Ереван, 2005. № 1—2. С. 69—78; Он же. Границы Аршакидской Армении согласно «Истории Арении» Фавстоса Бузанда // Андес амсорья. Арменоведческий ежегодник. Вена—Ереван, 2000. С. 229—250; Он же. Вопросы границ полномочий властей в древней Армении согласно «Истории Армении» Фавстоса Бузанда // Кантех. сб. научных статей. Ереван, 2006. С. 152—156 (все на арм. яз.).

[3] *Strabo*. passim. О историко-географических знаниях и представлениях Страбона существует достаточно богатая литература. См. *Арский Ф.П.* Страбон. М., 1974. *Магидович И.П. Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий в 5-и тт. т. I. Географические открытия народов древнего мира и средневековья (до плавания Колумба). изд. 3-е. М., 1982; *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953; *Aly W.* Strabon von Amaseia. München, 1960 passim. *Honingman E.* Strabo. Pauly—Wissova. Kroll. Real encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft, Reihe. 7. Hbb. 1931. S. 245 и дал; *Diller A.* The textual tradition of Strabo’s Geography. Amsterdam, 1975; *Dueck D.H.* Strabo of Amasie. Greek man of latters in Augustian Rome. N—Y., 2000; *Dueck D.H. Lindsay H.* and *Pothecary S.* Strabo’s cultural Geography. Cambridge, 2005; *Lindberg D.* The beginnings of western science. Chicago, 2008.

[4] *Strabo*. passim. также *Страбон*. passim. также *Смародинский Я.А.* Геометрия вселенной. М., 1963. С. 37—40.

[5] О этимологии этого слова подробно см. *Ачарян Р.А.* Этимологический коренной словарь армянского языка. Т. А, Ереван, 1971. С. 684—686; Новый словарь армянского языка. под ред. *Аветикяна Г. и др*. Т. I. Ереван, 1979. С. 639—640 (на арм. яз.).

[6] В древней Греции слово *ворота* существует в названии *Фермопил*, что переводится как *теплые ворота;* здесь находилось ущелье, которое соединяло северную и среднюю Греции. Это место

упомянутой в древнеармянских источниках территории ***Чора Паак*** приводит греческое название. Термин ***Каспийские Ворота*** он упоминает более 20 раз. Ученый считал, что Каспийские Ворота разделяли Северную и Южную Азии[7].

Подобное свидетельство нам преподносит Фавстос Бузанд. В конце правления Аршака II армянские нахарары и вельможи, уставшие от армяно—римско—персидских длительных войн, восстали и отделились от царя: «…поехали и предстали перед персидским царем Шапухом, а сами построили стену с той стороны Армении, которая называется Дзора, поставили ворота и свою страну отделили от Армении»[8]. Здесь армянский историк говорит о ***Дзора Пааке***, который находился на южной окраине Великой Армении (непосредственно в ее центре) и более известен под названием ***Багешское*** или ***Багагешское ущелье***, откуда персы всегда вторгались в Армению.

Сейчас мы должны вновь вернуться к исходной точке. При внимательном изучении сочинения Страбона становится очевидным, что в территориальном аспекте он говорит о существовании *трех Армений*. Первая являет собой *начальный статус*, в котором находилась Армения. Об этом у него имеются два свидетельства, которые выделяются не только подробностями упомянутых фактов, но и дополняют друг друга. Вначале он пишет: «По преданию, Иасон во время своего путешествия к колхам вместе с фессалийцем Арменом проник вплоть до Каспийского моря и посетил Иберию, Албанию и большую часть Армении и Мидии, как это доказывает находящиеся там святилища Иасонаи, некотрые другие памятники. Далее, по рассказам, Армен происходил из Армении – одного из городов близ озера Бебеиды, между Ферами и Ларисой. Спутники Армена заняли области Акилисену и Сиспиритиду вплоть до Калахены и Адиабены, а он даже оставил после себя одноименную с ним Армению»[9]. Из этого свидетельства становится очевидным, как проходила *северо-западная* граница Армении, так как обе эти провинции (***Екехик*** и ***Спер***), согласно «Ашхарацуйц»-у, находились на территории губернии ***Бардзр Айк*** (Высокая Армения), и первая была четвертой, а вторая — седьмой провинцией в составе этой губернии[10]. Чуть ниже в следующем упоминании Страбон разъясняет, откуда ему известно об Арменосе, что нам ничего не дает в аспекте нашего исследования, однако там же автор пишет: «Как я уже сказал, Армен из фессалийского города Армения, расположенного между Ферами и Ларисой на озере Беба, отправился походом в Армению вместе с Иасоном. Кирсил из Фарсала и Мидий из Ларисы, участники похода Александра, утверждают, что Армения получила от него свое имя. Часть спутников Армена поселились Акилисене (которая в прежние времена

известно сражением 480 г. до н. э. между спартанским царем Леонидом и его 300 гоплитов против персидского царя Ксеркса (486—465 гг. до н. э.), имеющего многочисленные войска.

[7] *Strabo*. II. I, 29, XI. I, 7, XI. XII, 2,4. XI, XIII, 10 и т.д. См. также *Еремян С.Т.* Карта «Армения по «Ашхарацуйц»-у». Ереван, 1963 (на арм. яз.); Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. *Talbert R.J.A.* Princeton. 2000, P. 1268.

[8] *Фавстос*. IV. 50.

[9] *Strabo*. XI. IV. 8.

[10] Адонц Н.Г написал статью о губернии Спер в Париже. 1925 г., которая до недавнего времени не была опубликована. Благодаря деятельности Оганесяна П.О. в последние годы были изданы ряд неизвестных работ Адонца Н.Г., в том числе и вышеупомянутая; см. *Адонц Н.Г.* Золотой рудник Армении. Малые исследования / Сост. Оганесян П.О. Ереван, 2000. С. 925 (сборник именован названием данной статьи, на арм. яз.). О губернии Спере см.: *Анания Ширакаци*. Избранные труды. Ашхарацуйц / Под ред. Абрамяна А.Г. Петросяна Г.Б. Ереван, 1979. С. 291—292 (на арм. яз.). *Патканов К.П.* Армянская география VII века по р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текст и пер. Патканова К.П. СПб., 1877. С. 43.

была подвластна софенам), тогда как другие — в Сиспиритиде вплоть до Калахены»[11]. Где находились ***Адиабене*** и ***Калахене*** известно, однако из этого сообщения почти ничего не проясняется относительно очертаний границ Армении. Здесь мы весьма неопределенно можем говорить о границах на северо-западной и юго-восточной (**?**) частях Армении. Вопросительный знак, поставленный нами, — не случайность, ибо эти юго-восточные страны, в частности *Адиабене,* граничили с Великой Арменией на территории губернии ***Корчайк*** и ***Парскаайк.*** В этом случае из поля зрения выпадают восточные губернии - ***Пайтакаран, Арцах, Утик, Сюник*** и, возможно, ***Васпуракан.*** Мы вообще не говорим о том, где находились и какой статус имели губернии ***Гугарк, Тайк*** и большая часть ***Айрарата***. Ко всему сказанному следует добавить, что, как видим, это свидетельство относится к эпохе Александра Македонского (после 334 г. до н. э.), когда в Армении правили Оронтиды. Но как при владычестве в Армении мидийцев, так и в период Ахеменидов, страна имела более обширные территории[12].

От Ксенофонта мы знаем, что когда он в 401—400 гг. с греческим войском из Двуречья отступил к Черному морю, восточные границы оронтидской Армении распространялись до Мидии, а на северо-западе примкнули к причерноморским территориям, где, как свидетельствует автор—очевидец, проживали халдаи[13]. Это свидетельство вновь доказывает, что в эпоху Александра в период его восточного похода Армения занимала территорию, почти эквивалентную Великой Армении. Таким образом, возвращаясь к исходной точке, отметим, что у Страбона выявляется анахронизм, когда он говорит об Александре Македонском.

Что можно заключить из этого свидетельства Страбона относительно территории, занимаемой Арменией? С одной стороны, если упоминание о западных границах можно считать более или менее подробными, где автор даже добавляет, что ***Екехик*** в начале находился под влиянием ***Софены***[14], то, с другой стороны, для нас остается непонятным подобное поверхностное описание границ другой части страны — *восточной*. С нашей точки зрения, какую-то определенность в этой неразберихе вносит Я.А. Манандян: «Особо интересно, что эти колонии арменов находились на трех великих путях, которые имели международное значение и доминировали над окрестностью»[15]. В продолжение этой мысли армянский исследователь фактически доказывает, что армяне на заре своей истории (то есть при *арменах*) играли руководящую роль на территории всего Армянского нагорья. Нам же следует добавить, что две из этих трех дорог вели в *Малую Азию*, а далее — в *Грецию* и *Рим,* а третья — в *Двуречье* и соседние районы (*Ассирия, Вавилон, Мидия*).

[11] *Strabo.* XI. XIV. 13.

[12] *Hewsen R.H.* Introduction to Armenian historical geography. III. The boundaries of Orontid Armenia. Revue des Etudes Armeniennes. T. XVIII. Paris, 1984. С. 346 и дал.

[13] *Xen.* Anab. III. 2. 17—24. см. также *Ксенофонт.* Анабасис; История армянского народа. Т. I. Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя. под ред *Еремяна С.Т.* Ереван, 1971. С. 453—463 (на арм. яз.).

[14] *Strabo*. XI. XIV. 12. Об этом см. также *Арутюнян А.Ж.* Софена и царство Софены согласно «Географии» Страбона // Вестник ЕрГУ. Ереван, 1996. № 1. С. 67—74 (на арм. яз.). О Софене написано очень мало; мы выделяем статью Литовченко С.Д. (См. *Литовченко С.Д.* Царство Софены в восточной политике Помпея // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10. Харьков, 2011. С. 34—40).

[15] *Манандян Я.А.* Критический обзор истории армянского народа (от начала до установления Аршакидов в Армении 66 г. н.э.). Ереван, 1977. Т. 1. С. 32 (на арм. яз.).

Вышеупомянутой начальной стадии *Армении*, о которой говорил Страбон, последует основание *Великой Армении*. Это естественный процесс, который у разных народов и в разных странах происходил не одновременно и имел разные проявления. Например, создание объединенного древнеегипетского царства, которое получило название *Раннее царство*, происходило с 3120 по 2686 гг. до н. э., создание централизованных государств в Англии и во Франции произошло в средние века, не говоря уже о том, что объединение Италии или Германии происходило в середине XIX в. Этот список можно продолжить. Однако вернемся к нашей основной проблеме.

Объединение армянских племен, проживавших изначально на армянском нагорье, и основание единого царства Великой Армении окончательно имело место при Арташесе I, который справедливо получил прозвище *Благодетель* (*Добрый*). Об окончательном объединении всех территорий государства наиболее интересны свидетельства Страбона. Отметим, что Арташес I хорошо известен античным авторам, и о нем свидетельствуют такие греко-римские историографы, как Полибий, Диодор Сицилийский, Плутарх, Иероним, и, естественно, Страбон. Последний об основании Великой Армении и воссоединении армянских территорий пишет: «Далее рассказывают, что Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия (*Арташес I — А. А.*) и Зариадрия (*Зарех — А. А.*). Они были первоначально полководцами Антиоха Великого (*Антиох III — А. А.*), а впоследствии, после его поражения, стали царями (первый — царем Софены, Акисены, Одомантиды и некотрых других областей, а последний — царем страны вокруг Артаксаты); они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов — предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и мосинеков — Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов — Акилисену и область вокруг Антитавра; наконец, у сирийцев — Таронитиду»[16]. При первом прочтении этого свидетельства создается впечатление, что царство Софены имело больше территорий, чем царство Арташеса I, поскольку рядом с Софеной Страбон упоминает еще два административно-территориальных деления, а далее пишет, что в состав Софены входили также и другие территории. Античный историк свои мысли разъясняет чуть позже. Проанализировав его свидетельства, можно прийти к заключению, что под страбоновским выражением «*под Арташатом*» следует понимать львиную долю территории Великой Армении, о которой мы знаем из «Ашхарацуйц»-а.

Страбон в своей «Географии», как было отмечено выше, упоминает почти 30 административно-территориальных делений Великой Армении, однако автор совершенно не различает *губернии* и *провинции*. Из перечисленных тридцати административно-территориальных единиц больше половины находились в западной части Великой Армении вокруг Софены или в соседних с ней территориях. Мы считаем, что именно по этой причине Страбон при своем первом описании Армении (о котором мы говорили выше в связи с Арменосом), он в основном говорит о западной и юго-восточной (но не крайней, упоминая только Адиабене и Калахене) территориях. Любопытно, что последние две территории греческий историограф считает населенными армянами, но находит, что они находились вне территории Великой Армении. ***Калахене*** находился южнее от ***Адиабене***, но в непосредственном соседстве. Здесь известный ассирийский царь Ашшур — Нацир — Апал II в IX в. до н. э. построил свою столицу *Кальху,* находившуюся на месте слияния рек *Тигра* и

[16] *Strabo*. XI. XIV. 5. См. также *Манандян Я.А*. ук. соч. С. 118 и дал.; История армянского народа. Т. I. С. 526—534 (авт. *Саркисян Г.Х.*).

Великого Заба. Наконец, следует отметить, что такой оживленный интерес Страбона именно к западной части Армении — результат того, что эти районы находились ближе к Риму. Что касается Софены, то как Страбон, так и другие античные историки-писатели имели к этой территории чересчур заинтересованное отношение[17].

Из последнего свидетельства Страбона нам стало очевидно, каким именно способом произошел процесс территориального воссоединения Армении, который, однако, нуждается в частичных разъяснениях. Название ***Акисене***, которое Р.А. Ачарян исправил на ***Антисене***, не следует путать с ***Акилисеной***, поскольку локализация последней четко выяснена[18]. Что касается так называемой ***Акисены—Антисенеина***, то можно всего лишь предположить, что ее следует искать в ***Софене***, или, в крайнем случае, в соседних с ней территориях. Еще более сложен и противоречив вопрос ***Одомантиса***, о котором мы говорили выше.

Вернемся к Атрашесу I. О том, как он реализовывал политику воссоединения, мы уже выяснили. К сказанному следует добавить, что локализации всех армянских административно-территориальных делений четко известны, кроме ***Фавнитиды***. Чтобы пойти наиболее верным путем в вопросе выяснения ее локализации, нам надо следовать последовательностям мыслей Страбона, который пишет: «В самой Армении много гор и плоскогорий, где с трудом растет даже виноградная лоза; много там и долин, причем одни из них не отличаются особым плодородием, другие же, напротив, чрезвычайно плодородны, например, равнина Аракса, по которой река Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море. За этой равниной идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Киром; еще далее идет Гогарена. Вся эта страна полна дикими плодами и плодами деревьев, выращенных человеком и вечнозелеными растениями; Здесь растет даже маслина. Провинцией Армении является Фавена, а также Комисена и Орхистена, выставляющая наибольшее число всадников. Хорзена и Камбисена — самые северные и больше всех покрыты снегом; они находятся на границе с Кавказскими горами, с Иберией и Колхидой. Как говорят, здесь на горных перевалах при сильном снегопаде целые караваны гибнут в снегу»[19].

Ситуация резко меняется, когда Страбон начинает говорить из перечисленных трех частей - западной, центральной и восточной — конкретно о географическом положении одной из них. В этом случае начинает выявляться его *северная географическая ориентация.* В вышеприведенном свидетельстве Страбон сначала перечисляет административно-территориальные единицы Великой Армении, находившиеся на севере, то есть ***Шакашене*** и ***Гугарк — Гогарене***, затем перемещается на юг, говоря о правителях этой части. В данном списке самой южной является ***Орхистене***, которая, однозначно, полностью совпадает с ***Арцахом***, согласно «Ашхарацуйц»-у. Остается выяснить, где именно находились остальные административно-территориальные деления, согласно Страбону, то есть ***Фавнена*** и ***Комисена.*** Как справедливо считает Р.А. Ачарян, *Комисена* — это та же ***Камбисена***, находившаяся на территории ***Хорзены*** [20]. Так как южнее Комисены находится ***Айрарат***, то Фавнену (Фавнитиду) следует искать южнее этого административно-территориального

[17] *Markwart J.* Sudarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen // Studien zur Armenischen Geschichte, Wien, 1930. Vol. IV. P. 58—62; *Evans R.* Roman conquest Asia Minor, Syria and Armenia, L., 2011. P. 97—102.

[18] *Страбон /* Пер. с франц. на арм. и коммен. Ачаряна Р.А. Ереван, 1940. С. 99—100.

[19] *Strabo.* XI. XIV. 4.

[20] *Страбон* С. 109, 111—112 (на арм. яз.). Об этих местностях см. *Акопян Т.Х.* Историческая география Армении (очерки). Второе изд. Ереван, 1968. *Юбшман Г.* Древнеармянские топонимы. Вена 1907. С. 25, 28, 33, 37 и дал. (на арм. яз.).

деления. Окончательное выяснение вопроса осложняется по той причине, что невозможно очертить четкие контуры границы губернии Айрарат при Арташесе I. Можно только предположить, что Фавнена, вероятно, занимала территорию на крайнем юго-востоке Айрарата или, в крайнем случае, находилась на севере ашхарацуйцовской губернии ***Сюник***, то есть между ним и Айраратом.

В пятом параграфе «Географии» (книга XI, раздел XIV) Страбон, упоминая, что Арташес и Зарех все воссоединенные территории завоевали у соседних народов, использует при этом многозначный глагол ἀποτέμνω (эп.-ион. ἀποτάμνω), который переводится как *рвать, отнимать, насильственно отделять*[21]. Переводчик Страбона с древнегреческого на русский язык Г. А. Стратановский данный отрезок представил следующим образом: «Они расширили совместно свои владения (*подчеркнуто нами — А. А.),* отрезав часть областей окружающих народностей…» [22]. Эта цитата показывает, что, в сущности, переводы Р.А. Ачаряна (перевод на армянский с французского языка) и Г.А. Стратановского практически идентичны[23]. Если следовать естественному развитию событий согласно автору, то можно заключить, что Арташес и Зарех были завоевателями. Однако свидетельства четвертого параграфа разъясняют обстоятельства. Страбон упоминает не только о тех главных районах Армении (поле Араксены, Орхистене), которые были аортами Армении, но и приводит общие контуры границ страны. На армяно-албанской границе находился ***Шакасене (Сакасене),*** в центре крайнего севера — ***Гогарене*** или ***Гугарк***, ниже него, как было выявлено, Фавнена, далее граница протянулась до ***Адиабены*** и ***Калахены***.

К вопросам описания армянских границ античным историком–географом обратился С.Т. Еремян, правильность герменевтического анализа которого не вызывает никаких сомнений[24]. Наконец, если бы у Страбона были бы хоть малейшие сомнения, то он никогда после описания всего процесса воссоединения не заключил бы свои свидетельства касательно рассматриваемого региона мыслью, что население всех этих территорий говорило на одном языке, т.е. было ὁμόγλωττους — «*одноязычным*», и дал бы определенную паузу в своем повествовании, пока не состоялся бы этот процесс [25].

Страбон обращается к вопросам границ, когда говорит и об орографии страны, но мы воздерживаемся от комментарий по этому поводу, поскольку проблема детально изучена предыдущими исследователями (см. Я.А. Манандян, С.Т. Еремян, Т.Х. Акопян, Э.Л Даниелян и др.)[26].

Последний статус Армении, который упоминает Страбон, соответствует эпохе Тиграна II Великого (95—55 гг. до н.э.). Хорошо известно, что в самом начале своего царствования Тигран II завершил процесс территориального воссоединения царства Великой Армении, так

---

[21] *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. I. М., 1958. С. 219.

[22] *Strabo.* XI. XIV. 5; *Арутюнян А.Ж.* Арташес I и основание царства Великой Армении. Вестник ЕГУ Ереван, 2006. № 3. С. 107—118 (на арм. яз.); Он же. Арташес I и основание древнеармянской профессиональной армии. ВДИ. М., 2009. № 2. С. 129 и дал.

[23] *Страбон*. С. 57 (на арм. яз.).

[24] *Еремян С.Т.* Армения по «Ашхарацуйц»-у (Армянской географии VII века) (опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе). Ереван, 1963. С. 67—68 (на арм. яз.); Он же. Карта «Армения по «Ашхарацуйц»-у».

[25] *Strabo.* XI. XIV. 5.

[26] О работах вышеназванных авторов было уже упомянуто. Из работ *Даниеляна Э.Л.* см. Армянские космографические труды VII века о строении Вселенной. Ереван, 1978.

как до него его дед Арташес I уже воссоединил 14 губерний, кроме Софены[27]. Страбон достаточно подробно описывает походы и завоевания Тиграна II, однако здесь в его повествовании отсутствует то воодушевление, которое мы видим, когда он говорит об Арташесе I или Зарехе. Видимо, поэтому он и воздерживается от называния этих территорий исконно армянскими и ставит между ними большой водораздел[28].

Какой вывод можно сделать из вышеизложенного? Приведя все к общему знаменателю, мы видим, насколько чутким становится античный историк и географ, когда речь заходит о государствах и очерчивании контура государственных границ. Совершенно очевидно, для него не могло быть иной позиции. Почему? Страбон был отлично знаком с римским и греческим обществами. Он прекрасно осознавал, что являет собой **граница** (греч. ἄκρα) для каждого гражданина. Древняя Греция на протяжении всей своей истории до эпохи эллинизма, когда страна была окончательно воссоединена Александром Македонским, являла собой классический пример города-государства. Когда гражданин покидал свой полис, он фактически переходил границу, волей-неволей оказываясь на территории другого города-государства. Эта общая ситуация не распространялась только в нескольких полисах (Спарта имела 8400 кв. км., Аттика — 2550 кв. км., Аргос — 1400 кв. км., а все 23 полиса Фокиды вместе взятые — 1650 кв. км.)[29]. Более того, слово *граница* имело у греков несколько синонимов и кроме слова ἄκρα использовались также слова ὅρος, ὁρισμός, которые соответствовали используемым четырем диалектам: ионическому, эолскому, ахейскому и дорийскому. Нарушение границы считалось святотатством, в результате чего постепенно межевые камни превратились в предмет культа в виде столбов бога Гермеса.

У древних римлян идеология **limes**-а (или границы) формировалась постепенно, поскольку здесь быстрыми темпами происходило объединением Римом Италии (VI—III вв. до н.э.). В Апеннинах сформировалась Римская республика как монолитное государство. Здесь идея границы получила окончательное гражданство, когда республика перешла к политике внешних завоеваний, укоренилось мышление провинциальной политики (первыми провинциями были острова *Сицилия, Сардиния* и *Корсика*, которые очутились в этом статусе в 241 г. до н. э. после завершения Первой Пунической войны между Римом и Карфагеном 264—241 гг. до н.э.). Любопытно, что и межевые камни удостоились особого наименования, именуясь **terminus,** и 23 февраля стало считаться днем их рождения и пышно праздновалось. Праздник получил название *терминал.*

Страбон был родом из Понта (находившегося в Малой Азии), из города Амасии (в год его рождения — 63 г. до н.э. — это государство было сокрушено Римской республикой. Амасия в настоящее время находится на территории современной Турции — г. Амасья). Он побывал практически во всех цивилизованных странах того времени: в Греции, Риме, Сардинии, Эфиопии, Египте и т.д. Древнегреческий историк прекрасно осознавал, что представляет собой государственная граница в целом и в частности. Таким образом, руководствуясь своим мировоззрением, он не ставил разницы между Арменией и Великой Арменией (доарташисидской и арташисидской), но различал *Великую Армению* и основанное

---

[27] В этом вопросе все исследователи единогласны, за исключением Я.А. Манандяна, который находит, что Арташес I воссоединил 13 губерний. См.: *Манандян Я.А.* Ук. соч. Т. 1. С. 121—122.

[28] *Strabo.* XI. XIV. 15, XII. II. 9. XVI. I. 19. см. также *Адонц Н.Г.* Тигран Великий. предислов. *Оганесяна П.О.* Ереван, 2010. С. 75 и дал; *Манандян Я.А.* Тигран II и Рим. В новом освещении согласно первоисточникам. Труды. Т. I. Ереван, 1977. С. 396—420 (на арм. яз.); *Манасерян Р.Л.* Тигран Великий. Борьба Армении против Парфии и Рима, Ереван, 2007. С. 265 и дал.

[29] *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 141 и дал. История древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина и др. М., 2001. С. 126—130.

Тиграном II *царство Великой Армении*. Это отражено в упомянутом им договоре, подписанном Тиграном и Помпеем в 66 г. до н. э. в г. Арташате: Великая Армения сохранила status quo и отказалась от всех завоеванных территорий. Об этом единогласно свидетельствуют все античные историки, упоминающие текст данного договора (Дион Кассий, Аппиан, Плутарх). Фактически, в тексте вроде бы отсутствовало выражение «ваше — столько», которое, не исключено, было произнесено устно. Римляне даже Софену не отделили от Великой Армении, которая на очень короткое время получила *status in statu*. Более, для ослабления Софены и окончательного подчинения ее Великой Армении Римом (Помпеем) было решено, что Великая Армения будет выплачивать контрибуцию в основном из казны Софены.

Таким было восприятие Страбоном границ *Армении, Великой Армении* и *державной Армении Тиграна Великого*. Первые две границы в его мировоззрении неразделимы. А последнюю он рассматривает как временное явление или анахронизм.

Резюме

Свидетельства Страбона очень важны при выяснении границ древней Армении. Восприятие древнегреческим историком границ *Армении, Великой Армении* и *державной Армении Тиграна Великого* неоднозначно. Первые две границы в его мировоззрении неразделимы. А последнюю он рассматривает как временное явление или анахронизм.

Ключевые слова: Страбон, Великая Армения, Армения, государственная граница, античные историки, Арташес I, Тигран II Великий.

Summary

In the matter of finding the frontiers of ancient Armenia evidence of Strabo are very essential. The perception of the frontiers of Armenia, the Great Armenia and the State Armenia of Tigran II the Great by ancient Greek historian is not the same. The first two boundaries in his world outlook are inseparable. And the last he sees as a temporary phenomenon or an anachronism.

Keywords: Strabo, The Great Armenia, Armenia, frontier, ancient historians, Artashes I, Tigran II the Great.

УДК 94 (477.7)

В.В. Хапаев

РОЛЬ СТРАТИГОВ ХЕРСОНА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X ВЕКА

В X в. Византийская империя располагалась на двух континентах. Ее земли простирались с запада на восток от Италии до верховьев Евфрата, а с севера на юг — от Южной Таврики до Северной Сирии. Многие территории (итальянские, таврические, островные) были эксклавами. Поэтому, их властям часто приходилось принимать самостоятельные решения для организации обороны от нападения внешних врагов. Однако, в соответствии с византийской внешнеполитической стратегией, нападений следовало всячески избегать, в том числе — через шпионаж и подкуп потенциального противника[1]. Не была исключением и фема Херсон.

По данным византийских письменных источников (в первую очередь трудов Константина Багрянородного, Продолжателя Феофана, а также писем патриарха Николая Мистика), в зону внешнеполитической ответственности стратига Херсона входили: кочевья печенегов (Северное Причерноморье), черных болгар (Северное Приазовье), Хазария (Восточное Приазовье и Северный Кавказ до Терека), кавказская Алания (центральная часть Северного Кавказа) и Русь. Причем, экономические интересы Херсона прослеживаются только в хазарских и печенежских землях[2], а Русь, кочевья черных болгар и Алания были для стратига Херсона лишь объектами, на которые следовало оказывать дипломатическое воздействие в интересах безопасности империи вообще и фемы Херсон в частности.

Из текста трактата «Об управлении империей»[3] ясно, что император не рассчитывает на военную силу для защиты фемы Херсон от возможного нападения печенегов, хазар или росов. Он полагается на дипломатию «разделяй и властвуй», считая необходимым натравливать печенегов на росов[4], алан — на хазар[5], а от нападения печенегов откупаться[6].

О том же свидетельствует и русско-византийский договор, традиционно датируемый 944 г.[7], заключенный по итогам не состоявшейся русско-византийской войны. Этот документ требует от росов защищать «Корсунскую страну» от черных болгар и при этом не причинять ей вреда. Договор 971 г.[8] предполагает, что росы не будут нападать на «власть Корсунскую»

---

[1] Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X века / [подг. изд. В. В. Кучма]. СПб., 2002. С. 360; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. С. 41; *Люттвак Э.Н.* Стратегия Византийской империи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 89.

[2] *Хапаев В.В.* Экономический базис византийского Херсона во второй половине X века // Этносоциум и межнациональная культура. Альманах «Крым». 2013. № 1. С. 18—35.

[3] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 53.

[4] Там же. С. 39.

[5] Там же. С. 53.

[6] Там же. С. 37.

[7] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. Т. 1. Изд. 2-е. Стлб. 51 и сл.

[8] Там же. Стлб. 73.

ни сами, ни в союзе с другими народами. История приключений сына херсонского протевона патрикия Калокира в стане киевского князя Святослава, датируемая 968—971 гг. (от посылки его к росам для организации их нападения на Болгарию до бегства из осажденной Иоанном Цимисхием Преславы)[9] показывает, что и росам в византийской системе восточноевропейских «сдержек и противовесов» отводилась роль угрозы для болгар, причем, не только черных (приазовских), но и дунайских.

Различные письменные источники по истории Причерноморья X в. сообщают, что византийские власти Херсона в этом столетии активно (хотя и не всегда успешно) выполняли задачи по стравливанию между собой могущественных северных соседей Византии, а также отслеживали их возможные нападения на саму империю. Хронология внешнеполитических успехов и поражений херсонских стратигов такова.

913—917 гг.

Византийский вельможа Иоанн Вога, возможно, печенег по происхождению[10], выпросив себе сан патрикия, организует нападение печенегов на болгар, атаковавших империю в ответ на отказ от ранее выплачивавшейся им дани: «Болгарин Симеон[11] вновь опустошал Фракию, и августа[12] вместе с вельможами пребывала в раздумьях, как обуздать его наглость. В это время попросил Иоанн Вога титул патрикия, пообещав поднять против Симеона печенегов. Добившись желаемого и взяв дары, он отправился в печенежскую землю. Иоанн заключил договор, взял заложников и вместе с ними вернулся в город[13], заручившись согласием печенегов переправиться и воевать Симеона»[14]. «Друнгарию Роману[15] было приказано переправить печенегов на помощь Льву Фоке[16] против болгар[17], однако, между Романом и Иоанном начались распри и споры, и печенеги, видя, как они враждуют и ссорятся между собой, вернулись домой. По окончании войны и возвращении в город Романа и Воги, против них было возбуждено обвинение и, что касается друнгария Романа, дело дошло до того, что его приговорили к лишению глаз, поскольку он по нерадению и, того более, злокозненности не переправил печенегов, но поспешно отступил и

---

[9] *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. С. 13—16.

[10] Гипотеза о печенежском происхождении Иоанна Воги принадлежит венгерскому византинисту Дьюле (Гьюле) Моравчику (См.: *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen quellen. Teil II. Leiden: E.J. Brill, 1983. S. 92). Публикатор Продолжателя Феофана Я.Н. Любарский и С.Б. Сорочан к ней присоединились (См.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / [пер. Я. Н. Любарского]. СПб.: Наука, 1992. С. 162, прим. 736; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1—2. Харьков: Майдан, 2005. С. 1479, прим. 1164).

[11] Симеон I Великий — князь Дунайской Болгарии с 893 г. В 913 г., когда болгары осадили Константинополь, Симеон был венчан на царство патриархом Николаем Мистиком.

[12] Имеется в виду вдовствующая императрица Зоя Карбонопсина (мать малолетнего Константина VII).

[13] Имеется в виду Константинополь.

[14] Продолжатель Феофана. С. 162.

[15] Друнгарий флота Роман — будущий император Роман I Лакапин.

[16] Имеется в виду переправа через Дунай.

[17] Здесь речь идет о событиях августа 917 г. — т.н. «битве у реки Ахелой», в которой ромеи, не получившие помощи печенегов из—за распрей Воги и Лакапина, потерпели сокрушительное поражение (См.: Продолжатель Феофана. С. 163, прим. 744).

не взял на суда спасающихся бегством ромеев. И подвергся бы он этому наказанию, если бы приговор не был отменен стараниями патрикия Константина Гонгилы и магистра Стефана[18], пользовавшихся влиянием у августы»[19].

Как видно из приведенных выше пассажей Продолжателя Феофана, в отличие от Романа Лакапина, следствие не нашло криминала в действиях Воги, а его умение договариваться с печенегами было оценено по достоинству. Поэтому, как явствует из другого (документального) источника — письма царю Симеону патриарха Николая Мистика — патрикий Вога назначается стратигом именно туда, где на постоянной основе осуществлялись контакты империи с кочевниками причерноморских степей — в Херсон. Патриарх писал болгарскому царю так: «… тебе небезызвестен Вога, который назначен стратигом в Херсон. Вот этот стратиг Херсона не перестает все время сообщать, что болгары прилагают все усилия, чтобы печенегов и другие народы, которые обитают в тех краях, привлечь к участию в нашествии на ромеев и войне. И не то, чтобы он то говорил, то молчал об этом, но непрерывно и ежедневно этими посланиями и речами он беспокоит наши уши и сердце…»[20].

Иоанн Вога, видимо, недолго исполнял должность стратига Херсона, т.к. 919 или 920 годом датируется еще одно письмо Николая Мистика в Херсон, адресованное неизвестному лицу, в котором публикаторы документа видят следующего стратига Херсона[21].

919—920 гг.

В этом письме Николай Мистик дает адресату указание содействовать еще одной внешнеполитической акции византийцев в причерноморских степях. На этот раз — миссионерской поездке новоназначенного архиепископа Херсонского в Хазарию: «… так как прибывшие из Хазарии испрашивали себе епископа для совершения хиротонии пресвитеров и трудов, приемлемых на соблюдение чистой христианской веры, то [наше смирение] отправило новонареченного архиепископа Херсонского; ему—то с Божьим содействием следует отправиться в Хазарию и что нужно там совершить, и затем возвратиться к кафедре Херсонской; и так промысли обо всем этом, как подобает сыну Церкви, содействуя делу в Хазарии и возведению и упрочению архиепископа на собственной его кафедре после того, как он совершит путь в Хазарию…»[22].

Намек на то, что стратигом был назначен (как повелось со времен Феофила) выходец из Константинополя, причем, не на длительный срок, служит окончание письма патриарха, в котором он желает адресату: «… да явит же тебя Христос Бог наш в деле этом достохвальном и дарует тебе благополучное возвращение сюда»[23]. С.Б. Сорочан[24] предположил, что этим стратигом был протоспафарий Иоанн Протевон, которого Константин Багрянородный упоминает как стратига Пелопоннеса в связи с восстанием местных славян, не желавших ему

[18] Константин Гонгила и Стефан — члены регентского совета при малолетнем Константине VII (см.: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3: Период Македонской династии (867—1057). М., 2005. С. 422).
[19] Продолжатель Феофана. С. 163.
[20] Цит. по: *Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 1478—1480.
[21] Там же. С. 1487, прим. 1197.
[22] Цит. по: Там же. С. 1490—1492.
[23] Цит. по: Там же. С. 1492—1494.
[24] Там же. С. 599.

подчиняться (служить в войске, ходить в походы и «исполнять иные службы для казны»)[25]. Эти события датируются 921—922 гг.[26]. Поскольку в Херсонесе было обнаружено 2 моливдовула с надписью: «Господи, помоги твоему рабу Иоанну Протевону, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона» и изображением процветшего креста, датируемых первой четвертью X в., Н.А. Алексеенко предположил, что Протевон был переведен с Пелопоннеса в Херсон как не справившийся со своими обязанностями[27].

Действительно, Константин Багрянородный сообщает, что в разгар славянского неповиновения на Пелопоннесе император Роман I сменил там стратига. Но из текста источника не вытекает, что сделал он это в наказание Протевону, т.к. решение о назначении стратигом Пелопоннеса иного лица было принято **до** того, как император узнал о славянских возмущениях: «Пока дошло его (Протевона — В.Х.) донесение, стратигом для Пелопоннеса был избран протоспафарий Кринит Аротра»[28]. Поэтому, смена стратига на Пелопоннесе, видимо, была вызвана тем, что пришедший к власти в результате переворота в 920 г. Роман Лакапин расставлял в фемах своих людей, а не недовольством службой Протевона. Тем более что в другой главе трактата Константин Багрянородный ставит его действия в пример, сообщая, что в бытность стратигом Пелопоннеса, Иоанн сумел—таки с выгодой для империи договориться со славянами: позволил им откупиться от военной службы и «выставить [взамен] тысячу коней, оседланных и взнузданных, и один кентинарий в наличной монете (7200 номисм — В.Х.), что они и предоставили с большой готовностью»[29].

Поэтому, С.Б. Сорочан предположил, что Иоанн Протевон был назначен на Пелопоннес уже после его службы в Херсоне: «Этот императорский протоспафарий Иоанн Протевон мог оказаться тем самым анонимным корреспондентом Николая I Мистика, с которым патриарх виделся в Константинополе перед отправкой неизвестного в Херсон… и состоял в переписке в марте—апреле 919 г. Только его молодость и желание выслужиться на новом месте, где он сменил, вероятно, патрикия Иоанна Вогу, объясняют, почему новоиспеченный стратиг пустился в тяжелое морское плавание к Херсону, едва открылся навигационный сезон, и лишь чудом избежал опасностей, которые могли стоить ему жизни (об этом сообщается в начале цитированного выше письма — В.Х.)»[30].

Более того, С.Б. Сорочан предположил, что фамилия Протевон могла означать херсонское происхождение военачальника, т.к. именно для этого города характерно такое написание должности первенствующего[31]. Однако, как справедливо замечает сам автор гипотезы, вслед за критикующей ее В.С. Шандровской[32], все это еще надо доказывать (если вообще получится когда—либо доказать)[33].

---

[25] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 221, 245.

[26] Там же. С. 436, прим. 21

[27] *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX—XI вв. // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 710.

[28] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 221, 223.

[29] Там же. С. 245.

[30] *Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 599, прим. 78.

[31] Там же. С. 599.

[32] *Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 247—255.

[33] Не желая стать соучастником создания нового историографического мифа, отмечу, что имеется еще 7 моливдовулов протоспафария Иоанна Протевона, стратига Херсона, с изображением фигуры св. Иоанна, 5 из которых оттиснуты одним штампом. Они датируются рубежом X—XI вв. (См.: *Алексеенко Н.А.* Указ. соч. С. 738, № 40—46; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона

Около 940 года.

Согласно Документу Шехтера[34], в царствование Романа I и хазарского кагана Иосифа византийцы натравили на хазар росского полководца Хальгу, который сжег Таматарху. Реакцией хазар на это был знаменитый карательный поход Песаха, в ходе которого развернулась настоящая битва за Херсон, с применением подземных коммуникаций («они вышли из земли наподобие червей»[35]), гибелью 90 воинов (видимо, византийских), окончившаяся победой хазар, вынудивших византийцев платить им дань, а роса Хальгу «воевать против Константинополя на море четыре месяца»[36].

Источник не содержит прямых указаний на то, что росов на хазар натравили именно херсониты. Однако основания для такого предположения есть. Во-первых, победа Песаха над херсонитами стала окончанием его похода, и он добился желаемого: повернул росов на Константинополь, при этом заставив византийцев платить хазарам дань. Во-вторых, в четырехмесячном походе росов на Константинополь исследователи единодушно усматривают русско-византийскую войну 941 г.[37], и предупредили столицу об этом нашествии именно херсониты.

941—944 годы.

Набег росов во главе с князем Игорем Рюриковичем на Константинополь и его окрестности, длившийся с 11 июня по 15 сентября 941 г., несмотря на звериную жестокость, проявленную его участниками, окончился полным поражением нападавших[38], т.к. столица была о нем предупреждена. Продолжатель Феофана (главный источник информации об этих событиях и, судя по всему, их очевидец) не пишет о том, кто сообщил в столицу о приближении росов. Автор древнерусской ПВЛ, в значительной степени повторяющий сведения византийского хрониста (через «посредничество» Продолжателя Амартола)[39], хотя и более комплиментарно для росов описывающий ход кампании, утверждает, что византийцев предупредили болгары: «Иде Игорь на Греки . ꙗко послаша Болгаре вѣсть ко цр҃ю . ꙗко идуть Русь на Цр҃ьградъ»[40]. Однако, другой византийский источник, Житие св. Василия Нового (очевидца похода 941 г.), составленное в середине X в. его учеником

(конец IV — XI века): дис. … кандидата ист. наук : 07.00.02. К., 2009. С. 218, № 20). Поскольку моливдовулы Херсона (в т.ч. и вышеупомянутые) датируются только по палеографическим признакам и не имеют археологического контекста, который позволил бы проверить их хронологию, нельзя утверждать с уверенностью, что печати обоих Иоаннов Протевонов принадлежат разным лицам, которых отделяет друг от друга три четверти века. Возможно, что Иоанн Протевон «пелопоннесский» никогда не назначался в Херсон, а «херсонскому» Иоанну никогда не писал Николай Мистик. Но то, что данная гипотеза интересна для дальнейшей разработки, несомненно.

[34] *Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 1535—1552.

[35] Цит. по: Там же. С. 1548.

[36] Цит. по: Там же. С. 1549.

[37] Историографию вопроса см. в: *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. К.: Академпериодика, 2004. С. 37—38.

[38] Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 176—177.

[39] *Истрин В.М.* Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. II. Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование. Петроград: Рос. гос. академ. типография, 1922. С. 347.

[40] Лаврентьевская летопись. Стлб. 44.

Григорием[41], сообщает следующее: «… а через несколько дней распространилась весть во дворце и между жителями города (Константинополя — В.Х.) об их набеге на нас, а через несколько дней херсонский стратиг прислал василевсу донесение, заявлявшее о том, что они уже приближались к этим областям»[42]. Таким образом, сопоставляя данные ПВЛ и Жития, можно предположить, что об угрозе нападения в Константинополь сообщили болгары, а о самом его приближении — стратиг Херсона.

Благодаря этому византийцы (хотя и с огромными потерями со стороны мирного ромейского населения) сумели одержать полную и безоговорочную победу, воспоминаниями о которой, по свидетельству Льва Диакона, в 971 г. Иоанн Цимисхий запугивал Святослава: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды»[43].

Упоминание о Киммерийском Боспоре в этой связи показательно. Если согласиться с версией о том, что росы отправились на Константинополь в результате поражения от Песаха, которое они потерпели, видимо, также в Приазовье, получается, что движение флота росов на Константинополь в июне 941 г. и его остатков в сентябре того же года проходило вдоль побережья фемы Херсон. И неудивительно, что херсониты обо всем этом были хорошо осведомлены.

О следующем походе Игоря, который древнерусская летопись датирует 6452 (944) годом, сообщает только древнерусская летописная традиция[44]. Боестолкновений в этой войне не было вовсе. Узнав о начале похода, херсониты доложили Роману I о том, что «идет Русь на бесчисленных кораблях». Как и в прошлый раз, сообщение о нападении пришло также и от болгар, которые присовокупили к ней страшную для византийцев информацию — печенеги на сей раз выступили на стороне росов: «идет Русь и наняли себе печенегов». Данная угроза (особенно в свете разорения, причиненного росами в 941 г.) была воспринята Романом I как неприемлемая. Он решил откупиться и от росов, и от печенегов, и денег не пожалел: «возьми дань, которую имел Олег, и еще прибавлю к той дани», — обращается он через послов к Игорю. Печенегам были отосланы шелка и золото. В результате росы данью удовлетворились, не будучи уверены в победе, а печенегам Игорь велел (sic!) воевать болгарскую землю. Последнее утверждение выглядит неправдоподобным, т.к. приказать печенегам никто ничего не мог: по свидетельству Константина Багрянородного, их можно было только нанять[45].

---

[41] *Бибиков М.В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 496.

[42] Цит. по: *Вилинский С.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Тексты // Записки Новороссийского университета: Историко-филологический ф-т. Одесса, 1911. С. 201.

[43] *Лев Диакон.* История. М.: Наука, 1988. С. 57.

[44] Лаврентьевская летопись. Стлб. 45—46.

[45] «… *будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы*» (См.: *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 41). «*Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными в войне и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков: заложники домогаются одного для себя, другого для своих жен, охранники — одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей. Затем, когда василик* (посланец императора — В.Х.) *вступит в их страну, они требуют, прежде всего, даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и для своих родителей. Мало*

В данном случае херсониты смогли предупредить столицу о походе росов заранее, потому что постоянно находились в днепровском устье, о чем свидетельствует договор, заключенный по итогам этого (обошедшегося без кровопролития) противостояния.

В стремлении византийцев откупиться от врага нельзя усматривать трусости или слабости. Это полностью укладывается в парадигму Большой стратегии Византийской империи, глубоко изученной и доказательно реконструированной американским исследователем Э. Люттваком. Вот несколько важных для нашего исследования тезисов:

1. Византийцы не стремились уничтожить врага. «Никогда не существовало какого—то единственного врага, уничтожение которого можно было бы счесть равноценным прекращению конфликта… уничтожение одного врага могло попросту открыть путь другому — возможно, еще более опасному. Кроме того, вчерашний враг мог стать сегодня ценным союзником. Обхаживать потенциальных врагов, привлекать их в качестве союзников — это не было оригинальным изобретением византийцев, но это стало их специальностью»[46].

2. Византийцы берегли свою армию от потерь, т.к. она была сколь профессионально обученной, столь и малочисленной: крупные потери могли оказаться фатальными, т.к. византийского бойца требовалось очень долго готовить: «Критическим ограничением выступала не нехватка людской силы и не отсутствие денежных средств, а выучка — или, скорее, время, необходимое для того, чтобы полностью обучить бойцов. Учитывая византийский опыт войны, бойцы, обладающие лишь элементарными навыками, были почти бесполезны в имперской армии. Она нуждалась в многосторонних профессиональных военных, входящих в состав сплоченных и хорошо обученных подразделений, готовых по команде выполнять различные практические задачи… византийские бойцы, не отслужившие года, считались все еще не готовыми к сражению»[47].

3. Поэтому, византийцы считали выплату дани более выгодной, чем затраты на подготовку новой армии и восстановление хозяйства в случае военного поражения. Более того, они усматривали в этом пользу для собственной экономики: «Гунны и все их преемники неизбежно вынуждены были использовать золото, полученное в качестве дани, чтобы покупать необходимые вещи и безделушки у империи… так что золото… возвращалось в оборот в границах империи достаточно быстро… уплата дани не снижала производство: на деле она скорее стимулировала экономическую деятельность за счет повышения скорости обращения золота»[48].

Таким образом, в 944 г. Роман I провел гораздо лучшую кампанию, чем в 941 г. Именно он, а не Игорь, который из первого похода еле ноги унес, а из второго вернулся «восвояси» победителем. Император предотвратил неизбежное разорение европейских фем империи, гибель войска, которое после кровопролитных сражений 941 г. было недавно пополнено и заново обучено. Показательно, что по сведениям той же Повести временных лет, за год до нашествия росов и печенегов, в 943 г. Роман I обезопасил себя мирным договором от нашествия на Константинополь венгров[49]. То же он поспешил сделать после похода 944 г. и с Русью.

того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят с ним, просят у него, чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей» (См.: Там же. С. 43).

[46] *Люттвак Э.Н.* Указ. соч. С. 404.

[47] Там же. С. 405.

[48] Там же. С. 409.

[49] Лаврентьевская летопись. Стлб. 45.

Известие о том, что в 944 г. печенеги оказались в союзе с Русью, означает, что на северо-причерноморском направлении, за которое отвечал стратиг Херсона, византийцы допустили серьезный внешнеполитический провал. Более того, судя по сообщению летописца, в Херсоне даже не знали об этом союзе: херсониты увидели лишь флот росов, а о печенегах, двигавшихся на конях, не ведали. Это ставило под угрозу не только центральные районы империи, но и, в первую очередь, сам Херсон: его экономические интересы в «ближней зоне ответственности» (устье Днепра и Западном Крыму), его военную безопасность. Подобное развитие событий сделало как никогда реальной перспективу потери византийцами их владений в Таврике, беззащитных перед лицом ставших враждебными хазар, печенегов, а уж тем более росско-печенежского союза.

Все это вынуждало Романа I спешить с заключением всеобъемлющего мирного договора, который бы регламентировал как торгово-экономические, так и военно-политические отношения между государствами. Учитывая, что уже 16 декабря 944 г. Роман I был свергнут с престола сыновьями Константином и Симеоном и сослан на Принцевы острова[50], а договор заключен со стороны Византии от имени всех троих[51], он не может датироваться 945 годом, как это обычно делается в публикациях ПВЛ, что отмечал еще Д.С. Лихачев[52].

Византийские послы, как явствует из текста летописи, прибыли с предложением мира в Киев от имени трех императоров (Романа и его сыновей), затем Игорь отправил в Византию весьма многочисленную делегацию, которая, в присутствии византийских владык и с участием их вельмож, выработала текст мирного договора. Затем он был привезен росскими и византийскими послами в Киев, где Игорь поклялся соблюдать договор у идола Перуна, а его послы из числа христиан — в церкви св. Ильи. После чего, как пишет летопись, «… и прıспѣ ѡсень . [и] нача мъıслити на Деревлѧнъı . хотѧ примъıслити большюю да^{нь}»[53]. Далее начинается следующая статья летописи — о походе Игоря к древлянам за полюдьем и его убийстве, датированная тем же годом, что и предыдущая — 6453, что для ПВЛ совершенно не характерно: как правило, в ней каждому году посвящена одна статья.

Хронологически «примирить» датировку ПВЛ и тот факт, что в 945 г. Роман I уже не мог принимать участия в переговорах, нелегко, но можно. Информация летописца о византийском и росском посольствах в Киев, Константинополь и снова Киев явно проистекает из древнерусских источников, т.к. содержит имена всех росских послов и ни одного византийского. Поэтому, логично полагать, что в первоисточнике эта информация датирована по одному из двух календарей, вперемешку использовавшихся в русских летописях XII—XV вв.: мартовскому или ультрамартовскому. По данным специалиста в области хронологии ПВЛ С.В. Цыба, ультрамартовские датировки (наряду с мартовскими) начали появляться в русских летописях в 20-е гг. XII в., т.е. уже во время составления Сильвестровской редакции летописного свода[54].

В соответствии мартовским календарем, «лето 6453» наступило в марте 945 г. и закончилось в феврале 946 г. В соответствии с ультрамартовским, этот год начался в марте 944 г. и закончился в феврале 945 г. Текст договора, приведенный в летописи, по

[50] История Византии: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 186.

[51] Лаврентьевская летопись. Стлб. 46—53.

[52] ПВЛ. Ч. II. Приложения. / [Статьи и комментарии: Д. С. Лихачев]. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 288.

[53] Лаврентьевская летопись. Стлб. 54.

[54] *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул: Изд-во Алтайск. ун—та, 1995. С. 46.

единодушному признанию исследователей[55], является древнерусским переводом с греческого оригинала, написанного, как указано в летописи, на «харатье», т.е. пергамене[56]. Соответственно, он мог быть датирован только по византийскому сентябрьскому календарю, в котором 6453 год начинался 1 сентября 944 г. и заканчивался 31 августа 945 г.

Таким образом, время для переговоров и составления договора (при сопоставлении древнерусского ультрамартовского и византийского сентябрьского календарей) ограничивается осенью 944 г., а при сопоставлении мартовского (по которому механически переведены в современное летосчисление все датировки ПВЛ) и сентябрьского календарей, совпадение этих событий и вовсе невозможно.

При этом, правда, возникает сложность с датировкой предшествующей статьи летописи — о походе Игоря на Византию. Если ее дата «лето 6452» также дана по ультрамартовскому календарю, значит, поход был в 943 г., но при этом начинает опасно сдвигаться вся хронология летописи. Поэтому, логичнее предположить, что утраченный первоисточник, сообщавший о походе, использовал единственно применявшийся на Руси до XII в. мартовский календарь. Тогда поход, начавшийся в конце весны — начале лета 944 г., действительно относится к 6452 г. по византийскому сентябрьскому и древнерусскому мартовскому календарям. Следовательно, летописная датировка похода 6452, а договора 6453 годом не вступает в противоречие с тем, что оба эти события необходимо «уместить» в 944 январский год — до низложения Романа I. В пользу того, что информация о походе и подписании договора могла быть изначально датирована по разным календарям, говорит тот факт, что составитель летописи поместил эти два взаимосвязанных события в разные статьи, имея на руках текст договора с византийской сентябрьской датой 6453 г. и древнерусский первоисточник о походе, датировавший его 6452 мартовским годом.

Таким образом, предположительно, источники, которыми пользовался составитель ПВЛ, датированы:

а) древнерусское известие о походе 944 г. — по мартовскому календарю;

б) древнерусское известие о переговорах в Киеве и Константинополе и подписании мирного договора — по ультрамартовскому календарю, само появление которого вызвано влиянием византийского сентябрьского календаря и возникавшей в связи с этим в головах древнерусских летописцев и агиографов хронологической неразберихой;

в) текст мирного договора, оригинал которого был написан и датирован византийцами — по сентябрьскому календарю.

Справедливости ради отмечу, что данные рассуждения — одни из многих, в которых делается попытка разгадать хронологическую путаницу ПВЛ. Например, С.В. Цыб в монографии, специально посвященной хронологии первой русской летописи, доказывает, что ее редактор Сильвестр произвольно расставлял события в рамках хронологической сетки, и даже занимался их «делением». Исследователь (вслед за жестким критиком достоверности ПВЛ А.А. Шахматовым[57]) полагает, что похода 944 г. не было, он был в 941 г., тогда же состоялись переговоры и заключение мира[58], но признает, что в хронологии описываемых событий наблюдаются признаки «постмартовского (т.е. ультрамартовского — В.Х.)

[55] *Бибиков М.В.* Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 5—15.
[56] Лаврентьевская летопись. Стлб. 46.
[57] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. IV. Л., 1940. С. 72.
[58] *Цыб С.В.* Указ. соч. С. 45.

хронологического редактирования»[59]. Однако, как было показано мною в статье «Поход Владимира на Корсунь»[60], датировки и событийный ряд, изложенный в ПВЛ, заслуживают куда большего доверия, чем принято им в последнее время оказывать. Корректировки, которые порой необходимо проводить на основе сопоставления с другими источниками, в отношении изложенных в летописи событий Х в., как правило, не больше одного года, или вовсе не требуются[61].

Поэтому, не стану отрицать ни описанных очевидцем (Продолжателем Феофана) ужасов похода 941 г., ни взаимовыгодно разрешившегося противостояния 944 года, описанного автором ПВЛ. Просто констатирую, что послов в Киев для заключения мира и союза Роман I направил, видимо, сразу по завершении конфликта, т.е. во второй половине лета 944 г. (6452 г. по византийскому сентябрьскому и древнерусскому мартовскому календарям), а договор был подписан в Константинополе в сентябре 944 г. (т.е. в 6453 г. по византийскому сентябрьскому календарю), после чего незамедлительно направлен на утверждение Игорю. Для византийцев это было важно еще и потому, что им предстояло вернуться в Константинополь до окончания навигации, т.е. до конца октября. Тем более что той же осенью, как повествует летопись, Игорь отправился к древлянам, от которых живым уже не вернулся, а в декабре был свергнут Роман I.

Для нашего исследования важнее другое. В первом большом (по крайней мере, из сохранившихся) русско—византийском договоре содержится целая группа статей, защищающих интересы безопасности Корсуня и Корсунской страны (т.е. Херсона и его фемы). Мы не можем предполагать, что византийскую делегацию к Игорю возглавлял херсонский стратиг: ее статус был, видимо, выше. Однако, его участие в переговорах и в Киеве, и в Константинополе весьма вероятно. Итак, что (согласно тексту договора) заботило этого незнакомого нам по имени византийского правителя «Корсунской страны».

1. Русские князья не должны претендовать на обладание ни одним из византийских городов в Крыму и византийской Таврикой в целом.

2. Росы не должны использовать «береговое право», т.е. не грабить выброшенные на берег ромейские корабли, не порабощать и не убивать членов их экипажей.

3. Росы гарантируют безопасность рыбной ловли херсонитов в устье Днепра. Кроме того, на побережье Черного моря они не должны оставаться на зимовку: им следует уходить на Русь, что, видимо, было гарантией от внезапных нападений росов на византийцев весной, до начала навигации.

4. Росы должны препятствовать нападениям черных болгар на «Корсунскую страну»[62].

За всё это византийцы обещают оказывать росам, в случае нужды, военную помощь. При этом никаких экономических интересов, которые связывали бы Херсон с Русью, договор не фиксирует: экономическая часть договора касается, по сути, только Константинополя. Херсонитов же волнуют в отношении Руси исключительно вопросы безопасности. И можно констатировать, что договор 944 г., в части защиты интересов херсонитов, исполнялся до 987 г., когда его нарушил внук Игоря Владимир Святославич.

Сын Игоря Святослав, безуспешно пытавшийся воевать с византийцами за Болгарию, в договоре 971 г. лишь подтвердил гарантии безопасности «власти Корсунской»[63].

---

[59] Там же. С. 46.

[60] *Хапаев В.В.* Поход Владимира на Корсунь // Родина. 2009. № 10. С. 102—104; Он же. Поход Владимира на Корсунь // Родина. 2009. № 11. С. 44—45.

[61] Ту же точку зрения отстаивал Д.С. Лихачев. В частности, его мнение о событиях русско-византийского противостояния 941—944 гг. см. в: Повесть Временных лет. Ч. II. Приложения. С. 288.

[62] Лаврентьевская летопись Стлб. 51 и сл.

Неоднократно предпринимавшиеся в историографии попытки доказать, что росы до 987 г. совершали набеги в Крым, захватывали отдельные его части[64], полностью лишены источниковой базы: как документальной и нарративной, так и археологической. А потому, остаются не более чем измышлениями.

Таким образом, русско-византийский договор 944 г. можно признать не только успехом молодого русского государства, что проходит рефреном в отечественной историографии с момента ее возникновения, но и успешным опытом реализации византийской внешнеполитической стратегии. Кроме того, появление в договоре раздела о безопасности «Корсунской страны» стало важным достижением тогдашнего стратига Херсона (а, возможно, целой херсонской делегации).

За всеми вышеописанными событиями со стороны внимательно наблюдал отстраненный от власти (хотя официально не низложенный) император Константин VII (905—959 гг.), который, после возвращения себе престола в 945 г., смог на основе чужого опыта сформулировать внешнеполитические стратагемы, легшие в основу его наставлений сыну в трактате «Об управлении империей».

Как было показано выше, опыт внешнеполитических успехов и неудач нескольких поколений херсонских стратигов был Константином Багрянородным учтен, а их усилия оценены его преемниками по достоинству. Если в Тактиконе 842/843 г. стратиг Климатов упоминается последним, шестнадцатым из стратигов[65], в Тактиконе 934—944 гг. стратиг Херсона — предпоследним, 29—м из 30[66]; то в аналогичном документе 971/975 г. — уже 41—м из 82—х. При этом, впервые упомянутый в нем стратиг Боспора занимал последнюю, 82—ю позицию[67].

То есть, в иерархии разраставшейся имперской бюрократии (и особенно — военного командования) статус стратигов Херсона в течение X в. значительно возрос, что отразилось и в их титулатуре. Если в первой половине X в. стратиги Херсона, в основном, имели ранг спафарокандидата или протоспафария, то во второй половине столетия они были как минимум протоспафариями, а многие удостаивались титула императорского протоспафария и протоспафария—хрисотриклинита. В ранг патрикия стратигов Херсона во все времена возводили редко. Он, видимо, давался лишь за особые заслуги или когда вельможа попадал в милость императору: за все годы существования фемы Херсон таких примеров на сегодня известно лишь пять (примерно один случай в пол столетия)[68].

Подводя итоги приведенных выше размышлений, констатирую, что в течение первой половины X века Византия сумела, хотя и не без проблем, приспособиться к изменившейся в связи с приходом печенегов и усилением Киевской Руси геополитической реальности в

---

[63] Там же. Стлб. 73.

[64] См. например: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1996. С. 74; *Талис Д.Л.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. // ВВ. 1958. Т. 14. С. 107—108; *Богданова Н.М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 46; *Науменко В.Е.* Исторический контекст «Корсунского похода князя Владимира: комплексный анализ источников» // [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»] тезисы докладов и сообщений III Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05—05.06.2011). Севастополь, 2011. С. 22—24.

[65] *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris: Centre National de la Recherché Scientifique, 1972. P. 46—49.

[66] Ibid. P. 244—247.

[67] Ibid. P. 262—269.

[68] *Храпунов Н.И.* Указ. соч. С. 139, табл. 4.2.

Северном Причерноморье. И значительный вклад в это внесли назначавшиеся из Константинополя стратиги Херсона.

Резюме

В статье анализируется роль стратигов византийской фемы Херсон в осуществлении имперской внешней политики на Северо-Причерноморском направлении в первой половине X века. Автор приходит к выводу, что стратиги Херсона отвечали за непосредственную реализацию византийской политики в отношении печенегов, хазар, черных болгар, алан и росов. Несмотря на серьезные угрозы и ряд поражений, Византия сумела установить баланс сил между народами Северного Причерноморья, что обеспечило ее военную безопасность в регионе на период до 987 года. Значительную роль в этих внешнеполитических успехах сыграли стратиги Херсона.

Ключевые слова: Византия, Херсон, Русь, печенеги, внешняя политика.

Summary

The role of Byzantine theme Kherson strategoi in implementing of the Byzantine foreign policy on the North Black Sea region in the first half of the 10th century is analyzed in the article. The author comes to conclusion that Kherson strategos were responsible for the direct implementation of the Byzantine policy towards Pechenegs, Khazars, black Bulgarians, Alans and Russians. Despite the serious threats and a number of defeats, Byzantium managed to establish a balance of power between the peoples of the Northern Black Sea region. It guaranteed its military security in the region for the period until the year 987. A significant role in these foreign political successes played Kherson strategoi.

Keywords: Byzantium, Kherson, Ancient Russia, Pechenegs, foreign policy.

УДК 930

И. Симеонов

КЕМ ЯВЛЯЮТСЯ «АМАЛКИТЫ» У ИОАННА ГЕОМЕТРА, ИЛИ ОБ ОТЦЕУБИЙСТВЕ КОМИТОПУЛОВ

Выдающийся современный болгарский исследователь А. Суботинов в своей книге «Болгария при царе Самуиле и его преемниках (976—1018)»[1] привел сравнительный анализ и сравнение выступлений и оценок различных ученых относительно содержания стихотворения «На прощание с Родиной» Иоанна Геометра. Для этой цели[2] он приводит отрывок из перевода, который доступен в «Греческих источниках по болгарской истории» (ГИБИ): «В месяц дристыр (март) я покинул Константинополь и отправился в город Силиврию. Видя более сверкающею саблю и меч, согнутых против родственников, свирепого до убийства Востока, услышав крики и рыдание в городе, я вижу Запад в качестве тихой гавани. Более того — еще не перешел устье Атыра (прим. — сегодня Буюк Чекмедже — Большой ящик), я вижу толпу бешеных амалкитов, останавливающих пассажиров необычным способом, я вижу похищения еды и денег у бедных людей, крики мужчин, женщин и детей, увы, издевательства над благородными, одетыми в черное девственницами, которые простегали руки вверх и вызывали свидетелем зрящую правду... Это было началом моего путешествия. Это не Скифский огонь воспламенял горящий Запад, но небесный огонь, провидение и справедливость сожгли грешную землю»[3].

Несмотря на недостатки перевода, который был сделан более чем полувека до того, обратим свое внимание на термин «амалкиты». Предполагается, что поэт и священник Иоанн (Леон) Геометр, именуемый также Кириотис (Всемогущий) написал этот фрагмент до 990 г., а после этой даты был назначен епископом города Мелитины (Малатия) в Армении. К сожалению, нам нужно сделать это заявление, так как в источник указано неточно — «город Митилена в Каппадокии (Малая Азия)». Его путь, во всяком случае, был с Запада на Восток и переводчики, аналитики и комментаторы не могут объяснить, как так византийский Восток мог проводить столь свирепые атаки с запада на восток. Более того, автор прямо заявляет, что Запад сожгли огнем не скифские захватчики, а родственники, но современные автора против всякой логики хотят увидеть в амалкитах болгар, славян, русских и т.д. В качестве подтверждения, проследим рассуждения А. Суботинова[4]. В.Г. Василевский в «Русско-византийских отрывках»[5] писал, что «амалкиты» это болгары. Профессор В. Златарский в «Истории»[6] предполагает, что это неизвестные местные разбойники. В. Аврамов в «Войне

[1] *Суботинов А.* България при цар Самуил и неговите наследници (976—1018 г.). Т. 1: Извори и литература (опит за обобстгение). София, 2008.

[2] Ibid., С. 449—450 .

[3] ГИБИ. Т. V, С. 321.

[4] *Суботинов А.* България при цар Самуил и неговите наследници…

[5] *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. II. Вып. I. С. 174—175.

[6] *Златарский В.* История на българската държава през Средните векове. Т. I. Ч. 2. С. 684—685, прим. 1.

между Византией и Болгарией в 986 г.»[7] не исключает возможность, что это болгары, а Д. Ангелов и Б. Чолпанов в «Болгарской военной истории в Средние века (V—XV вв.)»[8] отвергают все предположения, сделанных до тех пор, учитывая тот факт, что описанные опустошения могли быть вызванным только хорошо организованной военной силы. Мы можем дополнить картину позднейшими и наиболее актуальными сообщениями последователей школы В. Васильевского из сайте форума «Византийская Держава»[9]. По их словам, амалкиты — это русские и особенно истинные арийцы, которые будто бы издревле являлись изначальными врагами евреев. По их мнению, поэт проводит аналогии между амалкитами и русскими, а также между евреями и римлянами, т.к. видит в них богоизбранные народы! По всей вероятности, подобные мнения основаны на суждениях неких неизвестных авторов, которые взяли на себя труд «отремонтировать» и дополнить В. Василевского. Не вдаваясь в подробности, заметим только, что они игнорируют явное указание автора, что Запад не горит из-за «скифов».

Что же для нас может быть более важным, чем предложить верное объяснение слова «амалкиты», вместо того чтоб придумывать альтернативную историю мира? Выдающийся медиевист, византолог и арменист Р.М. Бартикян в последние годы переводил с греческого языка на армянский серии византийских источников, которые сопровождались высокопрофессиональными комментариями и замечаниями. Я хотел бы высказать смиренное мнение — каждый из десяти представленных там примечаний мог стать основой диссертации! И я приведу пример, который непосредственно связан с нашей темой. В своей книге «Продолжатель Феофана»[10], который мы получили от автора, с его автографом, в примечании[11] прокомментирована глава «Περι του ιξ Αμαληκ Λεοντος» из Хронографии Генесия[12]. Это относится к императору Льву V Армянину и в переводе гласит: «Для Леона Амалика»! Амалкиты, амалекиты, амалеки и т.п. — это варианты этнонима, выявленного в Библии врага евреев, которые их ненавидели и пророк Моисей уничтожил с помощью Бога[13]. Р.М. Бартикян при помощи неопровержимых аргументов утверждал, что прозвище Амалек у Лева Армянина прочно ассоциируется с дезинформацией Продолжателя Феофана, Продолжателя Георгия Монаха и Генесия, согласно которым его родители были потомками ассирийцев и знаменитых библейских сыновей царя Сенекерима (Синахериба): Адрамелека и Сарасара, которые убили своего отца и бежали в Армению. На самом деле слово написано неправильно, прозвище схватывается неправильно, потому что должно быть выведено из Адрамелека — то есть Адрамелкиты, но не «Амелекиты»! У Генесия и у Продолжателя Феофана отцеубийцами были объявлены оба родителя Льва: Варда Армянин и его супруга, хотя у последней, разумеется, совершенно иные предки. На самом деле, библейская история основана на реальных исторических фактах и поселенцы из Ассирии неоднократно упоминаются в «Истории армянского народа» отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци как предшественники двух армянских нахарарских родов: Арцруни и Кануни

---

[7] *Аврамов В.* Войната между Византия и България въ 986 година и обсадата на София отъ Императора Василий II Българоубиецъ. София. 1936. С. 70—71 .

[8] *Ангелов Д., Чолпанов Б.* Българска военна история (X—XV век). София, 1994, С. 44.

[9] «Византийская держава» // byzantion.ru (дата обращения: 24.12.2013).

[10] Продолжатель Феофана / Пер., пред. и прим. Р. Бартикяна // Иноязычные источники об Армении и армянах. Т. 15 (византийские источники. V). Ереван, 1990.

[11] Там же. С. 288—289.

[12] Iosephi Genesii Regum: Libri Quatuor // CHFB / Ed. A. Lesmuller-Werner, H. Thurn. Berolini, 1978. Vol. 14. P. 3, 4.

[13] Исход, 17, 14–15.

(Гынуни), а также в качестве причины того, чтоб гора Сим была названа в честь их этнарха Сем, и, кроме того — области, где поселились — Сасун[14]. Средневековый армянский историк Товма Арцруни включает и третьего брата — Ксеркса (Ксерксес), а также утверждает, что армянский царь Вагаршак было тоже из того рода Сасанянк. На самом деле Адрамелек[15] был губернатором приграничной ассирийской зоны и никак не мог быть сыном царя Синахериба, так что он также и не отцеубийца. Ксеркс, естественно, не был братом Сарасара, но его настоящий брат был следующий ассирийский царь Асархадон, который 2700 лет до нас из-за чувство мести опустошил и разграбил страну Шубрия, ранее союзную государству Урарту.

Клевета византийской пропагандистской машины об отцеубийстве практически проявляется и находит выражение в судебном процессе над Иоанном Цицикием (Цоцикия, Джоджика) или Сисиния Хрентакия[16], который обвиняется в измене родине. Его обвиняли в отцеубийстве, хотя и знали, что его отец жив и здоров! Незаконные действия против этого армянина демонстрированы еще до суда, когда его вытащили из церкви Св. Софии, в которой он искал убежище после того как власти узнали, что он хотел убежать к болгарам и послал письма к ним, которые были захвачены и компрометировали его. Император Роман Лакапин будто бы его ослепил! В хронографии Дуклянского просвитера (попа Дуклянина)[17] этот рассказ повторен, но у участниках других имена: отец Радослав, а сын Часлав, пришедший из Болгарии!

Следующее ложное обвинение содержится в т.н. «Грамоте Пинция»[18], где царь Самуил обвиняется, в том, что первоначально ослепил, а затем задушил своего отца. Причины наличия этих нелепых обвинений — возможный пересказ саги Комитопулов в не сохраненных Хрониках Луция Протоспафария и их обработки латинскими книжниками, которые, без всякого сомнения, использовали некоторые греческие источники, но не были хорошо обучены в качестве переводчиков. Возможно, что братоубийство у Комитопулов тоже окажется прямо противоположное объективной истине. По этому вопросу мы уже писали[19], поэтому не будем повторяться. Мы можем только добавить, что описанное поэтом, скорее всего, относится к результату совместных действий Комитопулов и Варда Склира.

Позвольте мне подвести итог. Иоанн Геометр, несомненно, оказывается очень хорошо осведомленным и даже знатоком Комитопулов, иверцев и амалкитов, так что совершенно не случайно был послан как епископ в Мелитину — туда, откуда произошли предки Комитопулов, чтобы прославить свое имя в мире. Мимоходом отметим, что «народ Самуила» упоминается в западноевропейской «Песне о Роланде». Болгарский исследователь А. Суботинов сделал замечание, что не следует искать в поэзии Иоанна Геометра национальной специфики любой ценой, предупреждает о риске исказить объективность научного исследования. Мы полностью разделяем его мнение, и не будем специально

---

[14] В армянском фольклоре название встречается с поправками Сарасар и Санасар, а общее имя Сасанянк и Сасунци — см. эпический цикл «Сасно цырер» и второй его раздел «Давид Сасунский», то есть «Сасунци Давида».

[15] В фольклорном варианте — Багдасар, которое, в свою очередь, выведено из «Балтазар».

[16] Так у Продолжателя Феофана и только Рентакия — у Феофана Исповедника.

[17] Летопись попа Дуклянина. XXII, прим. 75 и следовавшие до 96 вкл. // www.vostlit.info. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Dukljanin/frametext.htm (дата обращения: 24.12.2013).

[18] Златарский В. Тъй наречените «Грамоти» на Пинций и неговия син Плезо // Годишник на Софийския университет. 1919—1920. Т. XV—XVI. С. 1—58.

[19] «Армяно-болгарский культурно-информационный офис» // www.facebook.com. URL: https://www.facebook.com/ArmBgKIOffice (дата обращения: 24.12.2013).

указывать, но все знают, что в отличие от других случаев византийцы называли императора Льва V его реальным, подлинным этнонимом.

Резюме

Одной из важнейших задач, стоящих перед современными византинистами, является истолкование средневековых текстов. Автор исследует свидетельства письменных источников, в результате чего вырабатывает новую трактовку термина «амалкиты». Он предполагает, что ни болгар, ни русских так не называли.

Ключевые слова: амалкиты, Болгария, Византия, Комитопулы, Мелитина.

Summary

One of the biggest challenges facing modern Byzantinists is the interpretation of medieval texts. The author explores the evidence of literary sources, resulting in a new interpretation of the term produces «Amalkits». He suggests that neither Bulgarians nor Russian is not so called.

Keywords: Amalkits, Bulgaria, Byzantium, Cometopuli dynasty, Melitina.

УДК 94(471.03)

Р.А. Беспалов

ЛИТОВСКО-ОРДЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1419—1429 ГОДОВ И ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В историографии образование Крымского ханства традиционно принято связывать с династией Гиреев, дискутируется лишь дата его возникновения[1]. Однако этот процесс был довольно сложным и продолжительным. Его истоки восходят к литовско-ордынским отношениям времен единой Золотой Орды. Основной целью данного исследования является рассмотрение первой известной по сохранившимся источникам попытки официального выделения Крымского улуса Золотой Орды в отдельное ханство, а также участия в этих событиях литовской стороны.

I. Мотивация великих литовских князей в ордынской политике

По мере своего расширения в XIV — начале XV вв., Великое княжество Литовское включило в свой состав огромную территорию русских земель, ранее подчиненную Золотой Орде, которая, однако, так и не вышла из-под ордынского господства. В частности, когда хан Тохтамыш воссел на царство, он направил к великому князю литовскому Ягайлу своих послов. Результатом ответного литовского посольства (видимо, около 1381 г.) стала выдача Ягайлу ярлыка-пожалования на русские земли Великого княжества Литовского[2]. Более поздние ярлыки-пожалования крымских ханов великим литовским князьям ссылаются на аналогичные ярлыки своих предшественников, начиная от хана Тохтамыша, и были составлены по их формуляру[3]. Процедуру их выдачи крымские ханы описывали так: «і

---

[1] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVII века. СПб., 1887. С. 209—250; *Грушевський М. [С.]* Історія України—Руси. Т. 4: XIV—XVI віки — відносини політичні. Київ, 1993. С. 304—311; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 237—241; *Мавріна О. С.* Виникнення та становлення Кримського ханату (XV століття). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2005. С. 6—7; *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. I: Крымские ханы XV—XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев-Бахчисарай, 2007. С. 13—19; *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011. P. 11—16.

[2] В ярлыке-послании 1393 г. Тохтамыш напоминал Ягайлу об установлении отношений с ним в самом начале своего правления (*Оболенский М. А.* Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 года. Казань, 1850. С. 21—22, 25—26, 51; *Радлов В. В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОИРАО. Т. 3. Вып. 1—2. СПб., 1888. С. 6). О классификации ярлыка Тохтамыша 1393 г., как письма см.: *Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник, 1975. М., 1978. С. 235—237.

[3] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania… P. 529—533, 539—544; *Барвіньский Б.* Два загадочні ханьскі ярлики на рускі землі з другої половини XV століття // Історичні причинки. Розвідки, замітки і материяли до історії України—Руси. Т. 2. Львів, 1909. С. 16—21; *Gołębiowski Ł.*

panowie litewscy żądali nas i myśmy na żądanie ich to uczynili». Другими словами, ханские ярлыки-пожалования выдавались «za wielkiemi prośbami panów». В крымских ярлыках-пожалованиях описана основная суть литовско-ордынских отношений: ханы жаловали великим литовским князьям подчиненные Золотой Орде (позже Крымской Орде) русские земли (приводился их перечень), с которых литовская сторона была обязана выплачивать дань. В случае прекращения выплат татары были вправе применить силу. Важен еще один аспект этих отношений. Послами хана Тохтамыша в Литву выступали: наместник Крымского улуса, «дарага Солхата» Кутлу-Буга и сын бывшего крымского наместника Зайнутдина Рамадана (1349—1357 гг.) Хасан[4]. Следовательно, помимо правителей Золотой Орды и Великого княжества Литовского, вопросы литовско-ордынских отношений находились в ведении крымского наместника хана, который заведовал получением дани с подчиненной Крыму территории.

В 1386 г. Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и принял польскую корону. По договору о брачном союзе (акту Кревской унии 1385 г.) он обещал присоединить к Польше литовские и русские земли[5]. На великом литовском княжении в качестве наместника был оставлен Скригайло. Затем в 1392 г. литовский престол отошел к Витовту. Однако еще и в 1393 г. Тохтамыш по-прежнему поддерживал с Ягайлом установленные ранее отношения. Письмом от 28 мая через своего посла Хасана татарский хан сообщал о восстановлении своей власти в Золотой Орде, нарушенной после недавнего нападения чагатайского эмира Тимура (1391 г.), а также предписывал Ягайлу собрать и выплатить дань с известных земель, видимо, переданных ему предыдущим ярлыком-пожалованием[6]. А. Прохаска заметил, что Польша не платила дань татарам, следовательно, речь шла о сборе дани с русских земель Великого княжества Литовского. Ученый предположил, что для этих целей Ягайло должен был перенаправить послов к Витовту. Однако вместе с тем указал, что согласно казначейской книге королевского двора, 13 августа 1393 г. татарские послы выехали назад в Татарию, а вовсе не к Витовту[7]. На этом основании все же можно думать, что дань они получили именно от Ягайла.

В историографии не раз высказывалось мнение о том, что в конце XIV в. Тохтамыш выдал аналогичный ярлык-пожалование Витовту[8]. Реконструкцию связанных с этим

Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3: Dzieje Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa, 1848. S. 230—233.

[4] См.: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002. С. 173—174; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник, 2005. М., 2006. С. 86—87; Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. / Publiés par N. Jorga. Paris, 1899. P. 15; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В. Г. Тизенгаузена. М., 2003. С. 203; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 325.

[5] *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885. С. 32—33; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. Warszawa, 1930. S. 32—34.

[6] *Оболенский М. А.* Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 года. С. 51; *Радлов В. В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. С. 6.

[7] *Prochaska A.* Z Witoldowych dziejów // Przegląd historyczny. T. XV. Zesz. 3. Warszawa, 1912. S. 262—263; Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420. Kraków, 1896. S. 162.

[8] См.: *Грушевський М. [С.]* Історія України-Руси. Т. 4. С. 85—87, 457—462; *Prochaska A.* Z Witoldowych dziejów. S. 259-264; *Петрунь Ф. [Є.]* Ханські ярлики на українські землі // Східний світ.

событий, выполненную ранее рядом исследователей[9], можно дополнить и уточнить. После очередного нападения Тимура в 1395 г. положение Тохтамыша сильно осложнилось. В степи появился новый хан Тимур-Кутлуг, который при помощи князя Едыгея согнал Тохтамыша с сарайского престола, а к началу 1397 г. вытеснил его из Крыма[10]. Примечательно, что в начале XVI в. дипломаты Большой Орды вспоминали о «братстве», то есть о существовании мирного договора между Ягайлом и Тимур-Кутлугом[11]. По свидетельству крымской стороны, этот договор сопровождался выдачей Ягайлу ярлыка-пожалования, аналогичного более поздним ярлыкам-пожалованиям крымских ханов[12]. Заключение этого союза в рамках сложившейся традиции литовско-ордынских отношений было возможно в том случае, если к моменту воцарения Тимур-Кутлуга Ягайло сохранял за собой или стремился вернуть себе право сбора ордынской дани в русских землях Великого княжества Литовского. В свою очередь крымская сторона противопоставляла союз Ягайла с Тимур-Кутлугом отношениям Витовта с Тохтамышем. Считалось, что Ягайло предал интересы Крыма так же, как позже их предал Казимир IV, вступивший в союз с ханом Ахматом. Позицию крымской стороны начала XVI в. можно объяснить интересами Ширинов, которые впервые пришли к власти в Крыму именно при Тохтамыше[13], и которых затем не устраивала власть ставленников Едыгея и его потомков.

Согласно продолжению хроники Дитмара Любекского (1395—1400 гг.), в 1397 г. Витовт собрал литовцев и тех татар, которые еще были верны Тохтамышу, и одержал победу над его ордынскими соперниками у Каффы[14]. Также и по сведениям польского историка второй половины XV в. Я. Длугоша († 1480 г.) в этом году Витовт совершил «первый поход на татар». Он перешел за Дон, воевал в Поволжье и разорил главное кочевье татар, называемое «Ордой» (Дешт восточных источников)[15]. В ярлыках-пожалованиях крымских ханов имеются ссылки на то, что Тохтамыш приезжал к Витовту «на потном коне» (то есть, скрываясь от врагов), и пожаловал литовскому господарю русские земли[16]. Должно быть,

---

Харків, 1929. № 2. С. 170—187; *Шабульдо Ф. [М.]* Чи існував ярлик Мамая на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 100-110.

[9] См.: *Prochaska A.* Dzieje Witolda Welkiego Księcia Litwy. Wilno, 1914. S. 78—81; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Одра и ее падение. М.—Л., 1950. С. 377—381; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 145-149; *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 86—88.

[10] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 175—176, 178—179; *Крамаровский М. Г.* Джучиды и Крым: XIII—XV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 10. Симферополь, 2003. С. 521.

[11] Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427—1506): Užrašymų knyga 5. Vilnius, 1993. P. 170. №102.2; Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515). Akta i listy. / Wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski // Stosunki polski z tatarszcsyzną od połowy XV wieku. T. I. Kraków—Warszawa, 1881. S. 256. № 53.

[12] Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499-1514): Užrašymų knyga 8. Vilnius, 1995. P. 59. №24; Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515)… S. 293. № 78.

[13] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения / Под ред. Ф. Ф. Лашкова // ИТУАК. №23. (Год девятый). Симферополь, 1895. №55. С. 124.

[14] Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen Preussischen Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft. Bd. 3. Leipzig, 1866. S. 216.

[15] Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. T. III. Kraków, 1868. S. 491.

[16] *Барвіньский Б.* Два загадочні ханьскі ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16, 18—19; *Gołębiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3. S. 230—231, 232. Начиная с

пожалование могло состояться только в то время, когда Тохтамыш с помощью Витовта вернул себе власть в Сарае и в Крыму. Так право на управление русскими землями Великого княжества Литовского полностью перешло к Витовту. Весной 1398 г. польская королева Ядвига напомнила Витовту о подчинении Польше русских и литовских земель и потребовала выплаты какой-то ежегодной дани, на что получила отказ. Литовские и русские бояре заявили, что Польше они никогда ничего не платили, поэтому можно думать, что речь шла о праве Ягайла собирать ордынскую дань в русских землях Великого княжества Литовского. С приобретением ханского ярлыка в этом вопросе Витовт мог обойтись без посредников. В том же году без согласования с Ягайлом он заключил мирный договор с Немецким орденом, а на пиру бояре даже провозгласили Витовта «королем Литвы и Руси», чего, по словам немцев, никогда раньше не было[17].

Кроме «первого» и «второго» походов, известных Я. Длугошу, современник событий прусский хронист И. Посильге († 1405 г.) сообщает о походе Витовта на враждебно настроенных татар в низовье Днепра еще и летом 1398 г.[18] Однако вскоре Тимур-Кутлуг занял Сарай, а Тохтамыш был вынужден бежать в Киев под покровительство Витовта[19]. В марте 1399 г. в Немецком ордене стало известно, что Витовт заключил с татарским ханом некий договор о мире[20]. В Белорусской I (смоленской по происхождению) летописи сохранился наиболее ранний текст, раскрывающий мотивацию Витовта: «Поидем, пленим землю татарьскую, победимь царя Темирь-Кутлуя и возмем царство его, и посадим царя Тохтамыша, а он мя посадить на всеи Рускои земли и на том на всем»[21]. Речь шла о том, что в случае возвращения царского престола Тохтамышу, тот обещал Витовту выдать ярлык-пожалование или возобновить действие предыдущего ярлыка на те русские земли, которые к концу XIV в. вошли в состав Великого княжества Литовского[22]. Тем самым должны были

ярлыка Менгли I Гирея в ярлыках крымских ханов говорится, что не только Тохтамыш, но и Хаджи I Гирей приезжал к Витовту «на потном коне». Вероятно, это сообщение возникло на основе формуляра предыдущих ярлыков. В 1535 г. эта традиция отправила к Витовту «на потном коне» даже хана Мухаммеда I Гирея, который жил в начале XVI в. (*Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania… P. 529, 539, 556, 595, 605, 642, 702, 712, 733, 740).

[17] Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 3. S. 219, 224; Также см.: *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 74—75, 84—87.

[18] Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 3. S. 222.

[19] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 3-4; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 167—168.

[20] Письма, в которых сообщается о договоре Витовта с татарским императором, не имеют года. Однако в одном из них содержится надежная привязка к пожару в Вильно, который случился в 1399 г. (*Napiersky C. E.* Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Th. 1: 1198 bis 1449. Rigae und Dorpat, 1833. S. 135-136. №532, 533; *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. T. 1. Wilno, 1860. S. 317. №700).

[21] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 31, 52; О списках так называемой Белорусской летописи первого извода см.: *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969. С. 28—40.

[22] Как показал А. Н. Насонов, в древности территорию «Русской земли» составляла сравнительно небольшая область более поздних земель: Киевской (за исключением ее Деревской и Дреговичской частей), Переяславской и Черниговской (за исключением ее северо-восточной части). Позже название «Русская земля» стало именем нарицательным для более обширной территории, но также могло употребляться и в прежнем значении (*Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28—32). В «Похвале Витовту», записанной в Смоленске в 1428 г., сообщается, что литовский господарь держал

возобновиться литовско-ордынские отношения, которые установились во время царствования Тохтамыша. Лишь поражение войск Витовта и Тохтамыша в «новом походе» на татар Тимур-Кутлуга в 1399 г. помешало осуществлению их планов[23].

Затем традиция литовско-ордынских договоров о мире и связанных с ними ярлыков-пожалований имела продолжительную историю, но на каком-то этапе эти отношения перешли из литовско-ордынских в литовско-крымские. Правители Крыма и Литвы в части подчиненной им территории русских земель оказались взаимосвязаны и взаимозависимы. В начале XVI в. послы крымского хана Менгли I Гирея к великому князю литовскому Александру вспоминали «стародавных г(о)с(по)д(а)реи и великих кн(я)зе*и* и о*т* Витовта и дале*и*, таке*ж* о(т) То*к*тамыша, Чжеле*гдиня*, Пе*р*бе*р*ди, Кебек, Керемъбе*р*ди, Кадербе*р*ди, Ма*г*метъ, Селе*х*мат, Ажи Кгире*и*, Мо*р*довла*т*, Ме*н*ди Кгире*и* и вси де*и* тыи ц(а)ри были з великими кн(я)зи литовъскими у ве*р*номъ бра*т*стве, у присязе, на всякого неприятеля заоди*н*»[24]. В своих воспоминаниях представители Крыма явно основывались на прежних договорах о мире с Литвой. К сожалению, этот список имеет существенные недостатки. Во-первых, большинство из перечисленных ханов были правителями Золотой Орды. В сохранившихся источниках у них не зафиксировано титула особых «крымских ханов». Во-вторых, список имеет пропуски некоторых ханов, упоминание которых, видимо, было невыгодно или неактуально для крымских и литовских дипломатов начала XVI в. То есть по нему невозможно установить дату перехода от литовско-ордынских к литовско-крымским отношениям на высшем уровне. Тем не менее, этот вопрос можно прояснить с помощью других письменных и нумизматических источников.

II. Сарайский и крымский престолы к моменту гибели Едыгея

С падением власти хана Тохтамыша, активизировались процессы распада Золотой Орды. Так, в летописи современника событий египетского ученого и чиновника Бадр-ад-Дина ал-Айни († 1451 г.) еще с рубежа XIV—XV вв. стали выделяться «государи Дешта», то есть Поля, столицей которого был Сарай, и «государи Крыма». В тех же случаях, когда полнота власти переходила к одному из правителей, ал-Айни сообщает, что тот был государем и

«Великое княженье Литовьское и Руськое и иная великая княженья, спроста рещи вся Руськая земля» (ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 417). Сам Витовт воспринимал Киев в качестве «древней столицы всех русских земель» (CEV. № 1298. S. 780). Поэтому в Белорусской I летописи под «Русской землей» следует понимать русские земли Великого княжества Литовского. По М. Д. Приселкову в основе данного фрагмента Белорусской I летописи лежит Софийская I летопись старшего извода (*Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 222). Однако статьи о битве на Ворскле этих летописей отличаются друг от друга. Вероятно, они имеют общий протограф, но он был западно-русским (возможно, смоленским). Этот текст был заимствован летописцами Северо-Восточной Руси, которые под «Русской землей» понимали Москву, поэтому начальный текст был ими переосмыслен и в итоге искажен. Это произошло уже в летописных сводах начала XV в., а затем отразилось и в более поздних памятниках русского летописания (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е издание. СПб., 2002. С. 450; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 516). В историографии интересующие нас сведения летописей Северо-Восточной Руси уже ставилась под сомнение (См.: *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. С. 88-90).

[23] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 31, 52; ПСРЛ. Т. 3. М., 1950. С. 394-395; Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich. T. III. S. 494—497; Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 3. S. 229—231.

[24] Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499—1514). P. 53. №11; Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515). №76. S. 290.

Дешта, и Крыма, как бы одновременно занимая два трона [25]. Однако государи Дешта были еще довольно сильны, поэтому выделение Крыма в особое ханство произошло далеко не сразу. Ордынские смуты с одной стороны создавали дополнительную угрозу для рубежей Великого княжества Литовского, но с другой позволили литовским господарям вести более активную ордынскую политику. Долгое время Витовт выступал против князя Едыгея и его ставленников, поддерживая детей Тохтамыша († 1407 г.)[26]. Впрочем, далеко не все потомки Тохтамыша были ставленниками литовского господаря. Некоторые из них занимали сарайский престол самостоятельно, и затем заключали с ним союз, некоторые сражались между собой, а также восставали против Витовта[27]. Годы борьбы привели Золотую Орду в такой упадок, что об этом стало известно далеко за ее пределами. Так, венецианский сенат стал называть ее правителей «эфемерными ханами» и не рекомендовал консулу своей колонии в Тане (Азаке) посылать к ним послов[28]. В итоге в 1419 г. Едыгей направил в Великое княжество Литовское посольство с предложением о мире, и литовский господарь заключил с ним «желанный союз»[29].

Как известно, глава рода Мангытов великий князь Едыгей был фактическим правителем Золотой Орды. Он держал при себе марионеточных лиц царского рода и поочередно возводил их на трон. С развитием нумизматики последних лет выяснилось, что в 822 г. х. (1419 г.) в Крыму чеканились монеты с именами хана Дервиша и эмира Едыгея, а затем – с именами хана Бека-Суфи и эмира Едыгея[30]. По сведениям Белорусской I летописи, к Витовту не раз приходили великие ордынские князья «просяще у него царя на царьство». Некогда Витовт дал ордынским старейшинам царя «именемъ Салтана», а позже дал им другого царя «именемъ Малого Солтана»[31]. К. К. Хромов показал, что согласно польской и русской средневековой историографии, первым «султаном»-ставленником Витовта зимой 1411—1412 гг. стал Джелал-ад-Дин (султан Зеледин польских или Зелени-Салтан русских источников)[32]. По Я. Длугошу, после него на престол взошел Керим-Берди (около 1413—1414 гг.), который нарушил мир с литовским господарем. Тогда в Вильно был коронован некий «Бетсубул», который якобы «сгинул» в борьбе с Керим-Берди[33]. Однако Бетсубул (Бек-Суфи) остался жив и пришел к власти в Крыму в 1419 г. Исследователь сопоставил надпись на монетах Бека-Суфи «султан сын султана» с летописным «малый Солтаном»[34]. С учетом имен следующих ставленников Витовта, упомянутых далее в Белорусской I

---

[25] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 233-235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 374—376.

[26] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 180—194.

[27] *Schiltberger H.* Reisebuch // Nach der Nurnberger Handschrift hrsg. von Valentin Langmantel / Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart. Bd. 172. Tübingen, 1885. S. 42; Также см.: *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984. С. 36; Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. T. IV. Kraków, 1869. S. 203—204.

[28] См. ответ венецианского сената от 29 апр. 1420 г. на письмо консула Таны Андре Контарини от 23 окт. 1419 г. (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 303).

[29] Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich. T. IV. S. 220.

[30] *Хромов К. К.* Правление ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419—1422 гг. по нумизматическим данным // Історико-географічні дослідження в Україні. Зб. наук. праць. Число 9. Київ, 2006. С. 371. Рис. 1, 2.

[31] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 59, 76, 108—109.

[32] См.: ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 215, 218—219.

[33] Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich. T. IV. S. 203—204.

[34] *Хромов К. К.* Правление ханов в Крымском улусе… С. 367—368.

летописи, отождествление К. К. Хромова следует признать справедливым. Однако вопрос о положении Бека-Суфи необходимо уточнить.

Титул «султан», «султан верховный» в мусульманских странах обозначал верховного независимого правителя (зачастую императора) и ставился перед его именем. Титул «хан», по словам Ганса Шильтбергера, соответствовал титулу «король»[35], и обычно ставился после имени монарха. В джучидской традиции титулы «султан» и «хан» дополняли друг друга. Не случайно на Востоке Шильтбергер зафиксировал использование титула «король-султан». Титул «султан сын султана» имеет принципиальную особенность. Как известно, эпитеты «отец», «сын», «брат», «меньшой брат» широко использовались в дипломатике для определения старшинства в иерархических отношениях[36]. Судя по сведениям нумизматики, Бек-Суфи не достиг такого же могущества, как султан Джелал-ад-Дин. Согласно массариям Каффы, власть Бека-Суфи ограничилась Крымом[37]. Таким образом, его титул «султан сын султана» или «малый султан» указывает на подчиненное положение «Крымского султаната» в иерархии Золотой Орды.

Из-за скудности источников и известной чехарды ханской власти нет ясности, кто царствовал в столице Золотой Орды в 1419 г. после смерти Дервиша. Это явно не мог быть Бек-Суфи, занимавший положение «малого султана» в Крыму. В этой связи интересны несколько смутные воспоминания Ганса Шильтбергера о том, что накануне падения власти Едыгея на сарайском престоле был Чекре, в плену у которого находился сам Шильтбергер: «Едигей сделал моего господина Чегру королем, как и обещал ему, и тот был королем около восьми месяцев. Тогда пришел некто, по имени Мухаммед и сражался с Чегрой и Едигеем; и Чегра бежал в страну, называемую Дешт-и-Кипчак, и Едигей был схвачен, и Мухаммед стал королем» [38]. По сведениям нумизматики, Чекре был сарайским ханом около 1413—1415 гг. — более восьми месяцев. Однако Шильтбергер не упоминает о том, что после изгнания Чекре (в 1415—1418 гг.), на ордынском престоле побывали многие другие ханы (Джаббар-Берди, Сеид-Ахмед I, Дервиш) [39], хотя далее излагает довольно связанный рассказ. Поэтому можно предположить, что Шильтбергер пишет не о первом, а о втором периоде царствования хана Чекре в Сарае в 1419 г., не упомянутом в других известных источниках. Его же свидетельство о победе Мухаммед-хана над Едыгеем заслуживает особого внимания.

По сведениям ал-Айни, в 822 г. х. (1419 г.) на Едыгея пошел войной сын Тохтамыша Кадыр-Бирди. В земле мангытов на реке Илек (Урал) между ними произошла большая битва, в которой Кадыр-Бирди погиб, а Едыгей был ранен и бежал. Однако вскоре Едыгей был выдан одним из своих приближенных, а затем убит сторонниками Кадыр-Бирди, после чего Дештом стал править Мухаммед-хан[40]. Как заметил М. А. Усманов, до деталей схожую историю гибели Кадыр-Бирди и Едыгея на рубеже XVI—XVII вв. записал выходец из Сибирского ханства Кадыр Али-бек, который добавил, что раненого Едыгея выдал некий

---

[35] *Schiltberger H.* Reisebuch. S. 41; Также см.: *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 35.

[36] СРЯ. Вып. 1. М., 1975. С. 319; СРЯ. Вып. 13. М., 1987. С. 236; СРЯ. Вып. 29. М., 2011. С. 134.

[37] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 25—26.

[38] Перевод В. Шульзингера по *Schiltberger H.* Reisebuch. S. 42; Также см.: *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 36.

[39] См.: Рева Р. Ю., Казаров А. А., Клоков В. Б. Новые нумизматические данные для реконструкции истории Золотой Орды в 817-819 гг. х. // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 78—80; ИКПИ. Т. 5. Алматы, 2007. С. 110.

[40] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 234; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 374—375.

Хасан сын Ичкили. Допуская неточность позднего историка, М. А. Усманов сопоставил этого Хасана с реальным персонажем джучидских генеалогий Ичкили-Хасаном — отцом Мухаммеда, впоследствии известного под именем Улу-Мухаммед[41]. В другом месте своего повествования Кадыр Али-бек называет врагов, убивших Едыгея — это Барын и Сарай. Здесь М. А. Усманов тоже усматривал неточность, поскольку согласно крымской версии эпоса о Едыгее, его убили татарские мирзы Барын и Ширин (слова «Сарай» и «Ширин» близки по написанию арабскими буквами)[42]. Впрочем, ранее в окружении Едыгея действительно был князь Сарай, сын Урусаха, из рода Ширинов, а позже его сын Усейн Сараевич служил хану Улу-Мухаммеду[43]. Можно думать, что в результате военных действий Ичкили-Хасан погиб, поэтому Ширины и Барыны сделали ставку на его сына Мухаммеда. Легенда о том, как Улу-Мухаммеду удалось извести Едыгея отразилась и в турецкой историографии середины XVIII в.[44]

III. Новые претенденты на сарайский трон и проблема множества Мухаммедов

Для нас личность Улу-Мухаммеда важна тем, что вскоре он стал претендовать не только на Сарай, но и на Крым. В этой связи он стал активным участником литовско-ордынских отношений. Реконструкция интересующих нас событий осложнена тем, что в рассматриваемый период времени действовало несколько Мухаммедов царского рода, которые претендовали на сарайский престол. В весьма поздних повествовательных источниках они сливаются воедино и с трудом идентифицируются. Не менее сложна и проблема достоверности сохранившихся сведений.

Например, не ранее 1457 г. было составлено «Родословие тюрков», которое затем в первой четверти XVI в. использовал тимуридский историк Хондемир. По нему, после Дервиша правил некий Мухаммед (831 г. х.). Затем якобы уже после смерти последнего правил Давлет-Берди б. Таш-Тимур, затем Борак, затем Гийас ад-Дин б. Шадибек, затем Мухаммед б. Тимур (861 г. х.)[45]. Исходя из более достоверных источников, о которых пойдет

---

[41] *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С. 78—79; *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 233—234.

[42] *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. С. 85.

[43] ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 155, 171—172, 189.

[44] К сожалению, А. Негри не сделал перевод интересующего нас фрагмента «Краткой истории крымских ханов», а лишь упомянул о нем (*Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844. С. 381). «Краткая история» является сокращением сочинения Сейид Мухамеда Ризы «Семь планет», к написанию которой был привлечен обширный круг источников, в том числе сведения тимуридских историков XV в., которыми в свою очередь, вероятно, пользовался и Кадыр Али-бек (*Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV—XIX веков. М., 2009. С. 113—126). Сличение сведений Кадыр Али-бека о гибели Едыгея с сочинением «Семь планет» и поиск их общих источников достойно специального исследования.

[45] Казахские издатели «Родословия тюрков» (Шаджарат ал-атрак) проигнорировали справедливые замечания В. Г. Тизенгаузена о его датировке. В заголовке они указали, что это извлечение из сочинения современника событий мирзы Улугбека «История четырех улусов». Однако не привели никаких доказательств в пользу того, что в части истории 1420-х гг. «Родословие тюрков» адекватно отражает «Историю четырех улусов» (ИКПИ. Т. 5. Алматы, 2007. С. 88—89, 110—112; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 392-393; *Defrémery M.* Fragments de géographies et d'historiens arabes et persans inédits // Journal Asiatique. Février-Mars 1851. Paris, 1851. P. 119).

речь далее, вполне очевидно, что анахронизм дат и последовательность событий, изложенная в «Родословии тюрков», не добавляют к ней доверия.

По легенде Кадыр Али-бека, накануне упомянутого выше сражения, Едыгей привлек на свою сторону царевича Хаджи-Мухаммеда (из династии Шибанидов) и обещал ему ханство. После смерти Едыгея его сын Мансур некогда якобы выполнил обещание отца – возвел Хаджи-Мухаммеда на престол, а сам сделался его беком[46]. Однако по сведениям Абд ал-Гаффара Кырыми (середины XVIII в.), у Мансура были другие кандидаты на сарайский престол. Наследник Едыгея посадил царствовать на Идиль-реке (Волге) Гийас ад-Дина (сына Шадибека), который изгнал Улу-Мухаммеда в Крым. Гийас ад-Дин умер по одним сведениям через два с половиной, а по другим – через полтора года[47]. Затем Мансур выдвинул на царство еще малолетнего Кучук-Мухаммеда б. Тимура б. Тимур-Кутлуга (Кичи-Махмета русских источников), но в итоге склонился на сторону царевича Борака[48], также имевшего власть в отдаленных восточных областях Золотой Орды[49]. К сожалению, о постоянстве и о полноте власти ставленников Мансура известно крайне мало.

Тема междоусобных войн восточных царевичей и их борьбы за сарайский престол активно обсуждается в последнее время и выходит за рамки данного исследования[50]. Однако в связи с проблемой множества Мухаммедов необходимо наметить пути надежной идентификации хана Улу-Мухаммеда в источниках. В отличие от восточных царевичей его семейство опиралось на Ширинов и Барынов, имевших наибольшую власть в западной части Золотой Орды, и в частности — в Крыму. Следовательно, появление в источниках рядом с ханом Мухаммедом представителей этих родов или других известных его слуг является одним из аргументов для его идентификации, как Улу-Мухаммеда.

По сведениям Бадр-ад-Дина ал-Айни и Абд ар-раззака Самарканди, в 824—826 гг. х. (1421—1423 гг.) государем Дешта был «Мухаммед-хан»[51]. Ж. М. Сабитов, вслед за

---

[46] *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. С. 85; *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. С. 231—232.

[47] Последняя цифра на сарайских монетах Гийас ад-Дина читается невнятно: 82(?) (*Евстратов И. В.* Гийас ад-Дин Сар (?) хан — новый золотоордынский эмитент XV в. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003. С. 91—93).

[48] По нумизматическим данным, Борак также имел мусульманское имя Мухаммед (*Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. Табл. XIX). Однако в письменных источниках он все же выступает под именем Борак, что решающим образом облегчает его идентификацию.

[49] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 209—210; *Langlès L. M.* Voyage du Bengale à Pétersbourg: à travers les provinces septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la mer Caspienne, etc. T. 3. Paris, 1802. P. 393—394.

[50] *Ускенбай К. З.* Арало-Каспий в первой трети XV века: упадок Ак-Орды и начало возвышения мангытов // Материалы международной научной конференции «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». 25—27 мая 2006 года. Ч. 2. Актобе, 2006. С. 21—25; *Маслюженко Д. Н.* Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммед, или «Улус Шибана» в первой четверти XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Астрахань, 2011. С. 88—101; *Сабитов Ж. М.* Восточный Дашти-Кипчак в 20-е годы XV века // Иран-намэ. 2012. №1(21) С. 266—275; *Парунин А. В.* Смерть Барак-хана: опыт реконструкции // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири. Сборник научных трудов. Астана, 2012. С. 225—236; О проблеме идентификации хана Мухаммеда в сочинении Иоганна Шильтбергера см.: *Сабитов Ж. М.* Чекре-хан и Мухаммед-хан // Зертеуші. 2011. № 3—4. С. 98—103.

[51] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 234, 378; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 373—374.

некоторыми своими предшественниками, отождествил этого Мухаммед-хана с Шибанидом Хаджи-Мухаммедом[52]. Однако сложности такого сопоставления обнаруживаются уже при первом взгляде на проблему. Так, шибанидский историк середины XVI в. Утемиш-Хаджи вовсе не упомянул о связи Хаджи-Мухаммеда с сарайским престолом[53]. Рассказ же Кадыр Али-бека можно понять и таким образом, что союз Хаджи-Мухаммеда с Мансуром состоялся лишь накануне гибели обоих от рук Борака, то есть к 832 г. х. (окт. 1428 — сен. 1429 гг.).

Более весомым аргументом являются текстологические наблюдения. В своем рассказе о Хаджи-Мухаммеде Кадыр Али-бек ссылается на «сказания узбеков»[54]. Как установил сам Ж. М. Сабитов, в XV в. этнонима «узбеки» еще не существовало, но так в Тимуридском государстве назывались татары[55]. В таком случае следует полагать, что сведения Кадыр Али-бека восходят к сведениям тимуридских историков, полученных теми от «узбеков» (татар). Абд ар-раззак Самарканди заимствовал свои сведения о Мухаммед-хане из хроники, составленной придворным историком Шахруха (сына Тимура) Хафизом-и Абру († 1430 г.) не позднее 830 г. х. (нояб. 1426 г. — окт. 1427 г.). В том же году предположительно тем же Хафизом-и Абру была составлена генеалогическая роспись Муизз ал-ансаб, в которой упомянут «Хаджи-Мухаммед-оглан»[56]. То есть при дворе Шахруха не путали оглана (царевича) Хаджи-Мухаммеда с каким-либо ханом (царем) Мухаммедом. В первой четверти XVI в. тимуридский историк Хондемир тоже знал «Хаджи-Мухаммеда» именно под таким именем[57]. Следовательно, нет оснований для сопоставления «Мухаммеда» тимуридских источников с «Хаджи-Мухаммедом» тимуридских источников и вытекающего из них рассказа Кадыр Али-бека.

Поиски хана Мухаммеда начала 1420-х гг. сужаются до двух персонажей: Улу-Мухаммеда и малолетнего Кичи-Мухаммеда. Обратим внимание на известную в историографии жалованную грамоту некого «султана правосудного Мухаммед-хана», выданную одному из крымских князей в середине апреля 1420 г.[58] Она была написана, «когда Орда находилась в благословенном Крыму». Следовательно, пребывавший в Крыму хан Мухаммед позиционировал себя в качестве правителя Орды. В записях массарии Каффы 1420-х гг., перенявших терминологию того времени, сохранились наименования правителя Орды: «император Орды великой Татарии», «император Татарии великой Орды»,

---

[52] *Сабитов Ж. М.* Источники появления генеалогий джучидов в Муизз ал Ансаб // Вестник Евразийского Национального Университета. №5 (84). 2011. С. 100—103.

[53] Со ссылкой на неопубликованную часть сочинения Утемиш-Хаджи «Чингиз-наме» А-З. Валиди-Тоган сообщает, что Хаджи-Мухаммед «объединил народы башкурт, алатыр, мокша и города на стороне булгар, а также известные поселения мангытов, называемые Туринскими городищами, и стал в этих вилаятах великим падишахом» (*Валиди Тоган А-З.* История башкир. Уфа, 2010. С. 40).

[54] *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. С. 85; *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. С. 231—232.

[55] *Сабитов Ж. М.* О происхождении этнонима узбек и кочевых узбеков // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4. Казань, 2011. С. 166—173.

[56] ИКПИ. Т. 3. Алматы, 2006. С. 6, 42.

[57] *Defrémery M.* Fragments de géographies et d'historiens arabes et persans inédits. P. 120.

[58] И. Н. Березин предлагал датировать эту грамоту 923 г. х., однако А. П. Григорьев справедливо вернул ее в свой исторический контекст. Затем А. П. Григорьева поддержал М. А. Усманов (*Березин И. Н.* Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. Прибавление к сборнику материалов. С. 16—23; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. С. 112—142; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 61—62).

«император великой Орды»[59]. Так титуловался только правитель Дешта со столицей в Сарае. К жалованной грамоте приложена квадратная печать с изображением тарак-тамги. Такая же тамга отмечена на печати хана Улу-Мухаммеда, приложенной к его письму турецкому султану Мураду II 1428 г., на печатях крымских ханов[60], а также – на новом типе монет хана Мухаммеда (Улу-Мухаммеда), исследуемых А. А. Казаровым, и на более поздних монетах крымских ханов[61]. К сожалению, вопрос о ее использовании изучен еще недостаточно. Например, схожее изображение имеется на булгарских монетах Гийас ад-Дина и Улу-Мухаммеда[62].

Вопрос об идентификации правителя Дешта начала 1420-х гг. может разрешиться, если установить личности его послов Алим-Шейх-оглана и Пулада, направленных к правителю Тимуридского государства Шахруху в 1422 г.[63] В попытке решить эту задачу исследователи еще не использовали массарии Каффы, по которым в начале 1424 г. послом хана Улу-Мухаммеда (Macomet-cam) в Каффу был некий Пулад (Polat)[64]. Несмотря на распространенность имен Мухаммед и Пулад, наличие у некого хана Мухаммеда посла по имени Пулад представляется гораздо более редким явлением, что существенно повышает надежность их идентификации в тимуридских источниках под 1421—1423 гг. В этой связи можно думать, что с 1420 г., возможно, с некоторыми перерывами, возникавшими из-за развернувшейся борьбы за сарайский трон, именно Улу-Мухаммед был правителем великой Орды (Дешта). К сожалению, неизвестно как складывались его отношения «малым султаном» Крыма и с великим князем литовским в 1419—1420 гг.

---

[59] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 32.

[60] *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV-XVI вв. С. 144, 148—149, 153—154.

[61] Итоги исследования были представлены в докладе А. А. Казарова «Новый тип ордубазарских монет Улу-Мухаммада» на Международной научной конференции «RASMIR: Восточная нумизматика» (Одесса) в августе 2012 г. Искренне благодарю А. А. Казарова за сотрудничество и помощь, оказанную при написании данной статьи.

[62] *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. Табл. XX. Рис. 2-5; Табл. XXI. Рис. 5, 7, 8.

[63] По мнению Ж. М. Сабитова, именно послы Хаджи-Мухаммеда могли предоставить Шахруху сведения о происхождении самого Хаджи-Мухаммеда для составления Муизз ал-ансаб (*Сабитов Ж. М.* Источники появления генеалогий джучидов в Муизз ал Ансаб. С. 100—103). Вынужден не согласиться с этой точкой зрения. В Муизз ал-ансаб генеалогия Шибанидов сильно урезана. В ней дети Хаджи-Мухаммеда вовсе не названы, хотя трое его сыновей указаны в другой генеалогии начала XVI в. Таварих-и гузида-йи нусрат-наме (См.: Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 37). Главное место в интересующем нас фрагменте Муизз ал-ансаб уделено совсем другой ветви рода (потомкам Тунка б. Бадакул), которая расписана наиболее подробно. Именно с ее стороны сведения о престолонаследии Шибанидов (между прочим требующие генеалогических знаний) составитель Муизз ал-ансаб получил в 829 г. х. (нояб. 1425 г. — окт. 1426 г.) (ИКПИ. Т. 3. Алматы, 2006. С. 42—43).

[64] Послами в Каффу были «Catollo[,] Polat et socio» (Католло[,] Пулад и [их] спутники). По всей видимости, Католло и Пулад – два разных лица, поскольку в другом месте массарий имя господина Солхата Католло читается отдельно (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 31, 32).

IV. Образование Крымского ханства и первые крымские ханы

С августа 1420 г. в массариях Каффы упоминается Бек-Суфи с титулом «императора Солхата». В письменных источниках это первое свидетельство об образовании особого Крымского ханства. В этом и в следующем году к Беку-Суфи не раз приезжали послы от Витовта[65]. От имени Бека-Суфи чеканились крымские монеты, с датой 822—825 гг. х. (1419—1422 гг.)[66]. На некоторых из них вместо прежнего титула «султан сын султана» появляется более высокий и суверенный титул «султан». В зависимых от Крыма и плативших ему дань территориях сложилась особая монетарная политика. К. Десимони впервые установил, что начиная с 1420 г. в массариях Каффы содержатся записи об издержках «на починку и покупку железных инструментов для монетного двора»[67]. На монетном дворе в Каффе стали выпускаться двуименные татаро-генуэзские аспры. Первоначально они несли на одной стороне имя хана Бека-Суфи, а на другой — герб Генуи и регалии ее правителя[68]. Кроме того, исследования В. В. Зайцева, а также Ю. Л. Борейши и А. А. Казарова показали, что именно с начала 1420-х гг. в русских землях Великого княжества Литовского джучидские монеты стали надчеканиваться знаком «колюмны»[69]. Думается, что появление этих монет не случайно. Хронологически оно совпадает с

[65] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 25—26.

[66] *Хромов К. К.* Правление ханов в Крымском улусе… С. 371—372. Рис. 3—5.

[67] *Юргевич В.* Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в VIII томе Записок Общества, сделанные итальянским ученым К. Десимони // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 466.

[68] Аспры с именем Бека-Суфи были описаны О. Ф. Ретовским, который, хотя и ссылался на массарии Каффы, но, видимо, не имел возможности ознакомиться с ними подробнее, поэтому не смог разобрать имени хана на монетах (*Ретовский О. Ф.* Генуэзско-татарские монеты // ИИАК. Вып. 18. СПб., 1906. С. 16—18; Табл. I. № 1—5).

[69] *Борейша Ю. [Л.], Казаров А. [А.]* О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстутовича и Свадригайлы Ольгердовича. Минск, 2009. С. 41; *Зайцев В. В.* О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М., 2009. С. 190—193. В Никоновской летописи (памятник первой трети XVI в.) в рассказе о сражении Витовта с ханом Темир-Кутлуем на реке Ворскле в 1399 г. содержится ряд уникальных известий, которых нет в других более ранних летописях. В частности, говорится о том, что на переговорах с ханом литовский господарь якобы выдвинул одно из условий для сохранения мира: «во всей Орде быти на денгахъ ординскихъ знаменіе Витофтово» (ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 173). Этот анахронизм не соответствует новым сведениям нумизматики, которые отрицают возможность клеймения денег «колюмнами» до 1420-х гг. В этой связи стоит заметить, что только в Никоновской и в Тверской летописях говорится об участии в битве на Ворскле князя Едыгея (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 458—459; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 516—518; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 31, 52; ПСРЛ. Т. 3. М.—Л., 1950. С. 394—395). На этом основании можно предположить, что при составлении своей редакции рассказа о побоище на Ворскле составитель Никоновской летописи митрополит Даниил использовал источник близкий к тверскому. Как установил А. Н. Насонов, тверской источник Никоновской летописи представлял собой Кашинскую редакцию Тверского великокняжеского свода, который доходил до 1425 г. По Б. М. Клоссу тверские известия Никоновской летописи уникальны лишь до 1414 г. (*Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 146—148). Но это не означает, что тверской (кашинский) источник Никоновской летописи мог быть использован только до этого года. Именно в первой половине 1420-х гг. известия о «Витовтовом знамении» на джучидских монетах были наиболее актуальными. В сохранившейся тверской редакции рассказа ничего не говорится о желании Витовта бить на татарских дангах свое «знамение» (знак) (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 458—459). Поэтому можно думать, что составитель Никоновской летописи сложил свой рассказ о побоище на Ворскле путем компиляции и художественной переработки. Может быть, о «Витовтовом знамении» сообщалось в его кашинском источнике не ранее первой половины 1420-х гг., но это известие было перенесено им на 1399 г.?

образованием особого Крымского государства и может быть связано со сложившейся системой вассалитетов и субвассалитетов.

Монеты с именем Бека-Суфи, датированные 1422 г. (825 г. х.), не дают уверенного свидетельства для датировки его смерти из-за смешения штемпелей его монет со штемпелями монет следующего хана. Судя по массариям Каффы, Бек-Суфи был жив еще 28 июня 1421 г. [70] К середине сентября 1421 г. в Крым прибыл бургундский дипломат Жильбер де Ланнуа [71]. К его приезду умер «друг Витовта», который носил титул «император Солхата». Очевидно, имеется в виду Бек-Суфи. С освобождением крымского трона местные татары вступили в спор о назначении нового императора с татарами великого хана, императора Орды [72]. По сведениям Белорусской I летописи, после смерти «малого Салтана» ордынские князья (очевидно, представители крымской знати) в очередной раз послали к Витовту «и просися у него царя. Он же да имъ иного царя, именемъ Давлад-Бердия»[73]. В массариях Каффы под 12 декабря 1422 г. и 26 марта 1423 г. упомянут император, имя которого не названо. Затем под 28 мая, 13 и 28 июня 1423 г. императором назван «Dolatberdi»[74].

Новый правитель Крыма был полным преемником Бека-Суфи. В частности, у него на службе находился господин Солхата Тенгриберди, который служил еще Едыгею, затем Беку-Суфи и имел сношения с послами Витовта[75]. В массариях Каффы Давлет-Берди назывался просто «императором», но делалось это для упрощения письма. Титул «император Солхата» уже прочно вошел в генуэзскую дипломатическую переписку. В частности, 1 февраля 1424 г. губернатор Генуи (Франческо Буссоне) писал консулу и чиновникам Каффы: «в настоящее время и пока мы ясно видим, вы будете в мире с императором Солхата»[76]. Сам факт избрания Давлета-Берди на царство говорит о том, что солхатцы позиционировали Крым в качестве особого государства. Они претендовали на очень большое наследие. Политическое влияние Крыма уже давно не ограничивалось территорией одноименного полуострова. В частности, денежный рынок крымских монет Бека-Суфи и Давлета-Берди распространялся

---

[70] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 27.

[71] Жильбер де Ланнуа пребывал в Литве после смерти турецкого султана Мехмеда I († 26 мая 1421 г.) и после заключения союза Витовта с чешскими гуситами, вследствие которого Витовт был избран королем Чехии в августе 1421 г. (См.: *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 256—260; *Барбашев А. И.* Витовт, последние двадцать лет княжения. СПб., 1891. С. 143—161). Затем Жильбер де Ланнуа направился в Крым, где находился две недели и отбыл вместе с конвоем венецианских галер, который возвращался из Таны в начале октября 1421 г. (*Пономарев А. Л.* Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и Лже-Едигей // Нумизматические чтения 2013 года / ГИМ. М., 2013. С. 77).

[72] *Брун Ф. [К.]* Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1339-1450 // ЗООИД. Т. 3. Одесса, 1853. С. 442.

[73] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 59, 76, 108—109.

[74] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 28—31. В. Л. Мыц напрасно относит воцарение Давлета-Берди к 1426 г. и несправедливо по этому поводу спорит с А. Г. Емановым, который сам работал с документами массариев Каффы (См.: *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 110).

[75] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 25, 29; Согласно русским летописям, царевич Тенгриберди участвовал в походе Едыгея на Москву в 1408 г. (ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 155).

[76] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 355—356.

на пограничные земли Великого княжества Литовского, а на севере доходил до верховьев Оки[77].

На крымских монетах Давлета-Берди был начертан титул «султана». Они чеканились с датой 824—825 гг. х. (1421—1422 гг.). Однако штемпели обратных сторон этих монет с нанесенной на них датой ранее использовались еще при чеканке монет с именем Бека-Суфи. Также известны монеты, одна сторона которых была чеканена лицевым штемпелем с именем Бека-Суфи, а другая сторона — лицевым штемпелем с именем Давлета-Берди[78]. В частной переписке исследователь этих монет К. К. Хромов пояснил, что монеты переходных типов довольно редки. Основная масса монет Давлета-Берди приходится на 825 г. х. (1422 г.), но их известно на порядок меньше, чем более ранних монет Бека-Суфи. Таким образом, нумизматические данные не дают возможности уточнить время прихода к власти Давлета-Берди. Его можно датировать лишь приблизительно периодом с осени 1421 г. до конца 1422 г. Пока не выявлено ни одной крымской монеты Давлета-Берди 1423 г. (826 г. х.) и более поздней, когда он достоверно занимал крымский престол. Это обстоятельство заставляет сомневаться в устойчивости его власти.

V. Борьба сарайских ханов за влияние в Крыму в 1423—1424 гг.

17 мая 1423 г. в Каффу прибыли гонцы, которые принесли какую-то новость об императоре Орды (Дешта). Ни его имя, ни сама новость в опубликованном источнике не приведены[79]. Можно лишь заметить, что это было время борьбы Борака и его сподвижника Мансура с великим ханом Улу-Мухаммедом за сарайский трон. Судя по сведениям Абд-ар-раззака Самаркани, Борак захватил «Орду Мухаммед-хана» к весне 1423 г.[80] Примечательно, что 27 марта 1423 г. в Каффе пребывал некий господин Солхата Сеит Мансур (Sait Mansor). Затем 27 июля того же года ему был сделан подарок[81]. Не следует ли сопоставить Сеита Мансура с сыном Едигея? Ведь отпрыски Едигея позиционировали себя в качестве потомков одного из первых сподвижников пророка Мухаммеда, представителей святого рода — «сеитов»[82]. В последнее время выявлена редкая крымская монета, на которой

[77] Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008-2011 годах (по результатам предварительного исследования) // Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология. История. Тула, 2013. С. 73, 75, 77; *Борейша Ю. [Л.], Казаров А. [А.]* О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстутовича и Свадригайлы Ольгердовича. С. 9—11, 19—20, 48—51; *Зайцев В. В.* О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками. С. 190—192.

[78] *Хромов К. К.* Правление ханов в Крымском улусе… С. 371—372. Рис. 3—6.

[79] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 30.

[80] Согласно сведениям ал-Айни, государь Дешта Мухаммед-хан воевал с Борак-ханом и Берке-ханом (вероятно с Чекре-ханом?) еще в 1421 г. Однако можно думать, что в то время Бораку не удавалось захватить Сарай. Тимуридскому историку Абд-ар-раззаку Самарканди Борак известен с 1419 г., но первое известное ему сообщение о победе Борака над Мухаммед-ханом пришло к Шахруху в Багдис лишь в апреле-мае 1423 г. (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 234, 378; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 374).

[81] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 30, 31.

[82] *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. С. 82—84.

В. П. Лебедев прочитал имя хана Борака. Однако ее датировка остается под вопросом[83]. Во всяком случае, в это время в Каффе «императором» называли Давлета-Берди. Его титул отличали от титула «великого императора Орды», а сам Давлет-Берди, судя по всему, мирно соседствовал с сеитом Мансуром, который был одним из старших князей (господ Солхата), представлявших свой род в иерархии крымской власти.

Вскоре Бораку и Мансуру пришлось отступить. В 1423 г. в Египет пришло сообщение, согласно которому, «государем земель Дештских, столица которых Сарай, был султан Мухамед-хан»[84]. Именно этот император великой Орды стал стремиться сместить Давлета-Берди с крымского престола. 18 октября, 9 и 22 ноября, 16 и 20 декабря 1423 г. в массариях Каффы упомянуты лица, пришедшие в Каффу от «господина императора Татарии», имя которого не названо. Тем не менее, его личность можно установить. 18 октября в Каффе пребывал господин Солхата Католло (Catollo), который затем 1 января 1424 г. снова прибыл в Каффу в качестве посла «господина императора Татарии великой Орды Мухаммед-хана»[85]. Под 16 декабря 1423 г. упомянут господин Солхата, посланный императором. В этот же день «Taulacberdi» (Давлет-Берди) упомянут уже без титула в качестве «брата императора»[86]. Согласно Муизз ал-ансаб, Давлет-Берди б. Баш-Тимур, б. Джаниса приходился двоюродным братом Мухаммеду б. Хасан, б. Джаниса (Улу-Мухаммеду)[87]. Очевидно к середине октября 1423 г. Давлет-Берди был смещен с крымского престола, но поскольку в конце года он все еще находился в Крыму, можно думать, что его отстранение от власти произошло мирным путем. С 1 по 7 января 1424 г. в Каффе его послам и дарагам «императора Орды великой Татарии Мухаммед-хана» преподносились подарки, а в Солхате находился представитель великого императора. Однако Давлет-Берди, видимо, не смирился с потерей власти. 11 января из Солхата в Каффу пришла весть о том, что недавно он снова был избран императором[88].

Должно быть, Давлет-Берди рассчитывал на помощь своих прежних союзников, но планы Витовта к этому времени существенно изменились. По Белорусской I летописи, «Давлад-Бердию немного время побывши». Когда Витовт находился в Киеве, некие ордынские старейшины (видимо, противники Давлета-Берди), пришли к литовскому господарю и тоже просили царя, «он же дал им царя именем Магмета»[89]. Примечательно, что упоминая об отношениях Витовта с ордынскими князьями, Белорусская I летопись каждый раз фактически говорит о его отношениях с крымской знатью. Нового претендента на крымский престол уверенно можно отождествить с Улу-Мухаммедом – великим императором Орды. Согласно поздней легенде крымских Ширинов, хан Улуг-Мегмет Гирей пришел к власти

---

[83] *Лебедев В. П., Ситник В. Г.* Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир-Краснодар, 2012. С. 195, 204, 207, 210. № 218.

[84] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 234; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375.

[85] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 31—32.

[86] Ibid. P. 29.

[87] ИКПИ. Т. 3. Алматы, 2006. С. 45.

[88] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 32.

[89] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 59, 76, 109. Согласно Белорусской I летописи, царствование Давлета-Берди «мимо шедшю», то есть «прошло», и его сменил хан Махмет. В более позднюю редакцию летописи вкралась существенная ошибка: сообщается, что Давлет-Берди на царстве умер, после чего ханом стал Махмет. Это не соответствует более ранним источникам (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 141, 163, 189, 210, 231).

(был избран) при помощи главы их рода великого князя Тегене[90]. Эта легенда подтверждается и ранними источниками. Тегене (Тягиня русских источников) был двоюродным или троюродным братом князя Сарая, который по Кадыр Али-беку участвовал в казни Едыгея [91]. В начале января 1424 г. именно Тегене-бей (Tegen-bi) был представителем императора великой Орды Мухаммед-хана (Macomet-cam) в Крыму[92].

Точная дата киевской встречи Ширинов с Витовтом не сохранилась. Возможно, она состоялась еще во второй половине 1423 г. и предполагала мирное отрешение Давлета-Берди от власти, но затем его мятеж потребовал силовых действий. 12 июня 1424 г. в Каффу пришло известие о наступлении хана Улу-Мухаммеда (Macomet-cam) и бегстве хана Давлета-Берди. Когда же Улу-Мухаммед занял Крым, солхатцы избрали его своим императором[93]. В письме гроссмейстеру Немецкого ордена Павлу фон Русдорффу от 22 июня 1424 г. Витовт сообщал: «татарский царь по имени Махмет, наш друг, теперь, что вполне достоверно, полную власть вместе со всем царством из нашей земли занял и овладел; и теперь у нас пребывает его почтенное посольство; и в течение короткого времени пошлет к нам своего единственного сына с некоторыми господами из царского рода и именитыми князьями, усердно благодаря нас за наше содействие и помощь, которую мы ему из нашей страны для [завоевания] царства осуществили и оказали»[94]. Должно быть, под «всем царством» Витовт понимал полноту власти великого хана Улу-Мухаммеда, которая была достигнута подчинением ему Крыма.

Необходимо подчеркнуть важную особенность сложившейся ситуации. В массариях Каффы речь идет о том, что императора великой Орды солхатцы избрали своим императором и тем самым преподнесли ему второй императорский титул! По сути, Крымское ханство (малый султанат) оказалось в подчинении великого сарайского хана (султана) Улу-Мухаммеда, но особый статус Крыма сохранился.

VI. Борьба хана Улу-Мухаммеда за Сарай и Крым в 1425—1428 гг.

Успех Улу-Мухаммеда был очень значительным, но осуществление его планов по объединению Золотой Орды продвигалось непросто. С востока ему снова стал угрожать царевич Борак, объединившийся с Мансуром. В сочинении тимуридского историка Мирхонда († 1498 г.) сохранилось известие о том, что зимой 828 г. х. (видимо, в конце 1424 г.) к мавераннахрскому мирзе Улугбеку (сыну Шахруха), находившемуся на реке Сырдарье, пришло сообщение от Борака, который незадолго до этого воссел на престол в Дешт-и-Кипчаке[95]. Краткое сообщение о завоевании Бораком «орды Мухаммед-хана» под тем же 828 г. х. также сохранилось у другого тимуридского историка Абд-ар-раззака Самарканди[96]. Сведения о двух нападениях Борака отразились и в сочинении Ганса Шильтбергера, который в это время находился при дворе бывшего хана Чекре «в некоей

[90] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения… С. 124.

[91] В русских летописях под 1432 г. Усейн (сын Сарая, Урусахова сына) назван «братаничем» (сыном брата) князя Тегене (Шихова сына) (ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 155, 172).

[92] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 32.

[93] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 33.

[94] CEV. №1159. S. 660; Перевод уточнен С. В. Полеховым, которому я выражаю искреннюю благодарность за проверку переводов, как моих, так и М. Г. Сафаргалиева.

[95] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. С. 206—207.

[96] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 379; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 374.

стране, называемой Дешт-и-Кипчак»: «Пришел некто по имени Борак, изгнал Мухаммеда и стал королем. И затем Мухаммед собрался [с силами] и изгнал Борака, и снова стал королем. Затем пришел некто по имени Давлет-Берди, изгнал Мухаммеда и стал королем, и был королем только три дня. Затем пришел вышеназванный Борак, изгнал Давлета-Берди и снова стал королем»[97].

Свидетельство о кратковременном царствовании Давлета-Берди вызывает ряд вопросов. Имел ли он силы для «изгнания» Улу-Мухаммеда из Сарая, если ранее не мог удержать за собой даже Крым? Разве что он занял Сарай, пока великий хан был отвлечен на борьбу с Бораком? Вспоминая о пребывании некого сеита Мансура у Давлета-Берди в Крыму в марте и июле 1423 г., стоит задаться вопросом: не объединялись ли тогда Борак и Давлет-Берди для борьбы с Улу-Мухаммедом? Во второй раз эта пара вновь появляется вместе. По массариям Каффы выходит, что после изгнания Давлета-Берди из Крыма (июнь 1424 г.) Улу-Мухаммед ушел в Сарай. Однако к концу августа Давлет-Берди снова занял Крым [98]. Затем, судя по запискам Шильтбергера, Давлет-Берди пошел войной на Сарай, после чего столица великой Орды перешла в руки хана Борака. Не исключено, что их почти одновременное нападение на Сарай было согласовано и хорошо спланировано.

Степи, лежащие к западу от Волги, пришли в расстройство. Осенью потерпевший поражение от Борака хан Куйдадат (двоюродный брат Улу-Мухаммеда и Давлета-Берди) напал на Новосильско-Одоевское княжество и восточные окраины Великого княжества Литовского (Тулу и ее окрестности), где был разбит войсками коалиции феодалов Верхнего Поочья[99]. Тем временем Улу-Мухаммед был вынужден укрыться у своего союзника Витовта. В письме гроссмейстеру Немецкого ордена от 1 января 1425 г. Витовт писал: «мы даем Вам знать, что империя в Татарии находится в таком большом раздоре и разделении, что теперь там пребывают шесть благородных царей, каждый добивается царства и наследует [его]. Один из тех самых царей по имени Махмет пребывает у нас, а другие живут там, в земле, один в одном месте, другой в другом, так как их страна особенно большая и обширная»[100].

По неопубликованным сведениям массарий Каффы А. Л. Пономарев установил, что весной следующего года Улу-Мухаммед снова возвратился в Крым, и 14 мая 1425 г. солхатцы признали его императором[101]. Затем он вновь включился в борьбу за первенство в Деште. Согласно летописи ал-Айни, в 828 г. х. (нояб. 1424 — нояб. 1425 гг.) в подчиненных Сараю землях происходила «великая неурядица, вследствие отсутствия старшего, который бы взялся за дела; одерживало там верх несколько знатных лиц из рода ханского и других. Каждый из них правил своим краем и ни у одного из них дело не шло на лад, как бы следовало, но перевес между ними одерживал Мухаммедхан»[102]. Поскольку осенью-зимой 1424—1425 гг. Улу-Мухаммеда еще не было в Деште, то с поправкой на путь до Египта это

---

[97] Перевод был сделан мной по: *Schiltberger H.* Reisebuch. S. 42, а затем уточнен В. Шульзингером; Также см.: *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 36.

[98] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 33.

[99] В историографии бытует ошибочное мнение о нападении самого хана Борака на Одоев. Оно основано на искаженных данных в поздних летописных сводах (*Беспалов Р. А.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 205—208).

[100] CEV. №1181. S. 688. Перевод автора статьи (Р. А. Беспалова) уточнен С. В. Полеховым.

[101] Выражаю искреннюю благодарность А. Л. Пономареву за предоставленные мне и А. А. Казарову сведения.

[102] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 234; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375.

сообщение следует датировать приблизительно весной–летом 1425 г. В ноябре 1425 г. Улу-Мухаммед находился в Крыму[103]. В следующем 829 г. х. (должно быть, весной 1426 г.) он сразился с Бораком и Мансуром и обратил их в бегство[104]. При этом, видимо, распространились слухи о гибели Борака, которые были зафиксированы Гансом Шильтбергером в качестве якобы установленного факта. Вскоре господин Шильтбергера Чекре тоже пошел войной на хана Мухаммеда, но потерпел поражение и был убит[105].

Восточные дела сильно отвлекали Улу-Мухаммеда от Крыма. Весной 1426 г. сюда снова прибыл Давлет-Берди. Впрочем, положение последнего было очень шатким. Он стремился возобновить отношения с Витовтом и заручиться его поддержкой, однако, видимо, не имел с ним прямого сообщения. На основании более поздних источников можно предположить, что сухопутная дорога из Крыма в Великое княжество Литовское была блокирована крымскими сторонниками Улу-Мухаммеда. Она проходила через ту область на Днепре, где к концу XV в. располагался Тягинин городок[106]. По всей видимости, он получил название по имени своего первого владельца главы рода Ширинов великого князя Тегене (Тягини) — главного сторонника Улу-Мухаммеда в Крыму. 2 мая 1426 г. в Каффе Ованес — священник церкви Святого Франциска в качестве посредника написал рекомендательное письмо Витовту о том, что император Давлет-Берди вступил в Солхат и пребывает там, взывая к его милости; что ранее только по навету плохих людей он действовал вопреки литовскому господарю[107]. Однако, несмотря на попытки Давлета-Берди завязать переговоры с Витовтом, тот оставался верным союзу с Улу-Мухаммедом, и в августе того же года даже использовал его войска в походе на Псковскую землю[108]. К сожалению, не ясно, где в это время находился сам Улу-Мухаммед, который, видимо, не принимал участия в Псковском походе.

Зиму 1426—1427 гг. великий хан провел в низовьях Днепра[109]. Думается, это был удачный плацдарм для похода на Крым. Не позднее осени 1426 г. хан Давлет-Берди направил из Крыма в Египет послание, которое прибыло ко двору султана в марте 1427 г.

---

[103] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 34.

[104] В письме от 27 джумади ал-авваля 831 г. х. (14 марта 1428 г.) Улу-Мухаммед писал, что победил Борака и Мансура «в позапрошлом году», то есть в 829 г. х. (нояб. 1425 г. — нояб. 1426 г.) (*Султанов Т. И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник, 1973. М., 1975. С. 54). Поскольку зиму 1425—1426 гг. Улу-Мухаммед провел на Днепре, то напасть на Борака он мог не ранее весны 1426 г., но и не позднее, иначе это событие не согласуется с хронологией рассказа Ганса Шильтбергера.

[105] Для уточнения обстоятельств гибели Чекре мной использован оригинальный текст, который отличается от известного перевода на русский язык (*Schiltberger H.* Reisebuch. S. 42, 43—44; Также см.: *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 36, 67-68). Очевидно, Шильтбергер не был свидетелем гибели Борака, который по тимуридским источникам погиб несколько позже — в 832 г. х. (окт. 1428 — сен. 1429 гг.) (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 380—381; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 377—378). Однако следует полагать, что он был очевидцем смерти своего господина Чекре в 1426 г., при дворе которого находился. Приблизительно год спустя Шильтбергер бежал из плена, а спустя несколько месяцев в 1427 г. вернулся в христианские земли, поэтому он не мог знать о дальнейшей судьбе Борака.

[106] Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427—1506). №4. P. 56; № 11.1.—11.2. P. 64—66; См.: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. С. 89; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 2010. С. 85—86.

[107] CEV. №1223. S. 721.

[108] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 247; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 40—41.

[109] *Султанов Т. И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II. С. 54.

Доставивший письмо сообщил, что «в землях Дештских большая неурядица и что три царя оспаривают царство друг у друга; один из них, по имени Даулетбирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммедхан, завладел Сараем и принадлежащими ему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка»[110]. К тому времени эти сведения устарели, поскольку в «прилегающем к Крыму крае» (в низовьях Днепра) уже определенно находился Улу-Мухаммед. В письме гроссмейстеру Немецкого ордена от 17 марта 1427 г. Витовт сообщал: «теперь в Татарской степи пять ханов, особенный тот, который с нашей помощью завладел Ордой (победил Орду), и [его] сын теперь у нас, тот могущественный, и держит Орду с силой»[111]. Очевидно, имелся в виду Улу-Мухаммед. Выше на примере сведений Белорусской I летописи и письма Витовта от 22 июня 1424 г. было показано, что в предыдущих случаях литовские источники, хотя вроде бы и сообщали об ордынских событиях вообще, но на самом деле повествовали о том, как Витовт помогал «своим» ханам именно в крымских делах[112]. Это важное свойство источников литовского происхождения не было замечено предыдущими исследователями. На его основании можно полагать, что к марту 1427 г. Улу-Мухаммед с литовской помощью вновь овладел Крымом, и это был удачный момент для посольства его сына в Литву.

Летом 1427 г. во время поездки по русским землям Великого княжества Литовского по пути в Смоленск Витовт снова встречался с послами татарского императора[113]. В августе 1428 г. в Смоленске был окончен сохранившийся до наших дней список Слов Исаака Сирина. В рукопись также был переписан текст, который в более поздней летописной традиции получил название «Похвала Витовту». В нем сообщается, что Витовту служили многие независимые от великого литовского княжения государи, «и тако же слоужаху емоу и

---

[110] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 376.

[111] CEV. №1270. S. 759.

[112] Назову еще один подобный пример более позднего происхождения. Польский поэт и историк второй половины XVI в. М. Стрыйковский с опорой на «литовские летописи», восходящие к Белорусской I летописи, написал стихи о Витовте следующего содержания:

> «Przekopskim też tatarom podał dwu soltanu,
> Potym Dewletkiereja też z carskiego stanu,
> Mahometa na carstwo Kirkielske posadił…»

(Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. T. 2. Warszawa, 1846. S. 175; О летописных источниках М. Стрыйковского см.: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 82—129). Автор допустил целый ряд несуразностей. Например, в предыдущих строфах писал, что после заволжского царя «Zoltana Zeledina» (Джелал ад-Дина, † 1412 г.) правил Тохтамыш (то есть отец Джелал ад-Дина, † 1407 г.); здесь же вместо «Давлад-Бердия» указал «Dewletkiereja»; назвал «carstwo Kirkielske», что является явным анахронизмом, поскольку резиденция крымского хана Хаджи I Гирея находилась в Кырк-Ере не ранее середины XV в. Тем не менее примечательно, что М. Стрыйковский отличал Зоволжскую Орду (Дешт со столицей в Сарае) от Перекопской (Крымской) Орды. Он писал, что Витовт дал двух Солтанов, Давлет-Керея и Махмета не «ордынским старейшинам» вообще, а именно «перекопским татарам».

[113] CEV. №1329. S. 799. О датировке письма шута Генне см.: *Беспалов Р. А.* Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008. С. 257; *Беспалов Р. А.* К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология. История. Тула, 2013. С. 86—88.

въсточные великии ц(а)ри татарьскии»[114]. Не случайно именно смоленское летописание середины XV в., отразившееся в Белорусской I летописи, включило в себя список «Похвалы Витовту», по окончании которого раскрыт перечень этих «великих татарских царей» и описаны обстоятельства их воцарения.

Зиму 1427—1428 гг. Улу-Мухаммед вновь провел в низовьях Днепра[115]. Его соперник Давлет-Берди был человеком, склонным к псевдоучености[116], и при этом, видимо, весьма недальновидным, поскольку в свое время не уберег дружбу с Витовтом. По большей части он спасался от Улу-Мухаммеда бегством, и имел силы лишь на то, чтобы время от времени занимать пустующий трон. Тем не менее, он опирался на какую-то часть татарской знати, которая делала на него ставку. В 831 г. х. (окт. 1427 г. — окт. 1428 г.) он чеканил монету в Хаджи-Тархане [117]. На основании сведений нумизматики еще А. Г. Мухамадиев выявил факт борьбы между Давлетом-Берди и Улу-Мухаммедом в 1420-х гг. В том числе, она протекала в области нелокализованных монетных дворов, чеканивших монету по сарайской весовой норме[118]. Однако в Крым Давлет-Берди больше не вернулся. Интересно, что прежде губернатор Генуи рекомендовал консулу и чиновникам Каффы жить в мире с императором Солхата и стремиться устранять все поводы для скандалов и войн[119]. Давлет-Берди мог пользоваться этим, и находил в Каффе помощь и поддержку. Может быть, именно в этой связи в конце 1420-х гг. отношения Каффы с Улу-Мухаммедом и Витовтом существенно осложнились, и чуть было не переросли в открытую вражду[120]. В скором времени Давлет-Берди окончательно сошел с политической сцены. По сведениям ал-Айни, к концу 1428 г.

---

[114] ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 417—418.

[115] *Султанов Т. И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II. С. 54.

[116] Известны два сообщения о письмах Давлета-Берди, которые были наполнены затейливыми восточными тонкостями и хитросплетениями, при этом в контексте самих писем не имеющими практического смысла (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 376; Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 30).

[117] *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832. С. 35. Таб. VIII. № 266; Н. П. Лихачев писал о крымском дирхеме Давлета-Берди 831 г. х. Однако, как заметил В. П. Лебедев, он «не издан и не найден в частных коллекциях» (*Лебедев В. П.* К нумизматике Крыма золотоордынского периода // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. М., 2002. С. 148). Вероятно, датировка этой монеты ошибочна.

[118] *Мухамадиев А. Г.* Два клада татарских монет XV века // Советская археология. М., 1966. №2. С. 272—273.

[119] Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 355—356.

[120] О сложных отношениях Каффы с «императором Магометом» известно из письма губернатора Генуи (Бартоломео Каппы) от 22 августа 1428 г., который все же призывал консула и чиновников Каффы жить с их противниками мирно (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 477). Согласно другому документу из секретного архива Генуи, некогда посол Каффы в Великое княжество Литовское Баттиста Джентиле обещал поднять над Каффой знамена Витовта и установить там его гербы, на что, впрочем, не имел никаких полномочий. За невыполнение обещаний Витовт угрожал Каффе войной. В 1430 г. татарский хан, видимо, находившийся на стороне Витовта, ограбил следующего посла Каффы в Великое княжество Литовское Дарио Грилло (*Карпов С. П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.—СПб., 1998. С. 36).

Улу-Мухаммед вновь стал «государем Дешта и Крыма»[121]. 9 сентября 1429 г. Витовт писал гроссмейстеру Немецкого ордена: «из новых известий извольте знать, как мы сообщали вам с вашими послами, что царь Махмет, наш друг, написал нам, что он теперь обладает всем царством и Ордой, об этом он нам также (вторично) сообщил через свое подобающее посольство»[122].

* * *

В итоге можно заключить, что мотивация Витовта в его ордынской политике была основана на отстаивании своего права на управление русскими землями, вошедшими в состав Великого княжества Литовского, но административно подчиненными Крымскому улусу Золотой Орды. Еще в конце XIV в. союз с Тохтамышем позволил Витовту освободиться от влияния в этом вопросе польской короны. В 1420-х гг. литовский господарь продолжал бороться за политическое влияние в Крыму, однако обособление Крымского улуса для него, видимо, не было самоцелью. К 1419 г. Крым выделился в особый султанат. В его главе стал джучид, который носил титул «султан сын султана» (иначе «малый султан») и подчинялся султану (великому хану) великой Орды (Дешта). Впрочем, подчиненное положение Крыма было возможно только при наличии сильной и устойчивой власти в Сарае. В 1420 г. укрепление крымского суверенитета стало возможным, видимо, вследствие столичных смут, а также вследствие разрастания местного сепаратизма, который, однако, поддерживался лишь частью крымской знати. В свою очередь хан великой Орды стал стремиться вернуть Крым в свое подчинение или утвердить там удобную для себя власть. Так в Крыму в очередной раз пересеклись интересы Великого княжества Литовского и великой Орды (Дешта).

Во время правления хана Бека-Суфи литовско-крымские отношения развивались успешно, но с приходом к власти хана Давлета-Берди в Крыму стали происходить неурядицы. Отчасти они были связаны с усилением партии великого хана Улу-Мухаммеда, а отчасти с внутренней борьбой крымской знати за власть. По всей видимости, Давлет-Берди стал искать союзников для борьбы с Улу-Мухаммедом, и, вероятно, нашел их в лице Борака и Мансура. Во всяком случае, его самовольные действия перестали соответствовать надеждам Витовта. Тем более литовской стороной не приветствовалось появление в Крыму такого постороннего и непредвиденного хана, как Борак. Основой успеха великого хана Улу-Мухаммеда в Крыму стали: его союз с Витовтом и поддержка, полученная им от некоторых представителей крымской знати, главным образом от Ширинов во главе с великим князем Тегене, а также от Барынов. Казалось бы, в западной части Золотой Орды дипломатическое и военное преимущество оказалось на стороне Улу-Мухаммеда, но в то же время ему постоянно угрожали восточные претенденты на сарайский трон. По этой причине осуществление планов Улу-Мухаммеда по объединению Дешта и Крыма под своей властью растянулось на несколько лет. В итоге Витовт, видимо, получил ярлык-пожалование на русские земли Великого княжества Литовского не от особого крымского хана (малого султана, стремившегося стать самостоятельным султаном), а от хана великой Орды (султана) Улу-Мухаммеда, овладевшего «малым султанатом» Крымом[123]. По своему статусу этот предполагаемый ярлык был равен аналогичному ярлыку хана Тохтамыша 1397 г.

---

[121] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды… С. 235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 376.

[122] CEV. №1390. S. 866. Перевод С. В. Полехова.

[123] Ярлык Улу-Мухаммеда Витовту на русские земли Великого княжества Литовского не сохранился. Однако в письме от 9 мая 1431 г. Свидригайло сообщал гроссмейстеру Немецкого ордена, что Улу-

Судя по Белорусской I летописи, в Великом княжестве Литовском первые крымские ханы считались ставленниками Витовта. Действительно, его успехи можно сопоставить с прежними достижениями Едыгея. Литовскому господарю удалось достичь того, что в Крыму «свои» ханы в конечном итоге побеждали, а «чужие» непременно терпели поражение. Однако он вполне осознавал величие ханской власти, от которой получал право на управление «Русской землей». Поддерживая одного из кандидатов на трон, он мог рассчитывать на дружественные отношения с ним в будущем. При этом согласно сохранившимся ярлыкам крымских ханов, литовская сторона, видимо, по-прежнему была обязана выплачивать в Крым обычную дань с русских земель Великого княжества Литовского. Отказ от выплат на законных основаниях вел к суровым санкциям со стороны татар. Так закладывались основы для будущего развития литовско-крымских отношений и для дальнейшего обособления Крымской Орды под властью сына Бека-Суфи — Сеид-Ахмеда II, а затем и преемника Улу-Мухаммеда в Крыму – Хаджи Гирея[124].

Мухаммед дал ему письменное обязательство о мире, такое же, как и прежние ханы давали прежним великим князьям литовским. Значительные фрагменты Списка городов Свидригайла 1432 г. схожи с перечнем более поздних ярлыков крымских ханов, выданных великим литовским князьям (*Коцебу А.* Свитригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 94, Приб. 2. С. 8—9). Поэтому можно думать, что заключение литовско-ордынского договора о мире в 1431 г. сопровождалось выдачей Свидригайлу ханского ярлыка-пожалования на русские земли Великого княжества Литовского, аналогичного предполагаемому ярлыку-пожалованию хана Улу-Мухаммеда, выданному Витовту.

[124] См.: *Беспалов Р. А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437—1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 53—70.

Резюме

Предпосылки к возникновению литовско-крымских отношений сформировались еще к началу правления хана Тохтамыша. Они были обусловлены тем, что в состав Великого княжества Литовского входили русские земли, которые также находились в зависимости от Крымского улуса Золотой Орды. Позже это привело к тому, что во время распада Золотой Орды великие литовские князья приняли активное участие в образовании Крымского ханства. В данном исследовании рассматривается попытка образования в Крыму независимого государства в 1420-1424 гг.

Ключевые слова: Крымское ханство, Великое княжество Литовское, Бек-Суфи, Давлет-Берди, Борак, Улу-Мухаммед, Витовт.

Summary

Preconditions for the emergence of Lithuanian-Crimean relations formed back to the beginning of the reign of Khan Tokhtamysh. They were due to the fact the Grand Duchy of Lithuania included the Russian lands, which were also depending on the Crimean ulus of the Golden Horde. Later, this led to the fact that while the Golden Horde was collapsing, the grand Dukes of Lithuania played an active role in the formation of the Crimean Khanate. In this study highlights the attempt to form an independent state in the Crimea in 1420-1424 years.

Keywords: the Crimean Khanate, the Grand Duchy of Lithuania, Beck-Sufi, Davlet-Birdie, Boraq, Ulu-Muhammed, Vytautas.

УДК 94(477.75)

Е.В. Неделькин

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦЕ КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО И ВЛАДЕНИЙ ГЕНУЭЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКЕ

В позднем Средневековье зона влияния Восточной Римской империи в Таврике значительно уменьшилась. В 1261 г. византийский император Михаил VIII Палеолог (1259/1261—1282 гг.) заключил с Генуей договор, одним из пунктов которого была монопольная торговля генуэзцев на Черном море и право основывать фактории в византийских городах[1]. Это соглашение стало прологом будущего экономического господства генуэзцев на Черном море и в частности в Северном Причерноморье.

Появление первых латинских колонистов в Чембало и возникновение торговой фактории во главе с консулом относят к 40-м гг. XIV в.[2] Об этом свидетельствует документ, согласно которому в 1344 г. нотариус Роландо Саличето оформлял в городе сделку для Паоло ди Подио[3]. Первоначально город начали обносить земляным валом с деревянным частоколом. Однако весной 1345 г. монголы сожгли незаконченные деревянные конструкции укрепления и городские кварталы, а жители города были вынуждены спасаться бегством в горы[4].

И все же генуэзцам удается закрепиться в Чембало, о чем свидетельствует содержание петиции коммуны Каффы дожу Генуи Джованни ди Мурта (1344—1350 гг.). Из содержания этого документа следует, что уже в этот период Чембало имело важное торговое значение. Также в этой петиции идет речь о необходимости укрепления молодой колонии[5]. В 1357 г. кастеляном и консулом Чембало становится Симоне дель Орто. Из соответствующей надписи следует, что он проводил значительные работы по сооружению укреплений[6].

В это же время на территории юго-западной части горной Таврики происходило формирование деспотии, получившей название в научной литературе княжество Феодоро. Самый ранний этап складывания этого феодального образования, с некоторой долей

[1] *Скржинская Е.Ч.* Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // ВВ. 1947. Т. I. С. 224.

[2] Польский дипломат, находившийся в 1578 г. в Крыму свыше 9 месяцев в качестве посла короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммеду II Гираю (985—992 гг. х., 1577—1584 гг. н.э.), Мартин Броневский приводит местную легенду о том, что Чембало (Ямбольд) был захвачен «без сопротивления у гордых, беспечных и несогласных между собою князей греческих, владевших тогда этою частью Тавриды» (См.: *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) / пер. И.Г. Шершеневича // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 343; *Броневский М.* Описание Крыма / пред. и ком. А.Г. Герцена // ИНК. 2005. № 10. С. 167).

[3] *Адаксина С.Б.*, *Кирилко В.П.*, *Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 году. СПб.— Симферополь, 2011. С. 66.

[4] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.—Л., 1964. С. 120; *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 103.

[5] *Balbi G.* Caffa e Pera a meta del Trecento // RESEE. 1978. An. XVI. № 2. P. 226—227.

[6] *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // ASLSP. 1928. Vol. 56. P. 129, № 53.

осторожности, можно отнести к началу XIV в.[7] Пик могущества этого государственного образования пришелся на XV в. Во второй половине XV в. Готия, состоявшая из разделенных горами долин, была разделена на уделы («части»), которых было как минимум одиннадцать, владели же ими сыновья Алексея I (Старшего) (1411—1446) и представители рода правящей династии[8]. О численности населения этих уделов можно судить по сообщению председателя городского совета Рагузы венецианскому дожу Петро Мочениго, в котором кроме всего прочего говорится, что до захвата турками в 1475 г. Феодоро, его правителю было подвластно 30 тыс. домов (семейств)[9]. Если учесть что семья в то время состояла в среднем из 5—6 человек, то можно предположить, что население феодоритской Готии во второй половине XV в. составляло 150—180 тыс. человек[10].

Здесь и возникает вопрос, который является одним из наиболее важных в истории любого государства — его границы. В данном случае вопрос о границах консульства Чембало Генуэзской республики и княжества Феодоро остается открытым, в нем еще очень много белых пятен и дискуссионных моментов. Тем более учитывая, что Чембало являлось «камнем преткновения» между владетелями Готии и Генуэзской республикой.

Появление генуэзской фактории в 40-х гг. XIV в. в Чембало можно считать исходной точкой грядущего противостояния Генуи и княжества Феодоро за территории юго-западной Таврики, и в особенности за Чембало, которое в последствии становится далеко не последней по значимости колонией республики в Северном Причерноморье. Однако на сегодняшний день нет конкретных сведений о территориальной экспансии генуэзцев и действиях феодоритов в этом регионе, кроме Чембало и Херсона, вплоть до 20-х гг. XV в. Но, вероятно, поистине масштабного характера это противостояние приобрело после заключения 28 ноября 1380 и 23 февраля 1381 гг. договоров генуэзцев с правителем Солхата, в которых кроме всего прочего говорилось о полном закреплении Чембало за генуэзцами[11].

Первоначально проанализируем письменные и эпиграфические источники, в которых идет речь о границах этих двух государственных образований. Единственное письменное упоминание нескольких пограничных пунктов консульства Чембало содержится в Уставе для генуэзских владений 1449 г. В нем говорится: «пристав торговый в Чембало имеет право и должен пользоваться следующими выгодами и доходами и соблюдать ниже показанные правила. Во-первых, имеет право упомянутый пристав собирать и получать от рыбаков в Чембало [Cimbali], которые будут ловить рыбу между (Херсонесским) маяком [fanario] и Чембало, также местом, которое называется Кантон [Caiton] и до Чембало…»[12]. К эпиграфическим источникам, в которых косвенно идет речь о юго-западных границах

[7] *Виноградов А.Ю.* Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского Музея // Причерноморье в средние века. Вып. IV. СПб., 2000. С. 444; *Виноградов А.Ю.* «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? // ССб. 2005. Вып. II. С. 435-436.

[8] *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 148; *Виноградов А.Ю.* Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи // *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 128; *Виноградов А.Ю.* «Разряд» и «Часть»… С. 436.

[9] *Колли Л.П.* Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. 1911. Т. 45. С. 17.

[10] А.Л. Бертье-Делагард доводил эту цифру до 200 тыс. чел. (См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Т. 55. С. 34).

[11] *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 178—179.

[12] Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / пер. и коммент. В.Н. Юргевича // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 791.

владений господ Феодоро относятся две плиты, которые были найдены при различных обстоятельствах в разных местах и разное время.

Первая плита, а точнее ее фрагмент, была обнаружена в слое завала башни дворцового здания в г. Феодоро (Мангуп). Этот эпиграфический памятник был обнаружен в 1912 г. при раскопках здания Р.Х. Лепером. Исследователь полагал, что она является частью архитравной плиты, которая перекрывала входной проем в башню (донжон), также ученый предпринял попытку восстановления текста надписи[13]. Содержания и трактовки надписи данной плиты касались также А.Л. Бертье-Делагард[14], В.В. Латышев[15], Н.В. Малицкий[16], А.А. Васильев[17]. С учетом замечаний и поправок исследователей предположительный реконструируемый текст звучит следующим образом: «Построена эта башня с дворцом в благословенной крепости, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья, в месяце октябре 6934 года».

Х.-Ф. Баер предложил свой вариант реконструкции данной надписи: «Была построена башня сия с дворцом и благословенной крепостью, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, государя Феодоро и Поморья в месяце октябре года 6934»[18].

История с происхождением второй плиты очень запутана. Впервые эта эпиграфическая находка была издана П.И. Сумароковым, который обнаружил ее в имении Саблы (с. Партизанское)[19]. П.И. Кеппен с долей осторожности предполагал, ссылаясь на воспоминания И.А. Стемпковского, что эта плита происходит из Каламиты (Инкермана)[20]. А.Л. Бертье-Делагард доказывал, что она была вмонтирована в качестве архитравной над воротами башни, которая находилась в 150 м от крепости Каламита и была разобрана около 1787 г., после чего плита попала в имение Саблы, где и была обнаружена П.И. Сумароковым[21]. Сторонниками гипотезы о том, что этот эпиграфический памятник из Каламиты были также И.И. Толстой и Н.П. Кондаков[22], М.А. Тиханова[23], В.Ф. Филиппенко[24].

Однако стоит сказать, что существует гипотеза о том, что эта плита мангупского происхождения. Так А.Л. Якобсон предполагал, что упомянутый в надписи храм Свв. Константина и Елены — это Большая базилика Мангупа[25]. Гипотезы о мангупском

---

13 *Лепер Р.Х.* Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИИАК. 1913. Т. 47. С. 78—79, рис. 7.

14 *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро… С. 31.

15 *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИИАК. 1918. Т. 65. С. 18.

16 *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 33—35.

17 *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea… P. 214.

18 *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 208.

19 *Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб., рис. 20.

20 *Кеппен П.И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб, 1837. С. 94—95, 222, 218.

21 *Бертье-Делагард А. Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. XIV. С. 190-191; *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро… С. 2—10.

22 *Толстой И.И.*, *Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. С. 27.

23 *Тиханова М.А.* Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 387—389.

24 *Филиппенко В.Ф.* Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 148.

25 *Якобсон А.Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. VI. С. 206.

происхождении этого эпиграфического памятника, с некоторой долей осторожности, придерживается и А.Г. Герцен[26], первоначально считая, что она могла находиться над воротами цитадели города Феодоро[27]. В.П. Кирилко и В.Л. Мыц, вслед за Р.Х. Лепером[28], идентифицируют храм надписи 1427 г. с октогональным храмом цитадели Мангупа[29]. После археологического доследования этого храма в 1997-1999 гг. сторонниками данной гипотезы стали А.Г. Герцен и В.Е. Науменко[30]. Данной теории придерживаются и Ю. М. Могаричев[31].

В.В. Латышев дал следующий перевод надписи: «Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья и ктитора святых, славных, боговенчанных, великих царей равноапостольных Константина и Елены в месяце октябре, индикта шестого, лета 6936»[32].

Как видно из вышесказанного, на обеих плитах надписи сообщают о том, что Алексей был владетелем, помимо Феодоро, Поморья, скорее всего подразумевая именно юго-западную часть княжества, которая имела выход к морю и где находился стратегически важный порт Феодоро и торговый конкурент Каффы – Каламита. Также особый интерес представляет герб в виде четырехконечного удлиненного креста на овальном щите, который совпадает по форме с генуэзскими. Н.В. Малицкий сделал осторожную попытку трактовки его в сторону выражения притязаний Алексея на какие-нибудь генуэзские владения[33]. Лишь на уровне догадки можно предположить, что термин «Поморье» в сочетании с генуэзским гербом имел двойственный смысл, отражая не только реальные владения феодоритов в данном регионе, но и претензии и желание захватить территории, которые, по мнению Алексея были захвачены генуэзцами незаконно.

Теперь приведем немногочисленную историографию данной проблемы. Первые попытки более-менее четкого определения границ консульства Чембало были предприняты еще В.Н. Юргевичем при издании на русском языке Устава 1449 г. Однако исследователь затруднялся точно определить некоторые названные в Уставе 1449 г. пограничные объекты

---

[26] *Герцен А.Г.*, *Махнева-Чернец О.А.* Пещерные города Крыма. Севастополь, 2006. С. 169—170; *Герцен А.Г.*, *Могаричев Ю.М.* Монастыри Мангупа // Православные монастыри. Симферопольская и Крымская епархия Украинской Православной Церкви Московского Патриархата / отв. ред. протоиерей Н. Доненко; науч. ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь, 2007. С. 222.

[27] *Герцен А.Г.* Христианская община Мангупа под властью турок // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. Симферополь, 2006. С. 32—33.

[28] Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии: 7 ноября 1913 года, 30 января, 26 февраля, 29 мая, 3 и 22 сентября 1914 года // ИТУАК. 1914. Т. 51. С. 299.

[29] *Кирилко В.П.*, *Мыц В.Л.* Октогональный храм Мангупа // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 370—375; *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 138—141; *Кирилко В.П.* О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источников) // Stratum+. 2010. № 6. С. 106—107.

[30] *Герцен А.Г.*, *Науменко В.Е.* Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997—1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 432, 450, 453; *Герцен А.Г.* О местонахождении храма свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро // Херсонес — город святого Климента. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь 12-18 сентября 2011 г.). Севастополь, 2011. С. 13.

[31] *Могаричев Ю.М.* Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь, 2012. С. 229.

[32] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 50—52.

[33] *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа… С. 28—29.

консульства. Так, например, селение Caiton он помещал в юго-восточной части Байдарской долины[34]. К такому выводу В.Н. Юргевич пришел, основываясь на данных фирмана Шагин Гирая (1191—1197 гг. х., 1777—1783 гг. н.э.)[35], в котором среди прочих упоминается созвучное с Caiton селение Кайту[36] Мангупского кадылыка[37]. Однако сомневаясь в правильности локализации этого места, высказал предположение, что «генуэзцы при определении расстояния были не очень точны, или находилась другая местность того же имени на берегу моря»[38].

Следующим, кто предпринял попытку определить границы консульства Чембало, был А.Л. Бертье-Делагард. Он полагал, что западная граница консульства проходила «по естественной преграде на западе, отрогу главной гряды гор, кончающемуся мысом Сарыч и Форос». Также ученый утверждал, что консульству Чембало были подвластны селения Карань (Флотское), Камара (Оборонное), Алсу (Морозовка), Варнутка (Гончарное), Кучук-Мускомья (Резервное) и часть Байдарской долины, из которой идет наиболее удобная дорога на побережье в с. Ласпи[39].

Много позже авторитетный исследователь крымского средневековья В.Л. Мыц, придерживающийся выводов В.Н. Юргевича и А.Л. Бертье-Делагарда, сделал вполне объективное заключение о том, что северной границей консульства Чембало была р. Черная. Однако, затем он, нарушая все топографические и археологические особенности данного региона говорит, что вся территория, расположенная на левом берегу р. Черной, принадлежала генуэзцам. Исходя из этого, автор добавляет к перечисленным А.Л. Бертье-Делагардом селениям еще три – Байдары (Орлиное), Биюк-Мускомья (Широкое) и Кайту (Тыловое), то есть села находившиеся в Варнутской и Байдарской долинах[40] (рис. 1).

Весьма «оригинально» границы консульства Чембало определял С.В. Дьячков. Он полагает, что «крепость (Чембало — *Е.Н.*) контролировала участок побережья Крыма от мыса Сарыч до залива Каламиты (окрестности Инкермана) и далее вверх по течению реки Черной до Крымских гор»[41]. Этим исследователь чрезмерно расширяет границы консульства, не приводя при этом никаких обоснований и ссылок на источники.

---

[34] Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г… С. 834.

[35] Интересно заметить, что на данные этого фирмана, при определении границ княжества Феодоро, ссылался и Н.Л. Эрнст (См.: *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОАИЭ. 1929. Т. 3. С. 41.)

[36] Это же название носит и относительно небольшая долина, являющаяся ответвлением Байдарской долины (См.: *Dubois de Montpéreux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc. T. VI. Paris, 1838. P. 105; *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5, 6 / пер. с французского Т.М. Фадеевой. Симферополь, 2009. С. 194)

[37] *Кеппен П.И.* Крымский сборник… С. 76.

[38] Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г… С. 834.

[39] *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Т. 57. С. 19.

[40] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 149.

[41] *Дьячков С.В.* «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV—XV вв.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). К., 2004. С. 246; *Алексеенко Н.А.*, *Дьячков С.В.* «Ядерный арсенал» генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. // Мир древности. 2007. № 1. С. 53.

Помимо попыток локализации границ Генуэзской республики в юго-западной Таврике исследователи предпринимали и попытки определения границ княжества Феодоро в данном регионе. А.Л. Бертье-Делагард сильно расширял границы Феодоро, стремясь совместить их с территорией Готской епархии, а также говорил о том, что территория епархий «вполне отвечала административному делению страны и ее политических владык»[42]. Этого же мнения придерживались А.Л. Якобсон[43] и О.И. Домбровский[44] (рис. 2).

Е.В. Веймарн подверг критике гипотезу А.Л. Бертье-Делагарда, говоря о том, что он чрезмерно расширял территорию консульства Чембало. Ученый сделал осторожную попытку ограничить пределы консульства собственно окрестностями Чембало[45] (рис. 3). Однако при определении границ Феодоро в других частях княжества он, как и А.Л. Бертье-Делагард, совмещал их с границами Готской епархии[46].

Итак, теперь приступим к решению основной задачи данной работы. При определении границ какого-либо государственного образования следует учитывать очень важное обстоятельство, а именно динамику их изменения в зависимости от политической обстановки. Начиная с момента закрепления генуэзцев в Чембало в 40-х гг. XIV в. и вплоть до завоевания Османской империей Таврики в 1475 г. границы феодоритов и лигурийцев не были статичными, поэтому каждый раз подходить к их освещению следует с конкретно-исторической точки зрения.

Также, в случае с консульством Чембало и княжеством Феодоро следует обратить внимание еще на два момента, которым ранее не уделялось достаточно внимания. Первое — это сложный рельеф юго-западной части горной Таврики. Второе — феодоритские пограничные укрепления данного региона. Комплексное изучение вышеперечисленных показателей, не применявшееся ранее другими авторами, возможно, поможет локализировать более-менее четкие границы этих двух государств средневековой Таврики.

Еще в 1991 г. В.П. Кирилко и В.Л. Мыц выдвинули тезис о том, что в 60—80-е гг. XIV в. происходило «строительство целого ряда небольших замков в горном Крыму, которые как бы оконтуривают владения господ Феодоро, помогая определить их границы»[47]. Воспользуемся подсказкой маститых исследователей. Тем более следует учесть, что в XV в. правителями Феодоро была создана «локальная» (центрическая) система обороны, которая предусматривала создание отдельных укреплений на пути наиболее вероятного следования противника – центров организации защиты определенного небольшого горного района[48].

Первоначально выделим пограничные укрепления Феодоро в рассматриваемом регионе. Сразу следует сделать оговорку, что самая мощная крепость и единственный порт княжества — Каламита, занимавшая, вероятно, центральное место в организации защиты границ Феодоро в этом районе, отдельно рассматриваться не будет.

---

[42] *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде… С. 60—65.

[43] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым… С. 124.

[44] *Домбровский О.И.* Средневековая Таврика и крымская «Готия» // Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму / сост. *В.П. Бабенчиков*, *Е.В. Веймарн*, *Т.Н. Высотская* и др. Симферополь, 1966. рис. 2.

[45] *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // АИСК. К., 1968. С. 81—82, рис. 30.

[46] Там же. С. 79—81.

[47] *Кирилко В.П.*, *Мыц В.Л.* Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. К., 1991. С. 147.

[48] Там же. С. 170; *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 199.

Загайтанское укрепление. Эта крепость находилась на западной оконечности Загайтанской скалы. Площадь укрепления 0,13 га. Ширина оборонительной стены 1,65—2 м, протяженность — 95 м. На момент исследования этой крепости В.П. Бабенчиковым, стена сохранилась на высоту 1,1 м. Сейчас на место расположения крепостных стен указывают только развалы камней. Стены были сложены из крупного бута на растворе из извести и песка. С южной стороны укрепления находилась башня, имевшая форму трапеции. Ее размеры 6,2×7,4 м, толщина стен 1,2—1,3 м. Она выступала за линию оборонительной стены на 4,9 м. Вход в крепость, находившийся в западной стене, имел ширину 3 м. Размер площадки, защищенной стеной, 95×50 м. Крепость была сооружена в XV в.[49]

Чоргунский (Бибиковский) исар. Замок этот находится на одноименной вершине (один из отрогов массива Чирка-Каясы), которая соединяется с соседней вершиной узкой седловиной, по которой идет средневековая дорога в замок. В некоторых местах она прекрасно сохранилась, кое-где прослеживаются остатки крипид. Также остатки дороги были выявлены на западном склоне г. Чирка-Каясы, которая соединяла с. Черноречье с крепостью[50].

Впервые археологическое обследование замка было произведено С.Н. Бибиковым и А.К. Тахтаем в 1938 г.[51] Он имел площадь около 0,2 га, окруженную стеной и естественными обрывами. Стена толщиной 1,8—2,2 м и сохранившаяся на высоту около 3,5 м, образует дугу протяженностью около 130 м. В средней части дуги находились ворота под защитой башни. Оборонительная стена исара сложена из необработанных камней, ровными гранями наружу, в основании более крупных. Камни положены на известковом растворе с примесью мелкого галечника. Внутри укрепления заметны остатки прямоугольных строений, сложенных из грубо обработанных камней на извести с примесью речной гальки и крупного песка, большая часть строений примыкала к внутренней стороне куртин. Найдены обломки пифосов, амфор с рифлением, поливной керамики — все это датируется XIV—XV вв. Предположительное время гибели замка 1475 год[52].

Исарчик (Сарджик). Находится в юго-восточной части каньона реки Черной, на ее левом берегу. Вероятно, он являлся центром большой феодальной вотчины, одновременно играя роль центра организации обороны этого пограничного удела.

Замок занимает вершину скального мыса, ограниченного с трех сторон обрывами. Доступ возможен лишь с запада, где площадку мыса прикрывала линия оборонительной стены протяженностью около 160 м с тремя прямоугольными башнями размером 6×4 и 6×8 м. Боевая стена сложена из необработанных камней на известковом растворе. Толщина стены до 1,5 м. Стена местами сохранилась на высоту до 2 м. Кое-где по кромке обрывов поставлены небольшие стены-парапеты, сложенные на известковом растворе, для защиты расселин и мест где можно было легко подняться на плато.

Ворота в крепость находились под защитой большой прямоугольной башни, находящейся на юго-восточном фланге обороны, ее размеры 3,5×4,25 м. Ширина ворот 2,5 м. Башни находились на расстоянии 30—60 м. Площадь замка до 1,25 га. На территории замка видны следы каменных построек, сложенных из бута на известковом растворе. На

---

[49] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X—XV вв. К., 1991. С. 137.

[50] *Савеля О.Я.* Работы Севастопольской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980. С. 334.

[51] *Мыц В.Л.* К 100-летию со дня рождения С.Н. Бибикова. Штрихи к портрету: взгляд в прошлое // Археологический альманах. 2009. № 20. С. 12.

[52] [*Келлер К.Э.*] Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // ЗООИД. 1872. Т.VIII. С. 388; *Бибиков С.Н.* Средневековое укрепление Исар близь села Чоргунь // КСИИМК. 1939. Т. II. С. 30—32.

поверхности встречается значительное количество керамики XII—XV веков, в том числе, характерные для XIV—XV веков обломки поливной посуды. В замке находился небольшой храм. На его руинах большое количество обломков кровельной черепицы и туфовые блоки. Впереди замка на расстоянии 60 м находятся остатки большой постройки, на вырубках в скале[53].

Первые упоминания о замке оставил П.И. Кеппен, который обследовал его и составил план. Он предположил, что укрепление носило характер наблюдательного пункта[54]. В.Х. Кондараки опровергал предположение П.И. Кеппена, утверждая, что укрепление служило убежищем для населения окрестных поселений, находившихся между Исарчиком и горой Асаране-Бурун. Также исследователь привел описание урочища Хараджа-пул или Кара-Джапул, в котором он отмечал множество одичавших деревьев и несколько очень старых грецких орехов, которые не встречаются в диком виде в Крыму[55].

В 1935 году зачистки на Исарчике провел В.П. Бабенчиков. Поводом для этого послужило обнаружения «кладоискателями» в 1934 году круглого сооружения выложенного камнями, которое находилось в 75 м впереди от боевой стены. В результате зачистки был открыт круглый бассейн, диаметром 1,5 м и глубиной до 1 м. Его дно было утрамбовано глиной с мелким камнем. Стенки бассейна были сложены из подтесанных камней, внутри отштукатурены. Штукатурка состояла из извести с песком, толщиной около 0,05 м. восточная стена бассейна разрушена. Внутри бассейна на глубине 0,75 м были найдены фрагменты тонкостенного красноглиняного сосуда с орнаментацией, состоящей из параллельных линий[56].

Камара (Замок). Находится в 1 км к югу от с. Оборонное, на вершине скалистой возвышенности, называемой Хаос. Площадь размером 63×20 м с трех сторон (с запада, юга и востока) огорожена крепостными стенами толщиной 1,2—1,5 м, которые были сложены из слегка подтесанного местного мраморовидного известняка на известковом растворе. Стена практически везде была разобрана до основания, но кое-где сохранилась на высоту до 2,5 м. Замок имел две, квадратные в плане, башни. На юго-западном фланге обороны находится квадратная башня-донжон размером 7,5×7,5 м, на восточном – фланкирующий выступ. На территории замка видны следы построек. Около одной из башен намечается круглая горловина колодца или цистерны. Въезд в крепость, вероятно, находился в восточной стене. На самой верхней точке видны руины маленькой церкви, размером 3×6 м, стены которой сложены из бута на известковом растворе[57]. Существовал этот замок, судя по подъемному керамическому материалу (фрагменты черепиц и сосудов), в X—XV вв.[58]

Кала-Фатлар. Находится в 4 км к юго-западу от с. Резервное, у самого моря, на вершине скалы конической формы. Первым это укрепление обследовал С.Н. Бибиков в 1927

---

[53] *Репников Н.И.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // АЛОИА, ф. Р-10, оп. 1, д. 10, Л. 24; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 186. С. 21, 177; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X—XV вв… С. 138.

[54] *Кеппен П.И.* Крымский сборник… С. 244—245.

[55] *Кондараки В.Х.* Исарчик или Биюк-Мускомское древнее укрепление в Крыму // ЗООИД. 1867. T.VI. С. 519—523.

[56] *Бабенчиков В.П.* Балаклавский и Куйбашевский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941. С. 283—287.

[57] *Репников Н.И.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма… Л. 10; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X—XV вв… С. 140.

[58] *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма… С. 81.

г.[59] Оборонительные стены примыкали к скале, огораживая площадку размером 33×35 м. На восточном фланге обороны находилась башня, в настоящее время сильно разрушенная. Сохранилась она на высоту до 3 м. К югу от башни находился вход шириной 2,4 м. Стены сложены из крупного бута на песочно-известковом растворе. Их толщина 2,2—2,3 м. Перешеек шириной 135 м между крепостью и обрывом горного массива Кала-Фатлар был перегорожен стеной, сложенной также из бута на извести с песком. Толщина этой стены 2,2-2,4 м, она сохранилась на высоту 0,8—1 м. В стене крепости имелся проход, возле которого находятся руины двухкамерной постройки размером 9,1×3,5 м. На территории укрепления встречается поливная керамика XIII—XIV[60].

Замок Карань. Руины этой крепости находятся примерно в одном километре к юго-западу от селения Флотское.

Первый, кто упоминал об этом укреплении, был П.С. Паллас, который с марта по 18 июня 1784 г. путешествовал по Крымскому полуострову[61]. Он писал: «… угол берега с отвесными со стороны моря скалами, выделенный двумя глубокими короткими оврагами; один из них, особенно страшный, отделяет этот угол от мыса Айя-Бурун; плоская вершина этого берегового выступа, не более 11 саженей ширины и 15 длины, окружена толстой саженной стеной, идущей прямой линией сначала на SSO, по длине 7 саженей, затем к SO, под тупым углом, кончаясь в 4 саженях на краю большого оврага, где, по-видимому, существовала четырехугольная, в четыре аршина в квадрате, башня. С западной стороны видны только основания стены в 5 саженей, шедшей под прямым углом к большой стене по краю малого оврага; что касается других стен, то от них теперь ничего не видно, кроме нескольких тесаных камней, поставленных стоймя; угол, образуемый стенами от севера и запада, заключает постройку в 13 аршин квадратно, в которой по направлению двух стен еще видны тесаные камни, а от других двух остались только основания. Внутри ограды, вдоль северной стены, видны только широкие камни, уложенные в виде ступени, и ничего более». Исследователь предполагал, что это не могут быть остатки крепости из-за отсутствия воды[62]. Однако П.И. Кеппен утверждал, что это была именно крепость[63].

Весьма своеобразную трактовку данного укрепления предлагал Ф.К. Брун. Исследователь полагал, что это не что иное, как остатки Древнего Херсонеса[64], о котором упоминает еще Страбон[65].

В 1936 году В.П. Бабенчиков провел археологические разведки на этой высоте, которые дали следующую информацию. Крепостные стены ограждали участок размером 93×23 м. Стена, разрушенная до основания, но остатки ее все же прослеживаются. Стена, шириной 1,2 м, идет от западного края обрыва перпендикулярно к нему, на расстоянии 23 м, и примыкает к четырехугольной башни, размерами 5×4,47 м, толщина стен башни 1,45 м. Кладка стен состоит из кусков нетесаного мраморовидного известняка, сложенных на

---

[59] *Репников Н.И.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма… Л. 13.

[60] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X—XV вв… С. 140.

[61] *Маркевич А.И.* Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (К столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. Т. 47. С. 179.

[62] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах / пер. с немецкого. М., 1999. С. 42.

[63] *Кеппен П.И.* Крымский сборник… С. 227—228.

[64] *Брун Ф.К.* К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. I. Одесса, 1879. С. 63, 65.

[65] *Страбон* География / пер. с древнегреч. *Г.А. Стратановского*, под ред. *С.Л. Утченко*, *О.О. Крюгера*. М., 1964. VII, 4.2.

извести. С восточной и южной сторон башня была обнесена стеной. Участок занятый остатками построек был около 44 м^2. От восточной стороны участка идет южная стена укрепления на протяжении 74,1 м, где с внутренней стороны прослеживаются остатки еще одной башни. Параллельно южной стене, на расстоянии 7,5 м, тянется россыпь камня, в виде невысокого вала. В.П. Бабенчиков предполагал, что это остатки второй стены. В восточной части этой россыпи, где она становится шире, встречается значительное количество фрагментов византийской керамики. Исследователь отмечал, что кладка стен напоминает кладку генуэзских построек[66].

Интересен тот факт, что В.Л. Мыц в своей монографии посвященной укреплениям Таврики X—XV вв. ни разу не упоминает об этом фортификационном сооружении[67].

Отдельное внимание следует уделить замку **Кокия-Исар**, который располагается на вершине мыса Ай-Бурун. Хотя эта крепость и не находилась непосредственно на границе Феодоро и консульства Чембало, все же она выполняла определенную роль в системе укреплений юго-западных границ этого государства. С него могло вестись наблюдение за передвижением генуэзских кораблей между Чембало и другими колониями, и в случае чего предупредить о приближающейся опасности.

Первым это укрепление исследовал П.И. Кеппен в 30-х г. XIX в. Ученый писал: «расположенная тут, в длину на 93 шага, оборонительная линия была протянута от NNW к SSO, в виде простой стены, кладеной на известке в 5 четвертей толщины, а наружу выдавалась четвероугольная башня, длиною в 9, а шириною в 6 шагов, служившая для прикрытия 4-аршинного входа, который находился между этою башнею и обрывистым краем горы. Пространство за стеной было не мало, потому что от одного края стены до другого, обходя мыс, не менее 470 шагов. Стена местами уцелела вышиною снаружи на два, а с внутренней стороны аршина на 4 или 5»[68].

Интересные сведения о Кокия-Исаре оставил Ф. Дюбуа де Монпере, побывавший здесь в 1834 г. «Взобравшись на вершину, я подошел к крепости, огражденной стеной мраморовидного известняка и песчаника, связанных известью, высотой около двух туазов. В поисках входа я обошел ее вокруг, в восточном направлении, где нашел вход в 8 футов шириной, расположенный между краем отвесной скалы и прямоугольной башней длинной 9 шагов, шириной 6. Стены в ее средней части подпирало извне полукруглое сооружение. Длина всей стены от одного обрыва до другого составляла около 470 шагов. Я нашел в этой стене еще сохранившиеся остатки балок, а это доказывает, что крепость, называемая татарами Кокия-Исар, заброшена не слишком давно. Внутри крепость образует неправильный треугольник, основанием которого служит стена; в самом дальнем конце я посетил церковь, сложенную на извести, и около нее – квадратное отверстие, высеченное в скале, которое должно было вести к морю. Оно загромождено камнями, и его нынешняя глубина составляет, пожалуй, 12—15 футов. В остальном внутри крепостной ограды мало следов жилья»[69].

Размер территории защищенной крепостными стенами 110×70 м, площадь укрепления 0,58 га. С восточной стороны крепостную площадку отгораживает оборонительная стена длиной около 52 м. Сложена стена из местного слегка притесанного бута на известково-

[66] *Бабенчиков В.П.* Балаклавский и Куйбашевский район… С. 287.
[67] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X—XV вв.
[68] *Кеппен П.И.* Крымский сборник… С. 208—210.
[69] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым… С. 194—195.

песочном растворе. При обследовании крепости В.П. Бабенчиковым в 1927 г. стены сохранялись на высоту 4 м. Толщина стен у основания 1,4—1,6 м, к верху стена сужается до 1,1—1,2 м. Северный и южный фланги замыкали прямоугольные башни. Расстояние между ними 30 м. Южная башня могла играть роль донжона (6,5×8 м). Кое-где по кромке южного обрыва сохранились стены-парапеты, общей протяженностью около 35 м. С внутренней стороны к крепостной стене примыкали различные постройки. На западной оконечности мыса находятся остатки небольшого одноапсидного храма, сложенного из бута на известковом растворе. Время существования этого замка XIII—XV вв.[70]

Помимо того, что этот замок являлся резиденцией феодала и наблюдательным пунктом, он выполнял и охранную функцию. Он господствовал над двумя группами мелких земледельческих усадеб, разбросанных по тесной долине без видимого порядка[71]. А.В. Иванов, опираясь на сведения К.Э. Келлера и П.И. Кеппена и картографический материал архива Национального заповедника Херсонес Таврический полагал, что в этой крепости мог находиться маяк, который входил в цепь навигационных объектов юго-западной Таврики[72].

Особый интерес представляет так называемая **Чоргунская башня**, находящаяся на территории с. Черноречья, о которой следует сказать подробнее. Этот памятник исследован очень слабо, археологические раскопки почти не проводились ни в самой башне, ни по соседству. Только в 1889 г. Ф.Ф. Лашков частично зачистил линию керамического трубопровода, который питал водой с ближайшей к северу возвышенности, цистерну в башне[73]. В связи с этим, гипотезы о времени сооружения башни основываются на результатах визуального осмотра и обмеров архитектурных деталей.

Первой следует рассмотреть гипотезу, которая своими корнями восходит к местной легенде, повествующая о том, что башня была сооружена турецким феодалом. Еще в 1855 г. британский военный художник и корреспондент У. Симпсон, побывавший в Чоргуне и опираясь, по всей видимости, на эту легенду, заключил — Чоргунская башня была построена как убежище для жителей этого села в те времена, когда Черное море «кишело корсарами», которые вторгались с побережья и грабили «мирные долины Крыма»[74]. Однако, тем самым повторив вывод, сделанный английским путешественником Э.Д. Кларком, который посетил Чоргунь в 1800 г.[75]

---

[70] [*Келлер К.Э.*] Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г… С. 388; *Эрнст Н.Л.* Историко-археологические памятники Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Симферополь, 1935. С. 430; *Репников Н.И.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма… Л. 12; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X-XV вв… С. 140—141.

[71] *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. К., 1974. С. 19.

[72] *Иванов А.В.* Два плана крепости Кок-Кия исар из архива Херсонесского заповедника (к истории археологического изучения крымских исаров) // Арсений Иванович Маркевич. I Таврические международные научные чтения. Симферополь, 2000. С. 16—20; *Иванов А.В.* Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 230—231.

[73] Отчет о деятельности Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1890 год // ИТУАК. 1891. Т. 12. С. 112.

[74] *Simpson W.*, *Brackenbury G.* The seat of war in the East, from eighty-one drawings made during the war in the Crimea. London, 1902. P. 184—185.

[75] *Clarke E.D.* Travels in Russia, Tartary, and Turkey. London, 1848. P. 316.

Турецкой башню считал К.Э. Келлер[76], на ряду с этим приводя «оригинальную» гипотезу Н.Н. Мурзакевича о том, что эта «постройка чисто новогреческая, сооруженная архипелажскими выходцами (Албанское войско — *Е. Н.*) для отражения татарских набегов»[77]. Позднее Н.В. Рухлов также высказал довольно своеобразную гипотезу о том, что, возможно, Чоргунская башня «служила в свое время водопроводным сооружением»[78].

Точки зрения о турецком происхождении башни придерживался и В.Х. Кондараки[79]. Исследователь предполагал, что она «служила прикрытием для турецкого гарнизона, имеющего надзор за Инкерманом и Севастопольскою бухтою». Также В.Х. Кондараки привел легенду, услышанную от местного населения о том, что башня была сооружена турецким пашой «чтобы предоставить возможность жителям укрываться в ней от Черкезского племени Чавка, делающего набеги со стороны южного берега»[80]. Возможно, одну из интерпретаций этого предания приводит и побывавший в Черноречье в 1833 г. Ш. Монтандон, которое гласит, что башня «была воздвигнута по приказу турецкого паши, который неподалеку устраивал свою резиденцию»[81].

Следующим, кто был сторонником данной гипотезы и развил ее на научном уровне, был А.Л. Бертье-Делагард. Он предполагал, что башня была частью жилья турецкого или татарского вельможи, служившей укрытием для обитателей дома, частью которого она являлась и «никакого боевого значения не имела». Время строительства башни ученый относил к XVI—XVII вв.[82] Также перу исследователя принадлежит первое подробное описание этого архитектурного памятника, на основании которого, и более поздних обследований, представляется возможным дать довольно подробное ее описание. Башня сохранилась на высоту 22 м. Снаружи она двенадцатигранная (ширина каждой грани ок. 3,7 м), а внутри круглая. Внешний диаметр 12,50—14,0 м. Толщина стен 2,85—3,65 м. Башня трехэтажная с открытой боевой площадкой наверху. В ее основании (на уровне цоколя) находится цистерна для воды, выложенная из песчаника и оштукатуренная цемянковым раствором. В восточной и северной гранях нижнего этажа находятся две амбразуры подножного боя. Во втором этаже также помещались 2 бойницы, а на третьем – уже 6 окон-бойниц. Здесь же устроены ниши для шкафчиков, камин и каменная лестница, которая вела на верхнюю площадку башни. Стены сооружены из бута на известковом растворе в ленточной технике, а углы, откосы, окна, камин, ниши, амбразуры, ступени отделаны тесаным камнем. Этажи разделялись перекрытиями в виде деревянных балок с настилом поверх них. Сообщение между первым и вторым этажами осуществлялось по деревянным лестницам. Третий этаж был перекрыт стрельчатым куполом, выложенным из плинфы.

---

[76] [*Келлер К.Э.*] Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г… С. 374, 380.

[77] Там же. С. 380.

[78] *Рухлов Н.В.* Обзор речных долин горной части Крыма. Пг., 1915. С. 337.

[79] *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма. Топографический обзор полуострова. М., 1883. С. 123; *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М., 1883. Отд. I. Историческая судьба Крымских городов. С. 184.

[80] *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873. Ч. I. С. 116; *Кондараки В.Х.* Новый, обстоятельный путеводитель по Крыму с 65 политипажами. М., 1885. С. 81.

[81] *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами, и виньетками и предваренный введением о разных способах проезда из Одессы в Крым / пер. с. франц. К., 2011. С. 166.

[82] *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма… С. 250—251.

Верхняя площадка башни ограждалась парапетом с мерлонами[83], стоящим на каменных навесных кронштейнах[84].

Мнение А.Л. Бертье-Делагарда, который являлся специалистом в области фортификации, вошло в отечественную научную и научно-популярную литературу. Этой же гипотезы придерживался и Н.И. Репников[85] и Д.Л. Талис[86]. Однако, «турецкая» гипотеза имеет ряд уязвимых мест. Во-первых, наличие машикулей на навесных кронштейнах указывает на время, когда штурмовая артиллерия еще не получила широкого распространения, так как машикули такой конструкции легко разрушались орудийными выстрелами. Во-вторых, толщина стен башни составляет от 2,8 до 3,6 м, что не характерно для сооружения, не имевшего боевого значения[87]. В-третьих, следует заметить то, что вход в башню находился на уровне второго этажа. Еще в начале XX в. А.И. Маркевич отмечал частичное разрушение арки входной двери и обвал в этом месте кладки[88]. Вполне вероятно, что на этом месте когда-то могла находиться архитравная плита со строительной надписью, которая не сохранилась. В-четвертых, турецкий путешественник Эвлия Челеби ибн Мехмед Зилли Дервиш, побывавший в этом селении в 1666 г., в своих подорожных записках отмечал, что: «перед домами … Мустафы-аги и также Ахмеда-аги, у которых мы гостили, есть большая башня с железными воротами и подъемным мостом»[89].

Из данного сообщения следует, что путешественник уже в это время не видел строительной надписи и не получал от местных жителей никакой информации о времени сооружения башни. В данном случае следует обратиться к более ранним данным османских дефтеров, в которых значится, что в 1520 г. в Чиргоне проживало 25 православных греческих семей (153 чел.) и 6 семей мусульман (30 чел.), в 1542 г. соответственно жило 25 семей православных и 6 холостяков (145 чел.), а также 8 мусульманских семей и 4 холостяка (40 чел.). По переписи 1634 г. оставалось 10 домов, принадлежащих грекам, а остальные жители исповедовали ислам[90]. Вполне вероятно, греки — являясь носителями памяти об истории этого селения еще с дотурецких времен, могли что-либо знать об этом сооружении, даже если информация была в виде преданий, но уже в 1652 г. православного населения среди жителей села не фиксируется[91]. Вероятнее всего, если бы башня была построена турками, Эвлия Челеби упомянул бы это, как он говорит о сооружении четырехпролетного моста через р. Казыклы-озен (р. Черная), на котором сохранилась строительная надпись, гласящая о том, что он построен в 1657/58 г. Сефиром Гази-агой — визирем Мухаммеда IV Гирая

---

[83] Они выступают на 0,6 м; в каждой гране по 5-6 шт. мерлонов.

[84] Там же. С. 248—249; *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. С. 203.

[85] Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма… Л. 26—27.

[86] *Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 94.

[87] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 203.

[88] Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии в 1911 году // ИТУАК. 1912. Т. 47. С. 36.

[89] *Эвлия Челеби* Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / пер. *Е.В. Бахревского*. Симферополь, 2008. С. 75.

[90] *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations // HUS. 1979-1980. Vol. III/IV. P. 220—221; *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // HUS. 1981. Vol. V. № 2. P. 154, 164.

[91] *Ефимов А.В.* Из османской налоговой ведомости. XVII век // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник / под ред. В.В. Харабуга. Симферополь, 2000. С. 283—290.

(1051—1054, 1064—1076 гг. х., 1641—1644, 1654—1666 гг. н.э.) и Ислама III Гирая[92] (1054—1064 гг. х., 1644—1654 гг. н.э.).

О.Я. Савеля, опираясь на вышеупомянутое сообщение Э. Челеби, полагал, что Чоргунская башня входила в единый архитектурный комплекс вместе с дворцом, который был разобран в конце XIX в. По мнению автора, башня, носившая дворцовый характер, была возведена в 20-е гг. XVII в. в качестве убежища от нападения казаков. Также исследователь говорил о существовании еще одной синхронной башни, которая не сохранилась до настоящего времени[93;94].

Следующая, рассматриваемая гипотеза возникновения башни – генуэзская. П.С. Паллас сомневался в правдоподобности легенды о том, что башню построил турецкий паша, говоря «что это — скорее работа корсунских греков или генуэзцев». Он относил время постройки башни к XIV-XV векам[95]. Этой же точки зрения придерживался и Л.А. Маджиоротти[96]. В поддержку этой гипотезы выступает тот факт, что верхняя площадка башни ограждалась парапетом с мерлонами, стоящим на каменных навесных кронштейнах, что вполне определенно говорит о существовании машикулей[97]. В свою очередь, машикули на навесных кронштейнах сооружались в Крыму только западноевропейскими фортификаторами[98].

При рассмотрении данной гипотезы определенный интерес представляет вопрос о водоснабжении Чоргунской башни, ранее не заслуживший должного внимания исследователей. Ведь сооружение специального резервуара для хранения стратегического запаса воды и системы водоснабжения для ее бесперебойной поставки в крепость, и в частности в донжон, играло важную роль в обороноспособности крепости. Повсеместно в Таврике такую систему применяли и генуэзцы.

В основании Чоргунской башни находится цистерна для воды, выложенная из песчаника и отштукатуренная цемянковым раствором, которая занимает весь ее цоколь[99].

---

[92] *Эвлия Челеби* Книга путешествия… С. 75.

[93] К выводу, о том что в Чоргуне было две башни автор, пришел основываясь на русском переводе (в то время еще не опубликованном) польского издания 1969 г. (См.: Ksiega podrózy Ewliji Czelebiego: (wybór) / tlumaczyli z jezyka tureckiego *Zygmunt Abrahamowicz*, *Aleksander Dubinski*, *Stanislawa Plaskowicka-Rymkiewicz*; redakcja naukowa, wybór, slowo wstepne i komentarze, *Zygmunt Abrahamowicz*; Szkic o Ewliji Czelebim i jego dziele, *Jan Reychman*. Warszawa, 1969), которое содержит ряд неточностей. В данном случае в его тексте сказано: «перед домами Мустафа-аги из Чоргуна, который нас там принимал, а также Ахмед-аги, возвышаются две большие башни с железными воротами и подъемными мостами», однако перевод списка наиболее близкого к первоначальному, а возможно даже автограф самого Эвлии Челеби, гласит: «перед домами жителей Чоргане Мустафы-аги и также Ахмеда-аги, у которых мы гостили, есть большая башня с железными воротами и подъемным мостом» (См.: *Эвлия Челеби* Книга путешествия… С. 75).

[94] *Савеля О.Я.* Чоргунская башня — памятник истории казачества в Крыму? // 350-летие Азовского осадного сидения. Тезисы докладов конференции. Азов, 1991. С. 41—42.

[95] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах / пер. с немецкого. М.: Наука, 1999. С. 56.

[96] *Maggiorotti L.A.* Architetti e architetture militari // L'opera del genio italiano all'estero (Media Evo). 1933. Vol. I. Serie IV. Gli architetti militari. P. 312.

[97] Машикули — навесные бойницы, создававшиеся путем образования у брустверной стенки свесов. Сооружались они для ликвидации «мертвого» пространства ее эспланады (См.: *Яковлев В.В.* История крепостей. М. — СПб., 2000. С. 15).

[98] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 203.

[99] *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма… С. 248.

Водой цистерну питал керамический трубопровод с ближайшей к северу возвышенности[100]. Аналогичная система хранения стратегического запаса воды устраивалась во всех донжонах крепостей лигурийцев в Таврике, как небольших (например, донжон феодального замка частной лигурийской сеньории Тасили, принадлежавший роду Гваско[101]), так и мощных крепостей (донжон консульского замка[102] и верхней цитадели города Чембало[103]). Система водоснабжения Чоргунской башни вообще аналогична системе снабжения Чембало, где родник снабжавший крепость находился в верховьях балки Кефало-Вриси, значительно выше уровня крепости, что обеспечивало высокое давление воды в трубе[104].

Отдельно следует сказать и о системе отопления Чоргунской башни. Для обогрева этого фортификационного сооружения в холодное время года использовали камины, которые располагались на втором и третьем этаже[105]. Камины представляют собой простейшие печи с открытой топкой в виде ниши и прямым дымоходом (без оборотов), их теплоотдача была очень низкой (10—20%)[106]. Такое устройство отопительной системы было очень характерно для западноевропейских донжонов[107]. Подобные системы обогрева сохранились в Таврике только на лигурийских памятниках[108]. В частности, такими каминами были оборудованы донжон верхней цитадели Чембало[109], Чобан-Куле (Тасили)[110], донжон консульского замка в Солдайе[111].

---

[100] Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии: 5 сентября, 1 ноября и 13 декабря 1890 года // ИТУАК. 1891. Т. 11. С. 156; Отчет о деятельности Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1890 год // ИТУАК. 1891. Т. 12. С. 112.

[101] *Мыц В.Л.*, *Кирилко В.П.*, *Лысенко А.В.*, *Татарцев С.В.*, *Тесленко И.Б.* Исследования средневекового укрепления Чобан-Куле // АИК. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 206; *Кирилко В.П.*, *Мыц В.Л.* Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992—1993 гг.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). К., 2004. С. 206.

[102] *Аркас З.А.* Описание Ираклейского полуострова и древностей его // ЗООИД. 1848. Т. II. С. 265.

[103] *Веймарн Е.В.* Балаклава (Экскурсионный очерк) // Крым. 1929. № 10. С. 63; *Столяренко Е.Н.* Об организации водоснабжения и канализации генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.) // Материалы X Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2011 года и X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011» / под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина и др. Севастополь, 2011. С. 99—100.

[104] *Юргевич В.Н.* Донесение о поездки в Крым в 1861 г. // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 980; *Столяренко Е.Н.* Об организации водоснабжения и канализации консульского замка и припортового района крепости Чембало в XIV—XV вв. // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции. Харьков, 28— 29 октября 2010 г. Харьков, 2010. С. 91.

[105] *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма… С. 248.

[106] *Шепелев А.М.* Кладка печей своими руками. М., 1983. С. 193.

[107] *Шаузи О.* История архитектуры / пер. с французского *Е.Г. Денисовой*. М., 1937. Т. 2. С. 482—483.

[108] В некотором роде исключение составляет феодоритская крепость Фуна, при раскопках донжона которой, были обнаружены фрагменты двух одинаковых керамических труб (их размеры: длинна — ок. 50 см, диаметр — 14—18 см). Данное обстоятельство позволило предположить, что донжон Фуны был оборудован камином, так как подобные керамические изделия нередко применялись в качестве оголовка для завершения дымоходных каналов в выведенных на крышу печных труб (См.: *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.). К., 2005. С. 218).

[109] *Иванов А.В.* Материалы к реконструкции донжона генуэзской крепости Чембало // *Адаксина С.Б.*, *Кирилко В.П.*, *Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году. СПб.— Симферополь, 2006. С. 60, рис. 10.

Эту гипотезу развивает в своих трудах и В.Л. Мыц, предполагая, что более вероятным временем сооружения башни является хронологический промежуток 1434—1441 гг., когда генуэзцы владели Каламитой, а причиной строительства было желание обезопасить свои владения от дальнейших нападений правителей Феодоро[112]. Но сам автор указывает, что «генуэзская» трактовка имеет ряд уязвимых мест.

Также против «генуэзской» трактовки выступает то обстоятельство, что при строительстве башни использовалась мера длины, соответствующая венецианскому браччо[113]. Необычен и тот факт, что башня находится в пойме реки, которая окружена горами, более удобными в стратегическом плане для сооружения укрепления. Лигурийцам, у которых образ восприятия ландшафта и пространственно-визуальный образ окружающего мира родного города сформировал особый строительный менталитет, которому было присуще ощущение «господства» и «высоты», не характерен для расположения данного сооружения[114].

Следует также упомянуть, что после окончания войны между Каффой и Феодоро и подписания мира в конце ноября 1441 гг. Каламита и все захваченные генуэзцами земли были возвращены Алексею I[115]. Да и сама башня находилась на феодоритском берегу р. Черной.

Третья основная гипотеза появления башни — феодоритская. Еще в 1837 г. П.И. Кеппен предположил, что Чоргунская башня является составной частью цепи укреплений для защиты дорог на Яйлу и Южный берег Крыма. Однако он говорил, что неизвестно кто и когда ее построил[116]. А.Я. Фабр также не решился определить, кто построил башню, но утверждал, что она была сооружена для защиты дороги на Южный берег Крыма[117]. Е.Л. Марков предполагал, что Чоргунская башня являлась составной частью системы замков и крепостей, построенных для защиты северных границ Готии[118].

Вполне вероятно, что это укрепление было возведено Алексеем I, который стремился укрепить границы в условиях сложной военно-политической обстановки 30—40-х гг. XV в. Тем более что здесь проходила самая короткая и удобная дорога от столицы Феодоро к морю (отсюда до Феодоро 12 км, а до Чембало — 8 км). Возможно, в этом Алексею I могли оказать помощь его союзники – венецианцы. На активизацию отношений Феодоро и Республики Св. Марка в 30-х гг. XV в., косвенно может указывать решение венецианского сената от 1 июня 1432 г. о маршруте движения и дате отправки галей линии Романии: они должны 25 июня выйти из Венеции, для того чтобы воспользовавшись хорошей погодой, достичь Таны и

---

[110] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 246.

[111] *Секиринский С.А.*, *Волобуев О.В.*, *Когонашвили К.К.* Крепость в Судаке. Симферополь, 1983. С. 79; *Опочинская А.И.* Судакская крепость // АН. 1986. № 34. С. 259, рис. 6.

[112] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 203.

[113] 1 браччо — 0,683 м (См.: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 334).

[114] *Климанов Л.Г.* Донжон и Кампанила: Forma urbis, урбанистическое сознание и освоение Венецией и Генуей Крыма // Античный и средневековый город: Тез. докл. VII Сюзюмовских чтений. Севастополь, 25 августа — 4 сентября 1994 г. Екатеринбург-Севастополь, 1994. С. 47—48.

[115] *Мыц В.Л.* Война 1433-1441 гг. между Каффой и Феодоро // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 355.

[116] *Кеппен П.И.* Крымский сборник… С. 243-244.

[117] *Фабр А.Я.* О древних нагорных укреплениях в Крыму // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 240.

[118] *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. СПб., 1872. С. 483—484.

«выяснить, что собирается предпринять господин Алексей, господин Готии, в пользу нашего государства»[119].

Также в пользу феодоритской гипотезы свидетельствует то обстоятельство, что типологически Чоргунской башни близка «венецианская башня» в Солониках[120], и сложность крепостной структуры и подчеркнутая парадность архитектуры этого массивного сооружения, которые были присущи замкам княжества Феодоро[121].

В данном случае стоит вернуться к тезису, выдвинутому В.Л. Мыцом[122], а в последствии поддержанному В.П. Кирилко[123] и С.Г. Бочаровым[124] о существовании в оборонительном зодчестве Таврики XIV—XV вв. двух школ — провинциально-византийской и северо-итальянской. Одна из основных особенностей этих строительных школ – различные подходы к решению объемно-планировочных структур укреплений. Для провинциально-византийской школы характерно максимальное использование особенностей горного рельефа местности. Укрепления располагались на вершинах скал, либо горных мысов, с двух или трех сторон доступ на эти возвышенности преграждали труднопреодолимые склоны, а незначительное доступное пространство преграждали крепостной стеной с одной или несколькими башнями. Большая часть территории оставалась неукрепленной, иногда вдоль обрывов строили парапет[125]. Эти особенности приемов строительства характерны для всех вышеупомянутых фортификационных объектов княжества Феодоро в юго-западной Таврике.

Для северо-итальянской школы характерно приморское расположение укреплений. Причем предпочтение отдавалось слабым, с точки зрения естественных оборонительных возможностей, объектам (мысам, приморским возвышенностям). Сооружались сильные законченные замки, в которых весь периметр был защищен стенами, архитектурные формы имели более стройные пропорции, использовались машикули и аркатурные пояса[126].

В архитектуре же Чоргунской башни прослеживается наличие набора характерных признаков обеих строительных школ и их симбиоз, что сформировало особую архитектонику этого фортификационного сооружения. На наш взгляд, наличие именно венецианских особенностей в архитектуре башни о которых говорилось выше, а также общая политическая

---

[119] *Jorga N.* Notes et extraite pour servir a l'histoire des croisades au XV siedes // ROL. 1898. T. VI. P. 116.

[120] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 207.

[121] *Кирилко В.П.* Крепость Фуна в системе укреплений горного Крыма XIV-XV вв. // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения профессора М. Я. Сюзюмова. 21—23 сентября 1993 г. Екатеринбург, 1993. С. 14.

[122] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X—XV вв… С. 67—68.

[123] *Кирилко В.П.* Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV—XV вв.) // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 299.

[124] *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV—XV вв. // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). К., 2004. С. 189; *Бочаров С.Г.* Предварительные итоги археологического изучения средневекового укрепления Учансу-Исар // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Материалы 11-го заседания Совместных комиссий по истории, археологии, этнографии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии / под ред. С.Г. Бочарова, В. Кожокару. Симферополь, 2009. С. 122—123.

[125] *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV—XV вв… С. 189—190.

[126] Там же. С. 198—190; *Кирилко В.П.* Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV—XV вв.)… С. 299.

ситуация в данный период, позволяет предположить, что данный фортификационный объект был сооружен феодоритами совместно с венецианскими мастерами.

Подводя итог вышеизложенного, следует сказать, что окончательный ответ на поставленный вопрос могут дать только археологические исследования башни и соседнего с ней пространства. В этом смысле как нельзя лучше подходит вывод, сделанный А.Л. Бертье-Делагардом при подведении итогов исследований истории средневековой Таврики: «Понадобится не мало исследований по совершенно частным и мелочным вопросам; еще более окажется необходимым проверить уже решенное, причем не мало высказанного, как простая догадка, но от частого повторения кажущегося истиною, будет отвергнуто; едвали многое уцелеет из положений, ныне признаваемых несомненными, но загромождающих лишь путь дальнейшему исследованию»[127]. Тогда возможно это «таинственное»[128] сооружение начнет открывать свои секреты.

Однако не меньший интерес представляет **феодоритское укрепление в Херсоне**. Вообще постановке вопроса о существовании замка правителей Готии на территории «умирающего» в XV в. Херсона послужила находка плиты с частично сохранившейся греческой надписью «Βαλλόμενον τὸ κάστρον τῖς Χερσονίας» и тремя монограммами. Эта плита была обнаружена при разборе в конце XVIII в. угловой башни средневековой цитадели города («башни Зенона»), вместе со строительной надписью императора Зенона 488 г. Впервые об этой надписи сообщает П.С. Паллас говоря, что «нашел только прекрасную надпись на белом мраморе у моего друга Габлица, сохранившего ее». Исследователь считал что, «она относится к исправлениям, сделанным в крепости в царствование императора Зенона и была, по-видимому, вделана в одну из башен»[129].

Позднее об этом эпиграфическом памятнике говорит В.В. Латышев, предполагая, что это лишь часть надписи, которая располагалась на нескольких плитах[130]. Н.В. Малицкий полагал, что эта надпись как-то связана с общей политической деятельностью Алексея и его попытками утвердиться на крымском «поморье»[131]. Этой точки зрения придерживался и А.А. Васильев[132]. А.Л. Якобсон сделал осторожную попытку прочтения на крайней левой монограмме имени «ICAAK»[133].

Свою трактовку содержаний монограмм предложил В.А. Сидоренко. Он считал, что здесь «находятся изображения трех деспотов: Исаака (мангупского князя, правившего с 1470 по 1475 гг., брата Алексея), Менгли Гирея (сына Хаджи Гирея и его приемника с 1476 по 1515 гг.) и некого Михаила Дуки, представителя знатного византийского рода, надо полагать, владетеля данной крепости в период с 1470 по 1475 гг.»[134]. Большинство

---

[127] *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие. Одесса: Типография С. Мерка, 1907. С. 3.

[128] *Сосногорова М.А.* Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1874. С. 243; *Крикун Е.В.* Архитектурные памятники Крыма. Симферополь, 1977. С. 29.

[129] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах… С. 47, 217.

[130] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России… С. 19—20.

[131] *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа… С. 37.

[132] *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea… P. 217.

[133] *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. С. 44.

[134] *Сидоренко В.А.* Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 159.

положений данной гипотезы подвергли критике В.П. Кирилко[135] и В.Л. Мыц. Последний высказал предположение, что центральная монограмма содержит имя «Мануил», а крайняя правая — имя «Макарий», однако говоря, что эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке и подтверждении сведениями других источников[136].

А.Ю. Виноградов датировал текст вышеупомянутой плиты периодом с 1446 по 1459 гг. и считал, что помимо имени «Исаак» (левая монограмма) на ней было помещено имя «Мануил» (правая монограмма) и несохранившееся христианское имя феодоритского господаря Олобо[137]. М.М. Чореф предложил следующую схему прочтения аббревиатур монограмм: левая — «Исаак», правая — «Мехлиседек» и центральная — «Мина»[138].

Еще одним важным эпиграфическим памятником, остававшимся долгое время вне поля зрения исследователей, является строительная надпись феодоритского князя Исаака 1462 или 1472 г. Плита с этой надписью была обнаружена в ходе археологических раскопок К.К. Косцюшко-Валюжиничем оборонительных сооружений цитадели Херсонеса в 1899 г.[139] Однако надпись на плите осталась без чтения. Опубликовавший надпись А.Ю. Виноградов, дал следующий перевод: «Обновлена от оснований богохранимая крепость (?) и другие укрепления (?) Херсонии (?) … вместе с прочими (?), во дни (?) Исаака, властителя города Феодоро и поморья, 11 марта, в … индикт, в 6[970] (или: 6[980]) году…»[140].

С середины XV в. жизнь в некогда величественном Херсоне постепенно замирает. В документе, датированном 1381 г. город, который уже принадлежал генуэзцам, назван крепостью[141]. Устав 1449 г. еще фиксирует в городе должность консула, который должен уплатить попечительскому комитету 4 сомна за вступления в должность[142]. Это сумма меньше чем взнос консула Каффы только наполовину, что обусловлено было, вероятно, меньшими возможностями получения доходов от должности, но в то же время показывает, что они достаточно велики[143].

Генуэзские документы начала 70-х гг. XV в., посвященные разрешению проблемы необходимости разрушения стен покинутых жителями городов для недопущения захвата их турками, уже характеризуют Херсон как необитаемое место. Так в документе от 21 января 1471 г., который являлся ответом Протекторов и Совета Банка Св. Георгия (Сан-Джорджо) официалам Каффы, говорится: «Мы рассмотрели вопрос, о котором вы нам писали по поводу того, чтобы лучше разрушить [стены] Воспоро, чем Ихерезонде (Iherezonde). В настоящее время относительно этого дела, кажется, ничего другого не следует сказать кроме того, что

---

[135] *Кирилко В.П.* Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum plus. 1999. № 6. С. 138.

[136] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 361.

[137] *Виноградов А.Ю.* Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. 2010. Вып. IV. С. 219—220.

[138] *Чореф М.М.* «Lapis offensionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // Научные ведомости БелГУ: История, Политология, Экономика, Информатика. 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 51—52.

[139] *Косцюшко-Валюженич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИИАК. 1901. Т. 1. С. 40—41.

[140] *Виноградов А.Ю.* Строительные надписи византийского Крыма… С. 221—222, рис. 3.

[141] *Jorga N.* Notes et extraite pour servir a l'histoire des croisades au XV siedes // ROL. 1896. T. IV. P. 41; *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2. Византийский город. Тюмень, 2008. С. 436.

[142] Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г… С. 675.

[143] *Романчук А.И.* Материалы к истории Херсона (XIV—XV вв.) // АДСВ. 1982. Вып. 19. С. 91.

мы предоставляем решение его на ваше усмотрение, указывая, однако, что при таких разрушениях вам не следует нести никаких расходов, кроме разве что малых»[144]. Еще в одном документе, который датирован 16 июня 1472 г. и является инструкцией Протекторов направленной в Каффу с будущим консулом Антониотто ди Кабелла, сказано: «Многие напоминают о том, что было бы полезно разрушить башни и стены одного необитаемого места, называемого Ихерезонда (Iherezonda), другие же настаивали разрушить место, которое называется Воспоро (lo Vosporo), и [сделать] это в тех целях, чтобы турки не заняли какого-либо из этих мест. Поэтому желаем, дабы Вы совместно со своими советниками и другими лицами, умудренными в этих делах, указанные вопросы глубоко обсудили и по ним вынесли бы решение, которое Вашей Мудрости покажется наиболее полезным»[145].

Вполне вероятно, новая крепость могла находиться в портовом районе Херсона, на что, косвенно, указывает расположение вышеупомянутых плит, где правителям Феодоро вряд ли потребовались значительные работы для ремонта башен и стен цитадели в третей четверти XV в. Археологические раскопки, проводившиеся здесь И.А. Антоновой, выявили на участке главной улицы в верхнем слое стены небольшой прямоугольной постройки (3×3,5 м). Исследовательница датировала постройку по находкам поливной керамики XIV в[146]. Эта постройка была поставлена на мощном слое строительного мусора и камня от разрушения более ранних строений и перекрывала водосточный канал, проложенный поверх этого слоя. Этот дом стоял посредине бывшей главной улицы (via practoria), это в свою очередь указывает на то, что старая планировка цитадели в это время уже не существовала. И.А. Антонова полагала, что территория цитадели после катастрофического разрушения домов в XIII в., использовалась в качестве кладбища, рядом с которым, позднее, размещались единичные постройки[147]. Однако дальнейшие исследования подтвердили тот факт, что в XIII в. жизнь на территории цитадели не остановилась, она не превратилась лишь в кладбище с церковью («базилика Леонтия—Лаврентия»)[148].

Определенный интерес представляет то обстоятельство, что, возможно, солдаты феодоритского гарнизона, дислоцировавшегося на территории цитадели Херсона в качестве источника воды использовали старый, но действующий водопровод. Так в результате археологических исследований К.К. Косцюшко-Валюженича в конце XX в. были обнаружены две линии гончарных водопроводов, которые были проложены от Главных

---

[144] *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV) // ASLSP. 1879. Vol. VII. T. II. Par. I. P. 735; *Богданова Н.М.* Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. I. М., 1991. С. 98—99.

[145] Ibid. P. 872; Там же. С. 99.

[146] Датировка И.А. Антоновой археологического материала XIII-XIV вв. весьма условна. Позднее, при осмотре керамических изделий из верхнего слоя цитадели В.Л. Мыц обнаружил фрагменты поливных чаш и тарелок второй половины XV в. (См.: *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 362).

[147] *Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 31—33; *Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 23.

[148] *Сорочан С.Б.*, *Крупа Т.Н.*, *Зубарь В.М.*, *Иванов А.В.* Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории «цитадели» Херсонеса Таврического в 2004 г. // АДУ 2003—2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 284.

(Западных) городских ворот, через перебол, до башни XVI, где через стену под калиткой они шли на территорию цитадели[149].

В пользу того, что одна из линий этого водопровода еще могла действовать во второй половине XV в. свидетельствует тот факт, что побывавший на территории Херсона в 1578/79 г. М. Броневский сообщал, что «у самых стен города видны водопроводы, которые, за четыре мили посредством подземных труб, высеченных из камня, проводили воду в город; в них и теперь еще есть вода очень чистая»[150]. Также о надежности херсонских систем водоснабжения свидетельствует то обстоятельство, что в результате разведок 20-х г. XX в. было выявлено ряд действующих водопроводных магистралей[151]. В общем, в ходе исследований выявлено пять нитей водопроводов, которые доставляли воду в город из мощных источников, которые находились в верховьях балок Сарандинаки, Бермана, Хомутовой и Юхариной[152]. И все же следует сказать, что данная гипотеза нуждается в дальнейшей разработке и обосновании.

Эта крепость, в первую очередь, выполняла функцию защиты Севастопольской бухты[153] от блокирования ее генуэзцами, так как в ее верховьях (у устья р. Черной) находился главный торговый порт Феодоро — Каламита. Также в Карантинной бухте могли останавливаться торговые и военные суда феодоритов и их союзников. Владельцем этого замка в 1455—1464 гг. предположительно являлся Исаак, ставший затем (в 1464/65 гг.) правителем Феодоро[154].

Несколько слов стоит сказать о нескольких некоторых пунктах, находящихся неподалеку от Чембало, в рассматриваемый период. В начальный период владения генуэзцами Чембало, когда они укрепляли молодую колонию, в их владении, либо в определенной зависимости от их администрации, вероятно, была лишь ближайшая округа Чембало. Одним из таких подчиненных населенных пунктов было поселение, которое находилось на территории современной окраины Балаклавы, в недавнем прошлом предместья, — Кады, Кады-Коя, Кадыковки[155]. До турецкого завоевания Таврики в 1475 г. оно называлось Нехора/Нихора (возможно, от искаженного греч. Νέα Χώρα — Новое село).

---

[149] *Косцюшко-Валюженич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году… С. 25-30; *Косцюшко-Валюженич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИИАК. 1902. Т. 2. С. 6.

[150] *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio)… С. 342.

[151] *Моисеев Л.А.* Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове // ЗКОЕЛП. 1926. Т. IX. С. 119; *Эрнст Н.Л.* Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930 г.) // ИТОИАЭ. 1930. Т. IV. С. 91.

[152] *Моисеев Л.А.* Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове… С. 115—122; *Тахтай А.К.* Разведочная раскопка древнего водопровода в окрестностях слободки Вакулинчука // ХСб. 1948. Вып. IV. С. 65—67; *Николаенко Г.М.* Исследования на Гераклейском полуострове // АО за 1984 г. М., 1986. С. 280-281; *Ковалевская Л.А.* Работы на земельном наделе 341 и линии водопровода в Сарандинакиной балке // АИК. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 137-141; *Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. К., 2007. С. 114—115.

[153] На итальянских морских картах XIV—XV вв. Севастопольская бухта называется golfo de Calamita («Каламитский залив»), турки же в это время называют ее Феленк-Бурун, то есть «Генуэзский мыс» (См.: *Брун Ф.К.* К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова… С. 69—70).

[154] *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке… С. 362.

[155] Хотя стоит сказать, что слияние Кады-коя с Балаклавой началось еще со второй половины XIX в., после того как указом от 16 июня 1861 г. село было включено в административную черту города

История этих мест восходит еще к античной эпохе. В середине II в. по Р.Х. (между 147 и 161 гг.) здесь появляются войска Римской империи. Их лагерь располагался в пределах холма (в 1,5 км от Балаклавской бухты), окаймленного с запада ручьем Кади-Су, с востока речкой Хун. Дислоцировавшийся здесь гарнизон из нескольких сот человек состоял из солдат I Италийского и XI Клавдиева легионов, а также кавалеристов I алы Атекторигианы. Помимо казарм и прочих построек, на территории лагеря располагался храм в антах, посвященный Юпитеру Долихену. В это время удобная и хорошо защищенная Балаклавская бухта использовалась для стоянки римских военных кораблей. Время прекращения функционирования данного опорного пункта Римской империи в юго-западной Таврике относят к середине 30-х гг. III в. по Р.Х.[156].

О времени появления Нехоры нет точных данных, однако в XIII-XV вв. это было греческое христианское селение, что подтверждается наличием христианского некрополя и материалами из синхронных слоев поселения[157]. Керамический комплекс средневековой Нехоры представлен, в основном, поливными тарелками, мисками, чашами, кувшинами и куманами (афтобами), которые датируются серединой XIV — началом XV вв.[158] В поселении существовала православная церковь, память о приходе которой сохранялась до начала XIX в. Это послужило поводом для передачи под церковь служащим Греческого батальона здания мечети, ранее перестроенной из православного греческого храма[159].

Возможно, косвенно об этом селении речь идет в Уставе 1449 г. Так в пункте об обязанностях консула говорится, что тот «несмел и не думал покупать или брать у жителей Чембало и селений хлеба, вина или дров иначе как по рыночной и справедливой цене…»[160]. Вероятно, одним из этих селений была и Нехора. Также в пункте о размерах налогов с торговли вином говорится, что они взымаются со всех продаж вина «в Чембало и пределах Чембальского места [loco Cimbali]»[161]. Здесь говорится не только о самом городе, но и о территории, находившейся в подчинении генуэзской администрации, на которой, вероятнее

Балаклавы (См.: Полное собрание законов Российской империи. 1825—1881: в 55 т. СПб., 1863. Т. XXXVI. Отд. I. С. 867).

[156] *Зубар В.М.*, *Антонова І.А.*, *Савеля О.Я.* Надгробок римського кавалериста з околиці Балаклави // Археологія. 1991. № 3. С. 102—107; *Зубар В.М.*, *Савеля О.Я.*, *Сарновський Т.* Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 67—89; *Зубарь В.М.* О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III вв. // *Сарновский Т.*, *Савеля О. Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warsawa, 2000. Р. 252—264; *Зубарь В.М.* Таврика и Римская империя. Римские войска и укрепления в Таврике. К., 2004. С. 98—118.

[157] *Иванов А.В.* Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 49; *Иванов А.В.* Балаклава XIV—XVIII вв. Этно-конфессиональный очерк // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 249; *Иванов А.В.* Средневековый город при Балаклавской бухте: очерк археологического исследования и некоторые данные к его исторической топографии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.— М.— Великий Новгород, 2011. С. 148.

[158] *Иванов А.В.*, *Савеля О.Я.*, *Филиппенко А.А.* Комплекс поливной керамики средневекового Кадыкоя // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 108—111.

[159] *Гавриил архиепископ* Херсонский и Таврический Хронолого-статистическое описание церквей епархий Херсонской и Таврической // ЗООИД. 1848. Т. II. С. 203; *Гавриил архиепископ* Херсонский и Таврический Хронолого-статистическое описание церквей епархий Херсонской и Таврической. Одесса, 1848. С. 66.

[160] Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г… С. 784.

[161] Там же. С. 794.

всего, и находилось это поселение. Это может служить подтверждением того обстоятельства, что одним из основных занятий жителей средневековой Нехоры было виноделие[162].

Однако территория консульства Чембало не ограничивалась ближайшей округой города и селением Нехора. В его состав в XV в. входила довольно обширная Балаклавская долина. В связи с этим возникает сложный вопрос о политическом статусе еще двух селений, находившихся в окрестностях Чембало, которые сохранились до наших дней – Камара (Оборонное) и Карань (Флотское).

О времени появления Камары, как и Нехоры, нет точных данных. Однако определенный интерес представляет эпитафия с надгробного памятника обнаруженного М.И. Скубетовым в 1915 г. недалеко от церкви Св. Троицы в с. Лаки (бывш. Горянка)[163]. В.В. Латышев дал такой перевод сохранившейся части надписи: «Упокоился раб Божий Солтык… священник… Камарец в месяце сентябре 15-го (дня), лета 6870, индикта 15-го». Исследователь полагал, что слово Καμαρευς является прилагательным от существительного Καμάρα и представляет собой сведение о происхождении данного лица, связывая это название именно с селением Камара[164]. Если данное предположение верно, то этот эпиграфический памятник свидетельствует о существовании данного села уже в 1362 г. В XVI в. этот населенный пункт фигурирует в османских налоговых документах как Камра[165], что вполне вероятно, является искаженной формой греческого названия Καμάρα[166]. Поскольку вплоть до XX в. подавляющую часть населения составляли греки, то сохранилась и первоначальная греческая форма названия. Вероятнее всего, этот населенный пункт подчинялся феодалу, резиденцией которого являлся замок на г. Хаос, у подножья которой и находится Камара, и вряд ли зависел от консула Чембало[167].

Еще более сложным является вопрос о политическом статусе греческого селения Карань в XV в., которое расположено в трех километрах западнее Балаклавы в небольшой изолированной долине[168]. Возможно, его господином был феодал, владевший замком Карань, а возможен и вариант кондоминантного владения селом местного феодала, который

---

[162] *Брун Ф.К.* О поселениях итальянцев в Газарии. Топографические и исторические заметки // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. I. Одесса, 1879. С. 227.

[163] *Латышев В.В.* Новые христианские греческие надписи из Крыма // ИТУАК. 1918. Т. 54. С. 35—36.

[164] Там же. С. 36—37.

[165] *Галенко О.І.* Село Камра за записами османських податкових переписів першої половини XVI століття // Черноморские чтения. Материалы I Всеукраинской исторической научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения С. А. Секиринского и О. И. Домбровского (г. Симферополь, 14—15 марта 2014 г.). Симферополь, 2014. С. 13; *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century… P. 153, 163; *Öztürk Y.* Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475—1600. Ankara, 2000. S. 240, 247.

[166] Интересно заметить, что на территории горного массива, нависающего с севера над селом, сохранился ряд топонимов производных от слова Камара: Камара-богаз, Камары-Кобасы, Камарча-Ур, Камарчик (См.: *Филиппенко А.А.* Материалы к археологической карте района хребта Спилия и массива Муркум-Уле — Багир-Бели // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2009 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов—2009» / под ред. *В.А. Трифонова*, *В.А. Иванова*, *В.И. Кузищина* и др. Севастополь, 2009. С. 103—104).

[167] *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма… С. 81.

[168] *Хайтулов Л.Н.* Карань. Симферополь, 2012. С. 80; *Терещук Н.М.* Греческое селение Карань // XII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 27 мая 2011 г.). Ч. 2. Симферополь, 2011. С. 86—95.

являлся вассалом господ Готии, и генуэзской администрацией Чембало. Имеющиеся на данный момент источники не позволяют дать определенный ответ.

Приняв во внимание расположение феодоритских пограничных укреплений и особенности рельефа местности, по которому, возможно, проходили приблизительные границы подконтрольных этим замкам секторов, попробуем нанести эти границы на прилагаемую карту (рис. 4). Следует обратить внимание на очень важное обстоятельство, возникающее при такой организации обороны пограничных территорий, а именно отсутствие четкой линии границы. Вместо этого, вероятнее всего, была «буферная» или нейтральная территория, площадь которой, в данном случае, зависела от рельефа местности и расположения феодоритских укреплений.

Восточные рубежи проходили по отрогам горного массива, образованного вершинами Аскеты, Спилия, Муркум-Уле, Манрамале, Хаос, который нависает с запада над Чембало. Далее, минуя с. Камара (Оборонное), граница шла по северо-западным и северным склонам этого массива до каньона р. Сухой. Затем с запада огибала г. Гасфорта и узкой полоской (ок. 2 — 2,5 км) проходила по р. Черной, которую контролировала Чоргунская башня.

Северной границей, вероятно, служили Федюкины высоты (Ак-Баир, Ах-Тепе), а северо-восточные рубежи проходили по юго-западным отрогам Сапун-горы и Карагач до Высоты Горной и г. Араб-Табия. От нее в юго-восточном направлении шла обширная нейтральная территория по Караньским высотам до горного массива Кая-Баш, которая заканчивалась у г. Мытилино, Таврос и Псилерахи. Следует заметить, что на предполагаемой нейтральной территории в рассматриваемый период существовало значительное число небольших поселений и отдельных усадеб.

Здесь в трех километрах западнее Чембало, в небольшой изолированной долине находится с. Карано, Карань (Флотское), определение политического статуса которого является отдельной проблемой. Возможно, его господином был феодал, владевший замком Карань, а возможен и вариант кондоминантного владения селом местного феодала, который являлся вассалом господ Готии, и генуэзской администрацией Чембало. Имеющиеся на данный момент источники не позволяют дать определенный ответ.

Морская же граница определялась Уставом 1449 г. по побережью Гераклейского полуострова от Чембало до мыса Херсонес. Здесь генуэзцы могли формально владеть узкой полоской берега, которая находится под практически отвесными скалами на всем ее протяжении.

Итак, в результате следует, что столкнувшись в юго-западной Таврике с генуэзцами в 40-х гг. XV в., которые в 1380 г. окончательно получили право владения крепостью Чембало[169], феодориты были вынуждены создать комплексную пограничную систему, в которой учитывались как фортификационные объекты, так и особенности природных объектов (гор, перевалов, рек и т.д.) данного региона. Вместе они должны были образовать стройный механизм противостоянию дальнейшему расширению созданного генуэзцами консульства Чембало. Следует заметить, что все это происходило в условиях агрессивной наступательной политики владетелей Феодоро, особенно Алексея I (Старшего), в этом

[169] [*Гейд В.*] Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей. Извлечение из сочинения В. Гейда: «История торговли Востока в средние века» / пер. *Л.П. Колли* // ИТУАК. 1915. Т. 52. С. 126; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea… P. 178, 180; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро… С. 194.

регионе. Об этом свидетельствует переписка «господ Готии» с администрацией генуэзских колоний в Таврике[170] и несколько военных компаний Феодоро в этом регионе.

Однако отображенные условные границы, как уже было сказано выше, не были статичными, в них периодически происходили изменения. Примером этого может служить период генуэзско-феодоритской войны 1433—1441 гг. Так с конца февраля 1433 г. по июнь 1434 г. к Феодоро перешла территории консульства Чембало[171]. С 8 июня 1434 г. по ноябрь 1441 г. Алексей I (Старший) лишился не только земель консульства Чембало, но потерял и Каламиту[172].

Роковым для этих двух государственных образований средневековой Таврики стал 1475 г. – вторжение на полуостров османских завоевателей во главе с великим визирем Гедик Ахмедом-пашой. На шестой день осады сдалась Каффа (6 июня), через месяц турки завоевали все генуэзские колонии полуострова, и только через полгода пала столица княжества Феодоро — последнего «осколка» некогда великой Восточной Римской империи. На завоеванной территории княжества Феодоро и колоний Генуэзской республики османские завоеватели создали Кефенский санджак, а в 1478 г. крымский хан Менгли I Гирай (871—872, 874—879, 880, 883, 884—921 гг.х.,1466—1467, 1469—1474, 1475, 1478 и 1479—1515 гг. н.э.) официально подтвердил договор о вассальной зависимости от Османской империи.

---

[170] Так, например, Алексей I (Старший), при поддержке хана Хаджи I Гирая (845—871 гг. х., 1441—1466 гг. н.э.), вел дипломатическую переписку с консулом Каффы Баттистой ди Форнарио. Владетель Феодоро требовал передачи ему Чембало и всей прибрежной Готии. Консул, не рассчитывая на собственные силы, затягивал с ответом, надеясь за это время получить подкрепление из Генуи, Фиоса или Перы (См.: *Колли Л.П.* Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам) // ИТУАК. 1913. Т. 50. С. 110).

[171] *Мыц В.Л.* Война 1433—1441 гг. между Каффой и Феодоро… С. 337.

[172] Там же. С. 352, 355.

Резюме

В данной статье рассмотрен один из важных аспектов средневековой истории юго-западной Таврики — проблема определения границ княжества Феодоро и консульства Чембало Генуэзской республики в данном регионе. На основе комплексного анализа археологических, эпиграфических и письменных источников автор предпринял попытку реконструкции пограничных территорий этих двух средневековых государственных образований. Полученные результаты были отображены на соответствующей карте, что дало возможность, хотя бы предположительно, отобразить границы владений Генуэзской республики и Феодоро в юго-западной Таврике.

Ключевые слова: Генуэзская республика, Феодоро, граница, консульство Чембало, пограничные укрепления, XV в.

Summary

This article discusses one of the important aspects of the medieval history of the southwestern Tavrica — the problem of determining the boundaries of the Principality of Theodoro and consulates Chembalo the Republic of Genoa in the region. Based on a comprehensive analysis of archaeological, epigraphic and written sources, the author has attempted reconstruction of border areas of the two medieval state formations. The results were displayed on the appropriate map, which made it possible at least supposedly show property boundaries, the Republic of Genoa and Theodoro in southwestern Tauris.

Keywords: Genoese republic, Theodoro, border, Consulate Cembalo, border fortifications, 15th century.

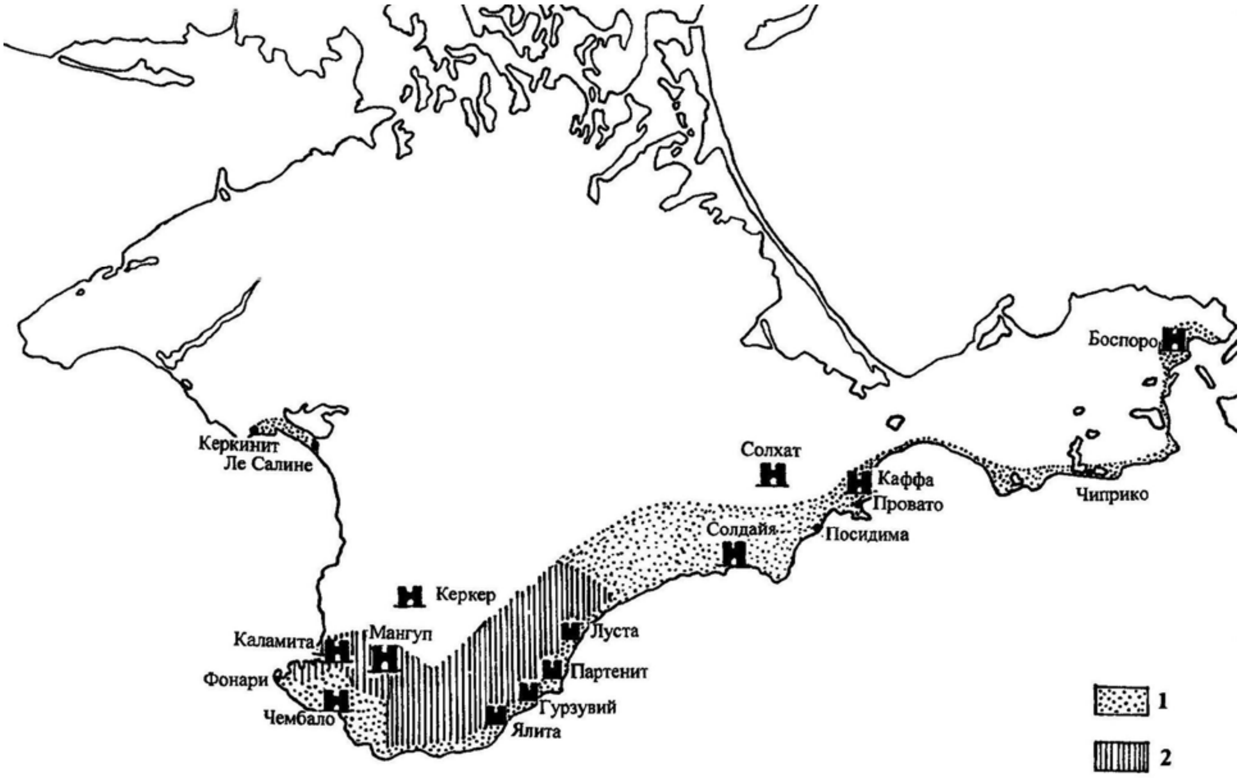

Рис. 1. Таврика в первой четверти XV в.

1 – территории, принадлежавшие коммуне Генуи; *2* – владения Феодоро (по В.Л. Мыцу).

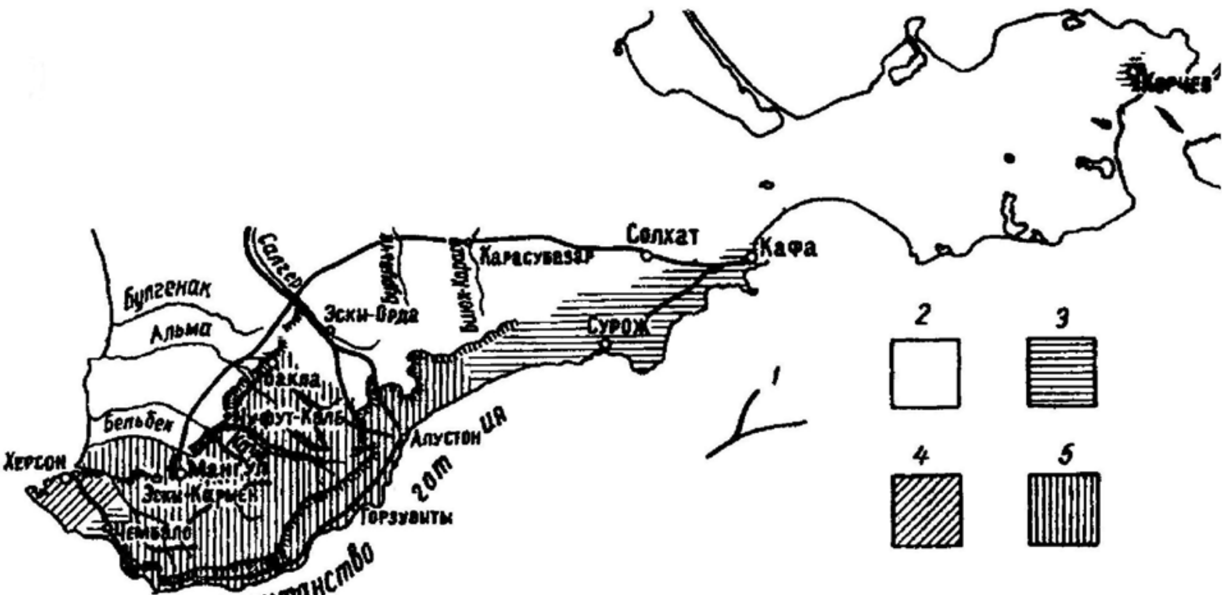

Рис. 2. Средневековый Крым XIV – начала XV столетий
(по О.И. Домбровскому)

1 — основные сухопутные транспортные магистрали; *2* — территория Крымского улуса Золотой орды; *3* – земли, принадлежащие генуэзцам; *4* — митрополия Херсона; *5* — митрополия Готии.

Рис. 3. Карта (схема) владений Мангупского княжества накануне турецкого завоевания (по Е.В. Веймарну)

1 — предполагаемые владения Мангупского княжества; 2 — владения генуэзцев; *3* — территория Крымского ханства.

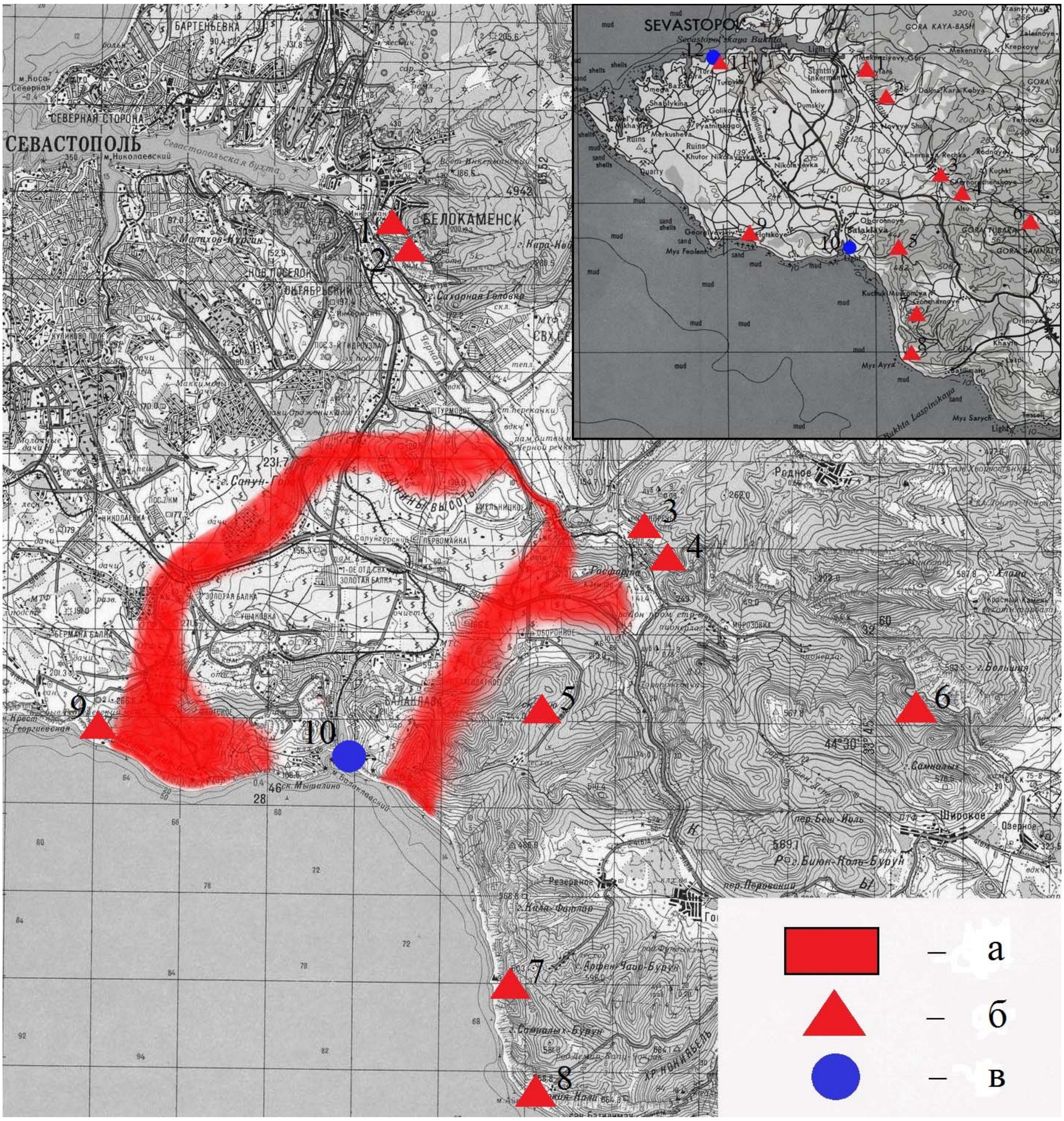

Рис. 4. Схема расположения укреплений Юго-Западной Таврики конца XIV – XV вв. и предполагаемые границы консульства Чембало Генуэзской республики и княжества Феодоро

а — пограничные территории княжества Феодоро и консульства Чембало; *б* — города и замки Феодоро; *в* — города и укрепления Генуэзской республики.
1 — Каламита; *2* — Загайтанское укрепление; *3* — Чоргунская башня; *4* — Чоргунский (Бибиковский) исар; *5* — Камара; 6 — Исарчик (Сарджик); *7* — Кала-Фатлар; *8* — Кокия-Исар; *9* — Карань; *10* — Чембало; *11* — феодоритское укрепление на территории Херсона (вторая половина XV в.); *12* — генуэзское укрепление в Херсоне (вторая половина XIV — первая половина XV вв.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК: 94 (477.7)

М.В. Фомин

О РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЖИВОПИСИ ХЕРСОНЕСА—ХЕРСОНА IV—VI ВВ.

Вопрос формирования раннехристианской художественной традиции остается сложным, несмотря на длительное исследование и значительное количество публикаций. Особенно дискуссионной является проблема возникновения самой художественной системы. В течение длительного времени местом «рождения» христианского искусства считались катакомбы Рима. Их открытие положило начало истории изучения раннехристианской художественной традиции. Огромное количество памятников, как в самом Риме, так и тесно связанных с ним областях, привлекли внимание историков, археологов, искусствоведов. Возникли исследовательские центры, породившие научные школы[1]. Но существовала и другая точка зрения. Некоторые ученые искали корни раннехристианского искусства на Востоке[2].

Во многом ситуацию изменили революционные открытия в Дура-Европос[3]. Обнаруженные здесь памятник, в том числе и самый ранний из известных христианских культовых комплексов «Domus ecclesia», сохранивший росписи и граффити, во многом перевернули взгляд на устоявшиеся теории происхождения христианской художественной системы[4]. Американский археолог и востоковед Дж. Х. Брестед, впервые опубликовавший фрески из Дура-Европос, заявлял, что они являются предшественниками византийского искусства[5].

Комплексные исследования памятников этого небольшого города на Евфрате позволили обосновать новую гипотезу — раннехристианская художественная традиция сформировалась на Востоке, и оттуда с мигрантами проникла в Рим, где стала фундаментом для иконографии катакомб[6]. В дальнейшем эта теория получила свое развитие и не однократно озвучивалась специалистами[7]. Действительно, среди христиан Вечного города

---

[1] См. подробнее: *Беляев Л. А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. СПб., 2001. С. 71—111.

[2] См. подробнее: *Strzygowski J.* Orient oder Rom: Beiträge zur Geschichte der Spätantiken und Frühchristlichen Kunst. Leipzig, 1901; *Бонгард-Левин Г. М.*, *Литвиненко Ю. Н.* Парфянский выстрел. М. 2003.

[3] *Rostovtzeff M. I.* Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938.

[4] *Бонгард-Левин Г. М.*, *Литвиненко Ю. Н.* Парфянский выстрел. М. 2003. С. 260—281.

[5] *Breasted J.* Oriental Forerunners of Byzantine Painting. Chicago, 1924. P. 189.

[6] *Чаковская Л. С.* Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III—VI вв. н.э. М., 2011. С. 20—35.

[7] *Чубова А.П.*, *Иванова А.П.* Античная живопись. М., 1966. С. 145, 183; *Овчинников А. Н.* Символика христианского искусства. М., 1999. С. 12.

было много выходцев с Ближневосточного региона — территории динамичного распространения христианства. Об этом свидетельствуют как христианские, так и нехристианские источники. Более того, по мнению ряда авторов открытия в Дура-Европос позволяют предположить, что количество христиан в Империи было гораздо больше, чем сообщают об этом источники[8].

Но, тем не менее, многие авторы стремятся максимально сжато охарактеризовать вопрос христианского искусства первых вв. в своих исследованиях, переходя к более позднему периоду уже византийского искусства — к эпохе Юстиниана. Это легко объяснимо: артефакты, относящиеся к первым вв. н.э. — единичны. Тем более актуально становиться анализ открытых объектов на территории Херсонеса Таврического. За почти 200 лет исследования накоплена значительная коллекция памятников раннехристианского искусства относящихся к периоду IV—VI вв. — ко времени формирования самой художественной традиции. Среди уникальных находок необходимо указать росписи херсонесских склепов, фрески и мозаику ранней церкви стоявшей на месте «Базилики 1935 г.», фрагменты скульптуры и культовые сооружения. По своему значению они могут быть поставлены в один ряд с росписями римских катакомб и фресками Дура-Европос. По ним можно проследить процесс становления и развития раннехристианской художественной традиции в позднеантичном Херсонесе, ее происхождение и пути дальнейшего развития.

Наиболее подробно изученной и многократно рассмотренной в историографии является погребальная живопись херсонесских раннехристианских склепов. Сегодня известно 13 погребальных сооружений содержащих росписи. Подробное описание восьми из них вошло в фундаментальный труд М. И. Ростовцева[9]. Материалы о двух склепах (№ 1 и 2), открытых в 1998—1999 гг., были опубликованы в приложении к работе В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного[10]. В 2002 г. были обнаружены склепы с росписями[11] и с граффити, нанесенными по сырой штукатурке, исследованные в 2006 г.[12]. В 2008 г. был открыт и исследован склеп «со сценами охоты», относящийся к «языческой» эпохе, но несущий важную информацию о предшествовавшей христианству художественной традиции в Херсонесе[13]. Острым остается вопрос датировки этих сооружений. Так, М. И. Ростовцев относил эти памятники ко второй половине IV — к началу V вв.[14]; эту дату поддержали П. Д. Диатроптов[15], Л. Г. Хрушкова[16], И. А. Завадская[17]; Е. Я. Туровский, А. А. Филиппенко[18]

---

[8] *Бонгард-Левин Г. М., Гаибов В. А., Кошеленко Г. А.* Распространение християнства на Востоке (в свете исследования памятников Дура Европос) // ВДИ. 2005. № 3. С. 58—72

[9] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913.

[10] *Зубарь В. М.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III—первая половина VI вв.). К., 2000. С. 144—154.

[11] *Marchenko L.V.* A New Early Christian Cript in the Outskirts of Chersoneses Tauric. // International Conference: The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d—7th c. AD). Varna, 2003. P. 19—20.

[12] *Туровский Е. Я.* Отчет об археологичесских исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. № 3856.

[13] См. Подробнее: *Рішняк О. Садова О., Туровський Є, Філіппенко А.* Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень. Львів, 2012.С. 54—79.

[14] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 451, 457, 462, 469, 503—507.

[15] *Диатроптов П. Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002. С. 34—36.

и М. В. Фомин[19] датировали их серединой IV в.; А. Е. Филиппов относит их к концу III—IV вв.[20]; мнение о более позднем создании расписных склепов – не ранее второй половины V—VI вв., отстаивал В. М. Зубарь[21].

Не меньший интерес представляют росписи и мозаика ранней «Базилики 1935 г.», отождествляемой рядом авторов с церковью построенной св. еп. Эферием[22]. А. Л. Якобсон[23] и Е. Н. Жеребцов[24] относили их к IV—V вв. И. А. Завадская датирует концом IV в.[25] Мозаика «Базилики 1935 г.» близка по стилю и художественным приемам мозаикам более поздних храмов[26]. Сюжеты фрески, а так же техника выполнения близки погребальной живописи склепов и являются результатами работы одной художественной школы.

Система росписи херсонесских раннехристианских катакомб (как их именовали первые исследователи) включает «Инкрустационный» стиль имитирующий отделку мрамором (прослеживается в склепах 1853 г.; 1894 г.; 1903 г.; 1905 г.; 1907 г.; №1 1998—1999 гг. (6 склепов из 13) и фресках ранней «Базилики 1935 г.»). Символическое изображение плит передается прямоугольниками, в которые вписаны ромбы или круги. Происхождение этого стиля можно связать с эллинистическим Востоком[27]. Не меньший интерес представляет «Цветочный» стиль, который предполагает изображения листьев, цветов, деревьев, гирлянд,

---

[16] *Хрушкова Л. Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 168—194.

[17] *Завадская И. А.* Декоративно–символическая система росписи херсонесских христианских склепов. // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 258—288.

[18] *Туровский Е. Я. Филиппенко А. А.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. № 3856; *Туровский Е. Я.* Участок херсонесского некрополя у загородного храма Богородицы Влахернской: некрополь святых? // Херсонес — город святого Климента. Тезисы и сообщения VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь 12—18 сентября 2011). Севастополь, 2011. С. 40.

[19] См. подробнее Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV—X вв.). Харьков, 2011. С. 95—113.

[20] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / отв. ред. С.А.Беляев. СПб., 2009. С. 318.

[21] *Зубарь В. М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса – Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 12; *Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 158—163.

[22] Подробнее см.: *Фомин М. В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV—X вв.). Харьков, 2011. С. 95—113.

[23] *Якобсон А. Л.* К изучению фресок из южного базилики 1935 г. // ВВ. 1980. Т. 41. С. 96—103

[24] *Жеребцов Е. Н.* Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. Замечания к археологической ситуации // Очерки по истории христианского Херсонеса / отв. ред. С.А.Беляев. СПб., 2009. С. 139—150

[25] *Завадская И. А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «базилика 1935 года» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 94—105.

[26] О происхождении сюжетов херсонесских мозаик см. подробнее: *Литовченко А. Н., Фомин М. В., Чекаль А. Г.* О происхождение раннехристианской художественной традиции в византийском Херсоне // Кондаковские чтения — III. Человек и эпоха: Античность — Византия — Древняя Русь. Белгород, 2010. С.121—133.

[27] *Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М. —Л., 1955. Т. 1. С. 256, 272.

виноградной лозы, растительных узоров (присутствует фактически во всех известных памятниках). Происхождение стиля относят к эллинистическому Египту[28].

Формирование данной традиции связано с представлениями о Царствии Небесном. Ближневосточная культура сформулировала восприятие Рая как вечноцветущего сада. Самые ранние литературные описания Рая: апокриф «Апокалипсис Петра»[29], составлен не позднее 170 г.)[30] и поэма св. Ефрема Сирина (306—372/73) «О рае»[31], во многом повторяют друг друга. Система росписи раннехристианских памятниках перекликается с образами Рая из литературных произведений. Так, в склепе 1853 г. одна из локул отделялась плитами, на которых были изображены плодовые деревья, в самой нише на стене изображен венок как символ победы над смертью. Росписи согласуются с шестой главой поэмы св. Ефрема. В росписях склепов 1853 г., 1905 г., 1909 г. присутствуют образы Евхаристической трапезы. Систем декоративного убранства внутреннего пространства «Базилики 1935 г.» так же отвечает этой традиции: растительные гирлянды, среди которых помещены птицы, напольный мозаичный ковер, окаймленный плющом, изображение чаши с произрастающим из нее виноградом, канфар. Вся система внутреннего декоративного убранства была выполнена в единой концепции.

Среди сюжетов, распространенных в раннехристианском искусстве значительный интерес представляет изображения птиц. Образ птицы часто встречается в Евангелии, в образе голубя Святой Дух снизошел на Спасителя во время Крещения. По окончании потопа (Быт. 8:11) именно голубь возвратившийся с масличной ветвью. Христос в проповедях часто обращался к образу птиц «Взгляните на птиц небесных, они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 10:29). Птицы выступают как символ духовного начала, они образ смиреной и боголюбивой души. В раннехристианских изображениях особое место занимают павлины. Согласно эллинистическим представлениям павлин был символом бессмертия[32], основанием для этого послужило представление о нетленности плоти этой птицы[33]. Павлин мог выступать как символ Воскресения[34]. Образ павлина часто соотносится с образами рая — пальмовыми ветвями, цветами, гирляндами[35] но особенно стоит отметить композицию с павлинами расположенными симметрично вокруг объекта (гирлянды - склеп «на земле Н.И.Тура», вокруг чаши – мозаики загородного храма Богородицы Влахернской, вокруг сосуда – сирийские мозаики). Основой изображения является горизонтальная, зеркально-симметричная, трёхчастная композиция с центральным элементом. Мотив павлинов, пьющих или вкушающих из чаши или стоящих по сторонам от неё несет образ Евхаристии. Павлины, несущие гирлянду («склеп на земле Н.И. Тура») могут символизировать Воскрешение как победу над тленом, над смертью.

В некоторых склепах встречаются изображения людей (Склепы 1853 г., 1894 г., 1909 г., «на земле Н.И. Тура», №2 1998—1999 гг.). Техника их начертания, композиции фигур

---

[28] Там же. С. 262.

[29] *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 215—217.

[30] *Мецгер Б. М.* Канон Нового Завета. М., 1998. С. 300—303.

[31] *Ефрем Сирин*. Творения. В 5 тт. М., 1989. Т. 4. С. 258—297.

[32] *Белова О. В.* «Физиолог» древнейшей редакции: к истории изучения и публикации // Физиолог александрийской редакции / Пер. Я. И. Смирнова. М., 1990. С. 13.

[33] *Уваров А. С.* Христианская символика. М., 2001. С. 199— 201

[34] Там же. С. 202—203

[35] Там же. С. 202—203

наталкивают на параллели с росписями Дура-Европос[36]. В ряде склепов (1853 г., 1907 г., «на земле Н. И. Тура» и «Склепе Аристона») присутствуют изображения хризмы.

Сохранившийся фрагмент мозаики ранней «Базилики 1935 г.» (IV в.) включает изображение канфара и виноградной лозы, растительных узоров[37]. В византийских херсонесских мозаиках (традиционно датируемых VI—VII вв.), как и в более ранних росписях, преобладают орнаментально-символические мотивы, образы птиц, цветов, винограда, изображения чаш, канфаров, геометрических символов, состоящих из вписанных в прямоугольник ромба, а в ромб — круга.

Истоки художественной традиции, лежащей в основе херсонесской школы, имеют свои аналогии. Так, «мастерские Антиохии, долго сохранявшие античные традиции, были главным художественным центром, передававшим эти традиции другим землям христианского Востока»[38]. Мозаики Херсонеса — Херсона имеют множество аналогий с мозаичными композициями христианских комплексов Сирии[39]. Даже беглый взгляд позволяет проследить прямую аналогию с мозаичными изображениями из музеев городов Маара и Апамея (Северная Сирия). Их собрание составляют мозаики из «мертвых городов», расположенных на севере Сирии между Алеппо и Хамой[40]. А. Е. Филиппов проводит параллель херсонесских мозаик и памятников Палестины и Ливана. В частности, мозаики церкви в Табге, возведенной на месте чуда умножения хлебов, мозаичный пол ливанской церкви в Бет-Мери[41]. Аналогия распространяется не только на иконографию, но и на стилистику изображений.

Анализ сюжетов, элементов из которых они сформированы, приемов указывает на определенную семантическую и эстетическую связь херсонесских изображений с раннехристианской традицией Ближневосточного региона. В некоторых случаях можно говорить о фактической идентичности сюжетов, многие композиции составлены на основании неких «стандартных прописей»[42]. Это вполне закономерно, если учесть пути проникновения христианства в город.

Привнесенная художественная система в позднеантичную эпоху на херсонесскую почву, получила распространение в погребальной живописи, фресковых росписях и напольных мозаиках. При этом необходимо отметить, существующие на сегодняшний день памятники позволяют констатировать, что данная традиция сохранилась и получила свое развитие в напольных мозаиках позднейшего времени. Близость по своим формам элементов, из которых собирались композиции, позволяют предположить существование некой художественной школы, использовавшей «прориси», некие стандартные наборы изображений из которых формировались композиции.

---

[36] *Rostovtzeff M. I.* Dura–Europos and its Art. Oxford, 1938; *Чаковская Л. С.* Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III—VI вв. н.э. М., 2011. С. 20—35.

[37] *Литовченко А. Н., Фомин М. В., Чекаль А. Г.* О происхождение раннехристианской художественной традиции… С. 121—133.

[38] *Хелу Н.* Мозаики V—VI веков в Ливане // Панорама искусств. М., 1985. Вып. 8. С. 61.

[39] *Литовченко А. Н., Фомин М. В., Чекаль А. Г.* О происхождение раннехристианской художественной традиции... С. 121—133.

[40] *Hadjar A.* The Church of St. Simeon the Stylite and other archaeological sites in the mountains of Simeon and Halaqa. S.L, 1995 P. 1—6.

[41] *Хелу Н.* Мозаики V-VI веков в Ливане... С. 60—61.

[42] *Литовченко А. Н., Фомин М. В., Чекаль А. Г.* О происхождение раннехристианской художественной традиции в византийском Херсоне // Кондаковские чтения — III. Человек и эпоха: Античность — Византия — Древняя Русь. Белгород, 2010. С. 121—133.

Резюме

В статье автор рассматривает вопрос формирования раннехристианской художественной традиции в Херсонесе. Херсонесская христианская община формировалась под влиянием Малоазийских христиан. Это нашло свое отражение и в формировании раннехристианского искусства.

Ключевые слова: христианство, искусство, фреска, мозаика, росписи, склепы.

Summary

In the article considers the question of formation of early Christian art tradition in the Chersoneses. Chersoneses Christian community was formed under the influence of Middle East Christians. This process was reflected in the Chersoneses Christian artistic tradition.

Keywords: Christianity, art, frescoes, mosaics, paintings, tombs.

УДК: 94 (477.7)

М.В. Фомин

О НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТАХ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ ХЕРСОНЕСА IV—V ВВ.

Современная восточно-христианская традиция почти не использует объемных скульптурных изображений. Присутствующие на сегодняшний день в церквях различные рельефные композиции являются скорее реликтовыми свидетельствами некогда распространенной традиции.

Но так было не всегда. Археологические находки, сделанные на территории раннехристианских центров, пополнили музейные коллекции образцами скульптур некогда украшавших церковь. Несомненный интерес представляют образцы пластических композиций найденные на территории Херсонесского городища. В первую очередь это элементы связанные с образами «Доброго Пастыря».

Прообраз раннехристианского «Доброго Пастыря» имеет давнюю и достаточно широко распространенную традицию и множество аналогий в античном искусстве. Одним из наиболее ранних известных сегодня изображений является изображение египетского Анубиса с овцой на плечах, который в египетской мифологии он, в том числе, выступал как проводник умерших в загробный мир. Подобный сюжет был известен и в древнегреческом искусстве, например скульптурный образ Гермеса Криофора (рис. 1). Обращающим на себя внимание фактом является то, что в греческой мифологии он также считался, в том числе, проводником душ умерших. Наибольший интерес представляет широко распространенное в эллинистическом мире изображение Орфея Боуколос (пастуха), не редко, помещавшегося композиционно в окружение животных (рис. 2).

Процесс формирования христианской художественной традиции был достаточно сложный. Противопоставляя себя развитой и богатой сюжетами и символами языческому искусству христианство I—II вв. развивалась и под влиянием ветхозаветного запрета на изображение[1]. Среди подвижников первых вв. отношение к любым изображениям было достаточно сложным и не редко отрицательным. Ранняя Церковь не знала иконы в ее современном догматическом значении. Новые художественные формы, не противопоставляя себя запретам, ставили задачу «изобразить не изображая». Ранние памятники христианского искусства зачастую передавали собой цель не создать образ Бога, а отразить Его проявление.

С другой стороны художественная традиция формировалось с учетом реалий окружающего мира. Сложившийся символический язык позднего эллинизма начала новой эры, система художественных образов, имевшая широкое распространение была во многом заимствована и преобразована для передачи новых смыслов. Использовались те же «иероглифы», но при их помощи писались уже иные тексты.

В этой связи мифологический образ Орфея, который спустился в загробный мир и вышел из него живым, представляет значительный интерес. Фактически он лег в основу

[1] *Чаковская Л.С.* Воплощенная память о храме: художественный мир синагоги святой земли III—VI вв. н. э. М., 2011. С. 17—69.

одного из первых изображений проявления Бога и воплотился в композиции «Добрый Пастырь». Она получила широкое распространение в украшении саркофагов (рис. 3), росписях катакомб (рис. 4), фресках (рис. 5) и мозаиках первых культовых построек, декоративных элементах (рис. 6) и в искусстве несла идею изобразить Воскресение: «зрительное ознаменование той мысли, что Спаситель спасает»[2].

Образ «Доброго Пастыря» тесно связан с Евангельским сюжетом («Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец…» (Ин. 10:11), упоминается и в притче о заблудшей овце у Луки (Лк. 15:3—7) и у Матфея (Мф. 18:12—14)). Бог-Пастырь присутствует и в Ветхом Завете: «Как пастух поверяет стадо свое в тот день, когда находится среди стада своего рассеянного, так Я пересмотрю овец Моих и высвобожу их из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный» (Иез. 34:12). «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей … » (Ис. 40:11). «Господь - Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться» (Пс. 22:1).

Формирование изображения «Доброго Пастыря» (зачастую в традиции изображения Орфея) становиться не просто иллюстрацией к Ветхозаветным и Новозаветным сюжетам, но и символом Бога-Христа, умершего и воскресшего и собирающего «стадо свое».

Наиболее ранние памятники датируются началом — серединой III в. К ним относят росписи некоторых из римских катакомбах (крипта Луцины в катакомбах святого Калликста, катакомбы Домитиллы). В 210 г. Тертуллиан видел изображение Доброго Пастыря на чашах для причастия и светильниках. География таких изображений достаточно широка. В Сусе (Северная Африка, Тунис) существуют раннехристианские катакомбы, которые принято делить на три части, одна из них называется катакомбами Доброго Пастыря по его изображению, датирующемуся III—IV вв.

Значительный интерес представляют изображения христианского Востока. В молитвенном доме Дура-Ефропос (современная Сирия), на тыльной стороне части стены над купелью в крещальне, построенной до 250 г. изображен Добрый Пастырь со своим стадом, а также с сосудом[3], который в христианской символике мог иметь евхаристическое значение (рис. 5).

Существуют изображения, относящиеся и к более поздней традиции. В отличие от более ранних образцов они уже ближе к традиционной иконе. Примером может послужить мозаика северного нижнего люнета (стена над входом) в мавзолее Галлы Плацидии (Равенна, Италия)[4]. В отличие от катакомбной живописи, Иисус одет в золотой хитон, а на коленях его лежит пурпурный плащ. Он сидит на пригорке (образ трона), крест в руке выступает как императорский жезл. Пастырь является центром композиции (рис. 7). Несмотря на то, что памятник относится ко времени рассвета ранневизантийской художественной традиции, мозаика несет на себе явное влияние раннехристианского искусства.

После официального принятия христианства как религии Империи, образ Доброго Пастыря, как и многие элементы ранней символической системы постепенно отступает перед более реалистичной иконографией периода первого рассвета христианского искусства. Прообразы иконы постепенно заменяется непосредственно иконами. Сама идея аллегории в изображениях постепенно сменяется иконой как молитвенным образом. В конечном итоге,

[2] *Шмеман А.* Исторический путь Православия. М., 2010. С 246.

[3] *Бонгард-Левин Е.М. Литвиненко Ю.Н.* Парфянский выстрел. М., 2003.

[4] *Редин Е.К.* Мозаики равеннских церквей. СПб, 1896. С. 70.

постановлениями Пято-Шестого (Трулльского) собора в 692 г. аллегорические изображения Христа были запрещены[5].

В коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический» известно несколько образцов раннехристианской скульптуры. Среди них фрагменты изваяний «Доброго Пастыря» (рис. 8, 9). Все они относятся IV—V вв. ко времени становления Церкви в городе.

Наиболее ранней находкой стал фрагмент мраморной скульптуры открытый на территории городища в период предшествовавший началу системным раскопкам (до 1888 г.)[6]. Он представляет собой часть скульптуры юноши с овцой на плечах (сохранилась голова и фрагментированное туловище овцы, без головы и ног). Волосы юноши короткие в виде крупных завитков. Лицо совершенно сглажено, видны лишь углубления у губ и глаз, выполненные буравчиком. Глубокими врезами буравчика исполнены крупные пряди шерсти овцы. Н. П. Кондаков относил этот памятник к V в.[7]. Однако сходство с известными статуями этого же типа из Латеранского и Стамбульского археологического музеев позволяет отнести ее к IV в. (рис. 10).

В 1935 г. Г. Д. Белов в северном районе Херсонеса, в районе базилики 1935 г. открыл фрагмент еще одной мраморной статуи. Сохранность памятника также неудовлетворительна, поверхность совершенно сглажена[8] но, в целом можно говорить, что скульптура аналогична вышеописанной и может быть отнесена к IV в.

Значительный интерес так же представляет еще ряд скульптурных композиций, в литературе традиционно относимых к изображению Орфея. Так, в 1890 г. при раскопках под руководством К. К. Косцюшко-Валюжинича была найдена нижняя часть скульптуры, в которой сохранились ноги сидящего человека в длинной одежде[9]. Левая опорная нога чуть выдвинута вперед, правая несколько отставлена в сторону. У ног, обутых в сандалии, свисает край плаща, к ногам прижимаются овцы[10]. Вероятно, композиция изображала пастуха, играющего на лире, сидящего между двух овец. Подобные изображения известны по росписям катакомбы Каллисты[11], (Орфей, играющий на лире, среди птиц и двух овец). Аналогичные сцены есть и на саркофагах III в. н. э. из Остин[12], и из Сардинии[13]. Херсонесский вариант, скорее всего, является отображением уже сложившегося статуарного типа, известного по находке в Эгине (хранится в Афинском Национальном музее)[14].

Другим примером может быть часть композиции, найденная в 1897 г. в восточном районе Херсонеса, возле базилики «Крузе»[15]. Сохранилась часть туловища (без головы) и ноги до ступней. Складки плаща скрывают часть груди, покрывают живот и ноги. Через обнаженное правое плечо переброшен ремень от лиры. С обоих боков сохранились фрагменты фигур животных (овец?). Сходство скульптуры с предыдущим по композиции, исполнению, деталям, имеют один размер и материал (крупнозернистый мрамор) позволяют

---

[5] *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. М., 1994. С. 447—449.

[6] *Архив* НЗХТ, Дело № 58; *Фонды* НЗХТ. Инв. № 3395.

[7] *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. VI. С. 23.

[8] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1939.

[9] *Фонды* НЗХТ. Инв. № 4155.

[10] *Античная* скульптура Херсонеса / под ред. С. И. Бибикова. К., 1976. С.176—180.

[11] *Kraus F.* Geschichte der christlichen Kunst. Freiburg, 1896. P.214, pic 175.

[12] *Kraus F.* Geschichte der christlichen Kunst. Freiburg, 1896. P.214, рис 176.

[13] *Garrucci R.* Storia d'arte cristiana nei primi otto secoli della Chiesa. Prato, 1876. Tab. 307 (4).

[14] *Wulf O.* Altchristliche und byzantinische Kunst. Berlin, 1918. P. 149, pic. 141.

[15] *Фонды* НЗХТ. Инв. № 4155.

предположить, что оба памятника были изготовлены одним скульптором (или в одной мастерской)[16].

Еще один фрагмент скульптуры был найден в юго-восточном районе Херсонеса, у башни XVII (Зенона) в 1898 г. во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича[17]. Сохранилась незначительная часть скульптурной группы: «Орфей» и лев, терзающий быка (?), головы у обеих фигур утрачены. На вертикальной стороне постамента изображены две черепахи (?) и мышь (?) между ними. Возможно, фрагмент является частью композиции повторяющей скульптуру из Афинского Национального музея[18].

Появление в Херсонесе скульптуры в период раннего христианства связано со строительством культовых сооружений. Вместе с архитектурными формами храмовых зданий сюда были принесены и элементы его внутреннего убранства, помимо мраморных конструкций декора (капители, элементы алтарной преграды) скульптурные композиции.

Значительное количество открытых фрагментов скульптурных композиций (помимо пяти статуй «Доброго Пастыря», открыто еще значительное количество иных сюжетов) для провинциального города на окраине Империи, коим являлся позднеантичный Херсонес, позволяет сделать предположение о том, что в городе в IV в. велось храмовое строительство, и этот процесс имел значительные масштабы.

Письменные источники упоминают про строительство в городе 2-х церквей во второй половине IV в.[19].

К сожалению, данный тезис на сегодняшнем этапе исследований не имеет однозначного подтверждения археологическими памятниками. Причин тому множество, значительная часть территории не охвачена раскопками, многочисленные перестройки города, особенно в VI—VII вв., изменившие его облик, спорность многих выводов археологов в результате новых открытий и т.д. Возможно, в ближайшее время новые открытия позволят пролить свет на столь сложный этап в истории города.

В развивающейся художественной системе отношение к скульптуре было достаточно сложным. В немалой степени оно определялось обилием образцов античного искусства. Если в доиконобрский период присутствие объемных, круглых композиций допускалось, то в более позднее время сохранились лишь в виде рельефов. Существует мнение, что VII Вселенский собор запретил круглые скульптуры, но это не совсем так: «Следует сказать, что, вопреки распространенному мнению, Православная Церковь не только никогда не запрещала скульптурных изображений, но что такого запрета вообще быть не может, так как он не мог бы быть ничем обоснован»[20]

---

[16] *Айналов Д.В.* Мраморная группа жертвоприношения Исаака // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова. Прага, 1927, Т. I. С. 34—55.

[17] *Фонды* НЗХТ. Инв. № 4575.

[18] *Античная* скульптура Херсонеса / под ред. С. И. Бибикова. К., 1976. С. 176—180; *Wulf O.* Altchristliche und byzantinische Kunst. Berlin, 1918. P. 149, pic. 141.

[19] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 1255—1274.

[20] *Успенский Л.А.* Богословие иконы православной церкви. Коломна, 1997. С. 15.

Резюме

Статья посвящена проблеме интерпретации фрагментов скульптуры, которые были найдены на территории Херсонесского городища. Сегодня в коллекции музея существует несколько уникальных памятников раннехристианской пластики, относящихся к IV—V вв. Эта серия включает два фрагмента скульптур «Доброго Пастыря» и три фрагмента композиции, которая была идентифицирована как «Орфей с животными». Это изображение было одним из наиболее распространенных в художественной традиции периода становления ранней христианской изобразительной системы. Скульптуры «Орфея» могут быть интерпретированы как образы «Доброго Пастыря» и отражают процесс формирования раннехристианской художественной традиции. В первые вв. отношение к изображениям было сложным. Ветхозаветный запрет на изображения Бога оказал большое влияние на художественную традицию в целом. Икона «Добрый Пастырь» не был иконой Бога. Это был один из символов Бога. Множество фрагментов раннехристианских скульптур открытых в Херсонесе могут иллюстрировать активный процесс церковного строительства в IV—V вв.

Ключевые слова. Раннехристианское искусство, икона, скульптура.

Summary

The article is devoted to problem of interpretation fragments of sculpture, which was found the territory of Chersonesos. Today, in the museum collection there are several monuments of early Christian plastic, which date IV—V centuries. This series includes two fragments of sculptures “The Good Shepherd” and three fragments of compositions, which was identification as “Orpheus with animals”. These images were one of the most common in art tradition in period of formation of early Christian system. The sculptures of “Orpheus” can interpretations as icons of “The Good Shepherd” and reflect process of foundation early Christian art tradition. In the first century, attitude to images was difficult. The Old Testament prohibition of portrayal of God had a great influence on formation art system. Icon “The Good Shepherd” wasn’t icon of God. It was one of symbol of God. A lot of fragments early Christian sculptures, which founded in Chersoneses, can illustrated active process of developing churches in IV-V centuries.

Keywords. Early Christian art, icon, sculpture.

Рис. 1. Гермес. Рим, The Museo Barracco.

Рис. 2. Орфей. Сицилия, Палермо, Museo archeologico regionale di Palermo.

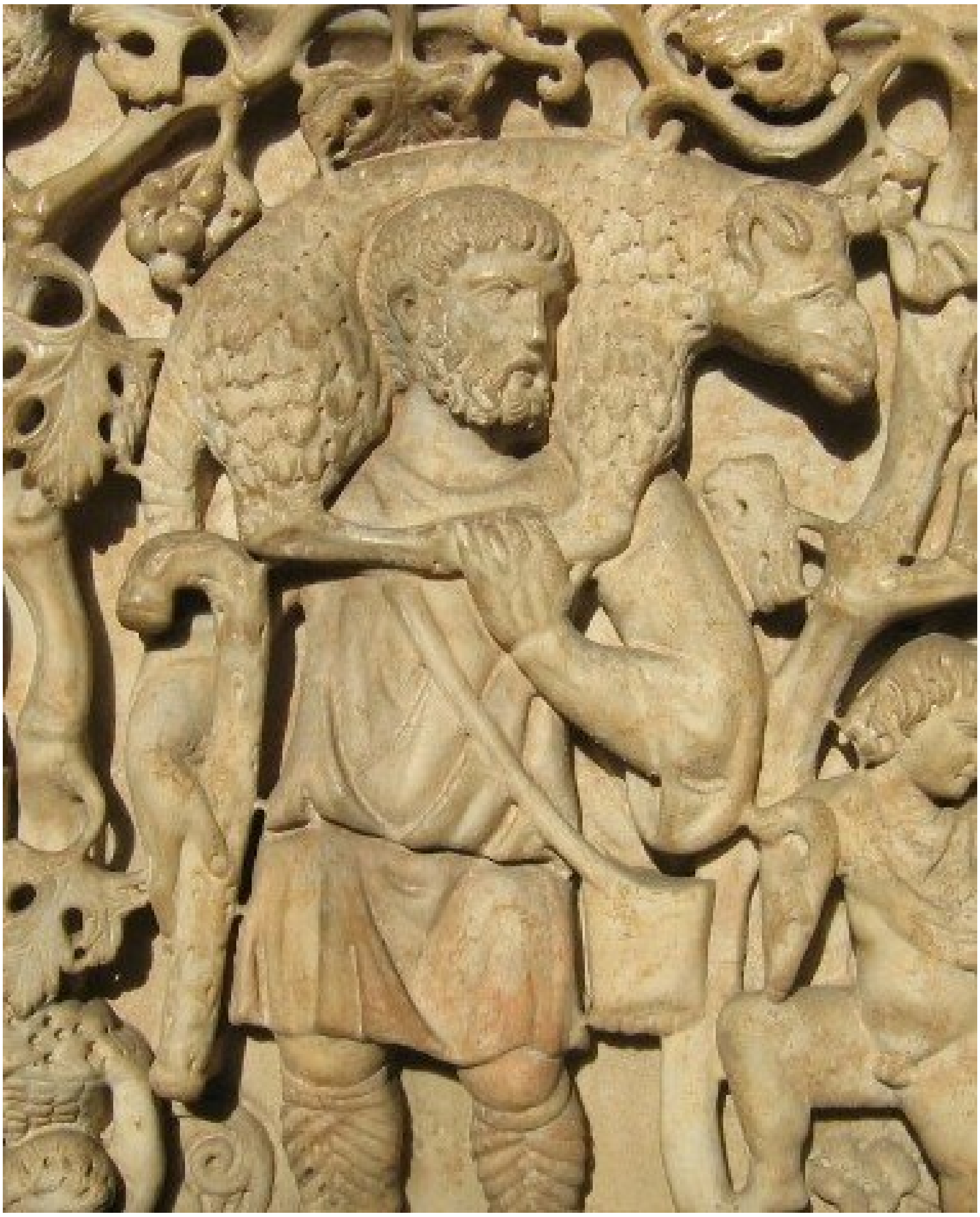

Рис. 3. Раннехристианский саркофаг. Ватиканский музей.

Рис. 4. Добрый Пастырь. Катакомба св. Калиста. Рим.

Рис. 5. Добрый Пастырь. Дура-Европос. Сирия.

Рис. 6. Добрый Пастырь. Рим. Национальный музей.

Рис. 7. Мозаика мавзолея Галлы Плацидии.

Рис. 8. Добрый Пастырь. Фрагмент скульптуры. Севастополь. Херсонесский музей.

Рис. 9. Добрый Пастырь. Фрагмент скульптуры. Севастополь. Херсонесский музей.

Рис. 10. Скульптурные композиции «Добрый Пастырь».
Стамбул. Археологический музей.

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94 (477.75)

Ю.Ю. Шевченко

КРЫМСКАЯ ГОТИЯ И «СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА ОЙУМ» ИОРДАНА

С 2005 г. автором велось визуальное наблюдение за комплексом пещер Чилтер-Коба в склонах горного мыса Ай-Тодор, над рекой Бельбек в Тавриде (Крыму). В 2009 г. были детально изучены литургические устройства: престол и жертвенник в Свято-Феодоровском (Ай-Тодорском) пещерном храме монастыря Чилтер-Коба[1]. Их тождество с подобными устройствами в наиболее ранних христианских храмах: в «Пещере Апокалипсиса» на Патмосе конца II — первой половины III в.; в храме Младенцев в Вифлееме, существовавшем уже во времена Елены Августы между 325 и 337 гг., и хорошо известном в первой половине V в. н. э. ввиду пострига в нем блж. Иеронима Стридонского; в «пещере Иоанна Предтечи» у Иерусалима IV—VI вв.[2], свидетельствуют о создании Чилтер-Кобинского литургического устройства вместе с наиболее ранними христианскими храмами до начала IV в.н.э.[3]

В связи с такой, очень вероятной хронологией устройства престолов Чилтер-Кобы, выполненных до 325—337 гг., небезынтересным является то обстоятельство, что весь III в.н.э. на юге Северного Причерноморья проходит под эгидой гото-римских войн, а **христианское вероучение**, в качестве массового явления, как показывает анализ «Церковных историй» Созомена и Филосторгия, **пришло в Крым вместе с пленниками из Каппадокии[4]**. Известно, что оба крупных готских похода на Каппадокию 254 (264) г. и 275 г. были предприняты готами с берегов Меотиды, то есть через Боспор[5], а епископ Боспора Кадм вместе с епископом Херсонеса Филиппом уже присутствовал на Первом Вселенском соборе 325 г. (на Втором, 381 г., — епископ Еферий[6]). Там же был и владыка (митрополит) Готии Феофил Боспоританский. Судя по титулатуре («Боспоританский»), он являлся

---

[1] *Шевченко Ю.Ю.* О времени возможного возникновения пещерного монастыря Чилтер-Коба в Крыму // Материалы полевых исследований МАЭ РАН в 2009 г. / Отв.ред. Е.Г. Федорова. СПб., 2010. Вып.10. С. 94—117.

[2] *Gibson S.* The Cave of John the Baptist: The First Archaeological Evidence of the Historical Reality of the Gospel Story. London, 2005.

[3] *Шевченко Ю.Ю.* Реалии «литургической археологии» в датировке христианских пещерных храмов Восточной Европы // Христианство в регионах мира. Вып. 3: Христианская архаика / Отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Ю.Ю. Шевченко. СПб, 2011. С. 62—112.

[4] *Василевский В.Г.* Хождение Апостола Андрея // Труды В.Г. Василевского. СПб., 1909. Т. II. Вып. 1. С. 276, сл.

[5] *Юрочкин В.Ю.* Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. СПб., 1999. С. 326—332; *Щукин М.Б.* Готский путь: Готы, Рим и Черняховская культура. СПб., 2005. С. 134—151.

[6] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. С. 28.

владыкой Крымской Готии, по названию Боспора Киммерийского, поскольку Боспор Фракийский («Малая Готия») был заселен готами не ранее 346 г. (по поздним сведениям Кирилла Иерусалимского), а, скорее всего, готы были приведены в Малую (Дунайскую) Готию только епископом Ульфилой после войн с язычниками в 372 году (по сведениям более раннего автора — блж. Иеронима Стридонского).

Епископ Ульфила также происходил из «каппадокийского плена» 254 (264) г., поскольку его дед и бабка (уже христиане) были приведены готами из Каппадокии в результате первого готского морского похода[7]. Согласно сохранившемуся в источниках преданию, дед Ульфилы был священником (носил «пресвитерский сан»). «Каппадокийский след» ощущается и в аналогиях, которые можно привести (особенно среди храмов Ихлара в долине реки Мелендиз) раннесредневековым пещерным храмам Таврики.

Амфорный материал, происходящий из местоположения пещер Чилтер-Кобы, как полагают исследователи, относится к V—VII вв. (по И.Б. Зеест). Обломки амфор обнаружены на склоне, прямо под пещерами Чилтер-кобы на горном мысу Ай-Тодор в результате двенадцатилетних исследований здесь В.Н. Даниленко[8]. Аналогично датирует фрагменты амфор Л.А. Омелькова, раскопавшая поселение, которое лежит чуть ниже по склону мыса Ай-Тодор, над рекой Бельбек[9]. Автором этот материал (хранящийся в фондах Бахчисарайского историко-культурного музея-заповедника) осмотрен, он состоит, в основном, из ***фрагментов амфорных стенок***, для точных датировок, увы, непригодных, но по фактуре и тесту их можно условно также отнести к ранневизантийскому времени: IV—VI (VII) вв.н.э.

Однако, этот материал не является наиболее ранним в этом пункте. При обследовании склонов непосредственно под пещерным монастырем Чилтер-коба, кроме фрагментов позднеантичной керамики, автором настоящей работы были обнаружены три фрагмента «черняхоидной» керамики, в том числе — один — лепной, чернолощеный III—IV вв. К 2012 г. количество фрагментов «черняхоидной» керамики, собранных на склонах под пещерами Ай-Тодора (пещерного Свято-Феодоровского монастыря) достигло более трех десятков. Их бережно собирает и хранит насельник монастыря — брат Кирилл (постоянно живущий в пещере, рядом с пещерной келией отца-настоятеля — иеромонаха Даниила). В основном, это обломки гончарной сероглиняной посуды с врезным геометрическим орнаментом, иногда (в пяти случаях) с лощением по внешней поверхности. Найдено также четыре фрагмента лепной лощеной посуды (три — чернолощеных; один — желтолощеный). Они имеют ярко выраженный «пшевороидный» или «зарубиноидный» вид[10]. Подобная керамика была открыта на городищах Нижнего Днепра: на поселении и могильнике Высокий Груд на р. Белоусе в бассейне Низовий Десны[11]; в Щуровке, бассейна Удая; на Лепесовке (по М.А. Тихановой и М.Б. Щукину) и в Залесцах (по М.Ю. Смишко) Буго-Днестровского региона.

---

[7] *Щукин М.Б.* Указ. соч.

[8] *Даниленко В.Н.* Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 92, сл, 327.

[9] *Омелькова Л.А.* Исследование поселения в долине реки Бельбек // Археологические открытия в 1983 г. М., 1985. С. 330.

[10] *Шевченко Ю.Ю.* Хронология «зарубиноидной» керамики на городищах Нижнего Днепра // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея Древностей). Тезисы докладов юбилейной конференции. Ч. II. Херсон, 1990. С. 41—43.

[11] *Шевченко Ю.Ю.* Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры // «Stratum plus». Петербургский археологический вестник: «Европейская Сарматия». Сборник статей к 60-летию Д.А. Мачинского и М.Б. Щукина. Санкт-Петербург — Кишинев, 1997. С. 122—125, 131, 135, рис. 9,*1,13*; 12,*5,10,18*.

Такая посуда (по формам и технологиям) имеет соответствия как в пшеворской культуре, так и в вельбаркской, а также на памятниках, соответствующих продвижению племен-носителей вельбаркской традиции: на могильнике Брест-Тришин (Белоруссия) и в наиболее ранних погребениях могильника Дитиничи (Украина). В 2011 г. на склонах под пещерами Ай-Тодорского монастыря был обнаружен и фрагмент достоверно вельбаркской (готской) керамики из хорошо просеянной глиняной массы, с мелкой дресвой в тесте, кострового обжига (осветленным поверхностным слоем и темно серым — почти до черного — по внутренней поверхности на изломе черепка). Его украшали характерные вертикальные расчесы-штрихи с лощением поверх расчесов. В 2012 г. найдено еще два фрагмента тех же технологических норм выделки: один — аналогичный ранее найденному; второй — с редкими вертикальными канелюрами и тщательной заглаженостью поверхности поверх канелюр. Подобная посуда относится к керамическому набору любовидзской фазы вельбаркской культуры и датируется не позднее конца II—начала III вв.н.э. Этой дате соответствует и найденный здесь же фрагмент стенки светлоглиняной амфоры с примесью пироксена в тесте.

Подобная идентификация керамических фрагментов вельбаркской культуры (ранее: «восточнопоморско-мазовецкой» или «гото-гепидской»), была бы для автора затруднительна, если бы не «Симпозиум по хронологии Европы латенского и римского времени», проведенный в Государственном Эрмитаже в 1974 году. На этот форум исследователем культуры Р. Волонгевичем были привезены два довольно увесистых баула с фрагментами вельбаркской керамики. Таким образом, исследователи получили возможность «живьем» пересмотреть (и «перещупать») материал из культурного эпицентра, из которого исходит импульс продвижения народа готов на юг Восточной Европы. Материал Р. Волонгевича вызвал самый пристальный интерес у М.Б. Щукина, К.В. Каспаровой (Ленинград), Е.В. Максимова (Киев) и автора настоящих строк, к тому же, более чем трехчасовое ознакомление с керамическими фрагментами проходило под дискуссию, по хронологии перехода от позднелатенского к раннеримскому времени и от раннеримского к позднеримскому времени, затеянную М.Б. Щукиным и К. Годловским.

По поводу появления культурных элементов черняховской культуры времени готского объединения» (М.И. Артамонов) на территории Крыма, то после раскопок Б.В. Магомедова на Каборге, и обобщающих работ В.Ю. Юрочкина, С.В. Ушакова и других, стало понятно, что отдельные элементы черняховской культуры широко представлены по всему полуострову. Даже в Херсонесе найдены значительное количество материала черняховской культуры III—IV вв. Это полностью соответствует данным Иордана, написавшего свою «краткую книжицу» об истории готского народа по 12-томнику Кассиодора Сенатора. Локализацию Готии в стране «Ойум» определяют слова Иордана: «Когда вышеназванные племена [готов], о которых мы сейчас ведем речь, [были] на первом месте своего расселения, в Скифии у Мэотиды, то имели, как известно, королем Филимера»[12]. «В Скифии, у Мэотиды» — это географическое положение Крыма.

Готы вышли из Готискандзы при короле Бериге, а пришли в Скифию, которую называли на своем языке «Ойум», при пятом после Берига короле — Филимере, сыне Гадарига. Это «обильная страна» [Ойум] «замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами» (Сивашские болота и бухты Понта), так что «сама природа сделала ее

---

[12] *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступ. ст., пер., комментарий Е.Ч. Скржинской. СПб.: «Алетея», 1997, 39.

недосягаемой»[13]. Прибыв в «Ойум», готы сразились с местным скифским населением — со спалами и победили, и затем «двинулись в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем». «Первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота»[14].

Географическая локализация «благодатной страны Ойум» всегда являлась предметом дискуссии. М.Б. Щукин всегда был уверен, что под страной «Ойум» понималось Среднее Поднепровье, где солидно представлены черняховские памятники (рис. 1); а сама территория окружена болотами Припятского бассейна (с севера и, частично — с запада), левобережно-днепровскими (с востока), и болотистым левым (южным) берегом Росси (с юга). Д.М. Мачинский и С.В. Воронятов высказались за локализацию страны «Ойум» в Поднестровье, где анклав черняховских памятников еще более значителен (рис. 1), но, правда, нет, в том числе и «болотистого окружения», упомянутого Йорданом. Кроме наличия анклава черняховских памятников — могильников и поселений, и ту и другую земли можно назвать и «обильными» и «благодатными». Но такого же определения, несомненно, заслуживают земли в долине трех рек Горного Крыма: Альмы, Качи и Бельбека. Здесь имеет место изолированность территории (в том числе, локализованной «Меотийскими болотами»), упомянутая Йорданом. Но главное, что понимание под страной «Ойум» не какой-либо иной территории Готии (в Поднепровье или Поднестровье), а именно Крымской Готии, полностью соответствует вышеприведенным известиям Йордана о «первичном расселении готов» у берегов Меотиды.

Приведенную версию о местоположении страны «Ойум» в Крымской Готии, а не где-либо еще на территории распространения «провинциальноримской черняховской культуры времен готского объединения», подтверждает наличие здесь вельбаркской керамики ранних фаз развития культуры и существование пещерного храма Чилтер-Коба второй половины III в.н.э.

Подтверждают «крымское местоположение» Ойума и первые походы готов на Каппадокию (254/264 г.) через Тавриду и преемственность епископа Ульфилы (Вульфила — «волчонок») владыке Феофилу Боспоританскому. Именно здесь только и могло произойти столкновение готов с остатками скифского населения (со спалами), поскольку последнее скифское царство (Неаполь Скифский) сохранялось исключительно в Таврике.

---

[13] Там же, 27—28).
[14] Там же, 38.

Резюме

Автор продолжает вводить в научный оборот результаты исследований территории Юго-Западного Крыма. В статье проанализирован новый археологический материал и изложены результаты изучения памятников церковной археологии. На основании синтеза письменных и археологических источников автором высказана гипотеза о локализации страны «Ойум» в Крыму.

Ключевые слова: варвары, Вельбарк, готы, Ойум, церковная археология, Черняховская культура.

Summary

The author continues to enter into scientific circulation research results in Southwest Crimea. The article analyzes the new archaeological material and the results of the study of church monuments of archeology. On the basis of the synthesis of the written and archaeological sources, the author hypothesized localization country «Oyum» in Crimea.

Keywords: barbarians, Velbark, goth, Oyum, church archeology, Chernyakhov culture.

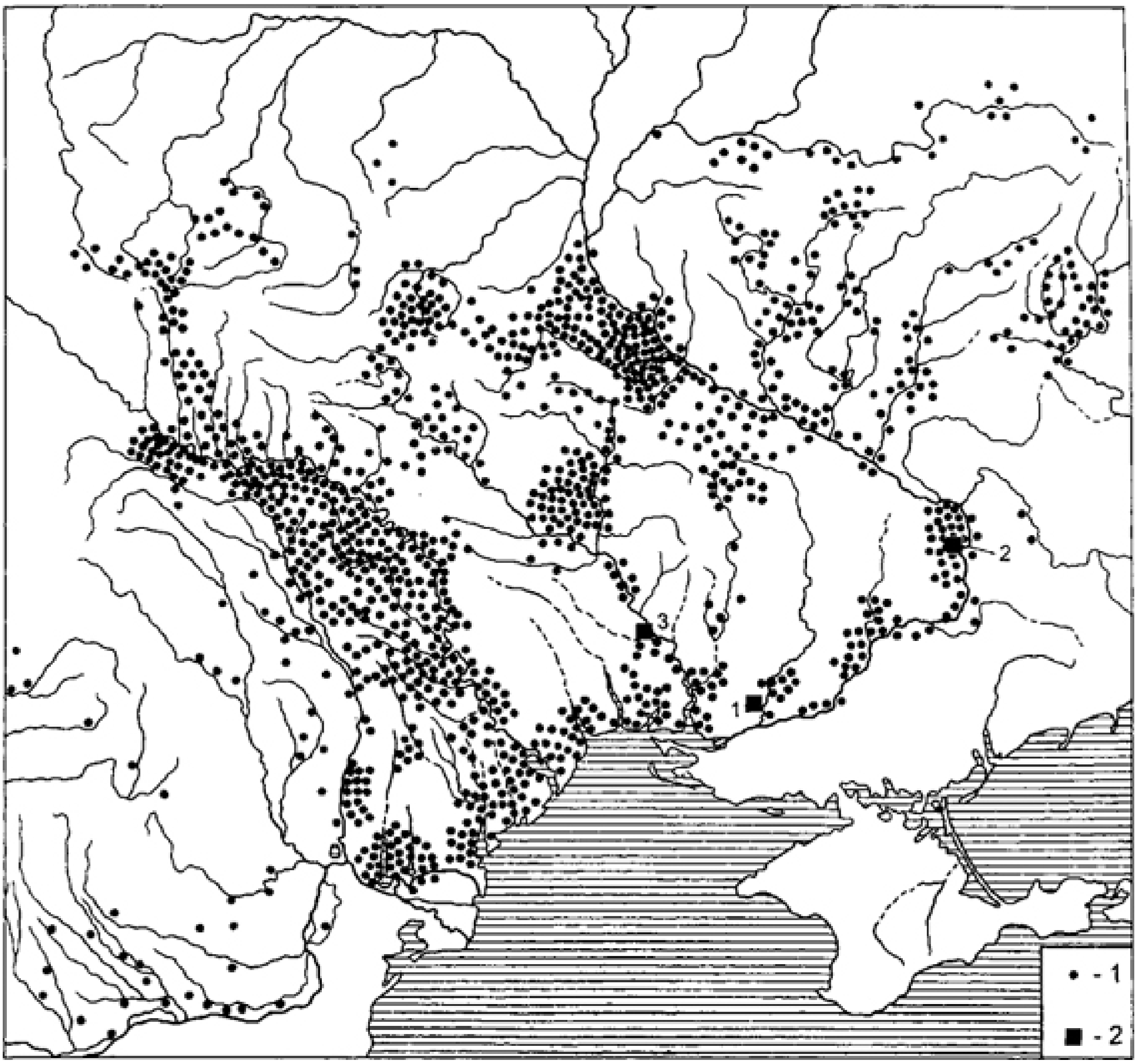

Рис.1. Черняховские памятники по О.А. Гей и Э.А. Сымоновичу[15].
Городища Черняховской культуры: *1* — Александровка; *2* — Башмачка; *3* — Городище.

[15] *Гей О.А., Сымонович Э.А.* Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс.н.э. / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М, 1993*,* карта.

УДК 75.052(477.75)+72.684 (477.75)”653”

Н.В. Днепровский

К ВОПРОСУ О КАНОНИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ РОСПИСИ ПЕЩЕРНОГО ХРАМА «ТРЕХ ВСАДНИКОВ»

Роспись пещерного храма «Трех всадников» (рис. 1) привлекает к себе внимание исследователей давно, но по-прежнему «*являет собой немало трудностей как в плане художественно-стилистического анализа, так и в плане интерпретации*»[1]. Так, «*О.И. Домбровский видел здесь изображение вмч. Георгия и двух местных святых воинов, погибших в боях против захватчиков… Н.Л. Эрнст склонялся к тому, что это два Феодора и Георгий… Е.Г. Овчинникова…, А.Ю. Виноградов… считают, что на данной фреске трижды помещен вмч. Георгий в разных видах своего подвига*»[2].

Насколько нам известно, последнее предположение без какого-либо обоснования впервые высказал А.Л. Бертье-Делагард в своем письме к В.В. Латышеву[3].

Однако это предположение вступает в противоречие с правилом «нумерического тождества» иконописного персонажа, которое устанавливается, «*кроме подразумевающегося единства стиля и манеры, тождеством или сходством черт лица, фигуры, некоторых предметов обстановки и т.д.*»[4]. Ведь на фреске «Трех всадников» буквально каждая деталь нарочито подчеркивает как раз «*нумерическое различие*» этих персонажей[5] (рис. 2). Поэтому О.И. Домбровский подверг теорию «троичного Георгия» аргументированной критике: «*В житийных иконах Георгия действительно встречаются такие повторения. Обычно они группируются вокруг основного, более крупного изображения и представляют собой сцены деяний святого, заключенные в отдельные клейма. Сам он, как правило, представлен в них совершенно одинаковым.*

Ничего этого нет на эски-керменской фреске, где трое юношей по-разному одеты и вооружены, сидят в разных седлах, на конях различной масти; к тому же все всадники

---

1 *Волконская И.Г.* Фрески пещерных храмов Эски-Кермена и его округи (Юго-Западный Крым) // Русская культура XVI века — эпоха митрополита Макария. Материалы X Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Вып. X. Можайск, 2003. С. 293; Она же. Эски-керменские фрески. Новые исследования // Церковные древности. Сборник материалов III международной конференции «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения». Симферополь, 2005. С. 223.

2 *Волконская И.Г.* Фрески пещерных храмов Эски-Кермена. С. 294. Она же. Эски-керменские фрески... С. 224.

3 *Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма (По сообщениям А.Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД. Т. XX. Одесса, 1897. С. 152.

4 *Флоренский П.А.* Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях. // Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 228—229.

5 *Волконская И.Г.* Фрески пещерных храмов Эски-Кермена С. 294. *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. К., 1966. С. 35—36.

помещены на общем поле, не разделенном на отдельные панно, а, наоборот, окаймленном красной полосой, объединяющей эти изображения как бы в одну сцену»[6].

Тем не менее, гипотеза о «тройном Георгии» получила свое «второе дыхание» в работе Е.С. Овчинниковой. На основе обнаруженной ею иконы с *единственным* изображением св. Георгия, *одновременно* совершающего два различные чуда, она вновь попыталась отождествить три *различных* изображения эски-керменских всадников с тремя изображениями св. Георгия, «*несмотря на* ***некоторые*** (выделено нами — *Н.Д.*) *различия в украшении доспехов и в красочной гамме*»[7]. «Логику» такой интерпретации мы считаем необходимым привести дословно: «*Кто же эти три всадника? Первый справа с сидящим позади него на крупе отроком —* ***несомненно*** (выделено нами — *Н.Д.*), *Георгий… Второй безбородый всадник, поражающий копьем дракона —* ***также*** (выделено нами — *Н.Д.*) *св. Георгий. Кто же третий — Димитрий или Прокопий?* ***Отсутствие атрибутов*** *у этого всадника* (выделено нами — *Н.Д.*) *и близость его облика* (при «некоторых различиях в украшении доспехов и в красочной гамме» — *Н.Д.*) *и позы к первому всаднику Георгию позволяет предположительно и в нем видеть св. Георгия, надежного защитника, готового придти на помощь. Если это так, то в изображении двух других* ***таких же*** (выделено нами — *Н.Д.*) всадников иллюстрируются совершенные Георгием подвиги чудесного заступничества…»[8].

Как видим, исследовательница вначале без всякой аргументации *постулировала* атрибуцию первого и второго всадников; затем *отсутствие (?) атрибутов* у третьего всадника именно и *предложила в качестве основания для его атрибуции*; и, наконец, *уже исходя из этого,* попыталась увязать всех трех всадников в единое сюжетное целое. Что же до выбора между *Димитрием* и *Прокопием*, результатом которого становится *Георгий*, то мы оставляем его без комментариев[9].

Однако то, что является «несомненным» для Е.С. Овчинниковой, не обязательно согласуется с мнением других исследователей. Так, по мнению В.Н. Лазарева, «*знаменитое «Чудо со змием является ни чем иным, как литературной переработкой*» эпизодов из житий

---

[6] Там же. С. 38—39. Существуют изображения св. Георгия, на которых он представлен во временной развертке — как бы во множественном числе и на основном поле (рис. 3) (См.: *Саенко Е.М., Герасименко Н.В.* Иконы святых воинов. Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М., 2008. С. 53, илл). Однако принцип «нумерического тождества» и здесь реализуется в мельчайших деталях.

[7] *Овчинникова Е.Г.* Вновь открытый памятник станковой живописи из собрания Государственного исторического музея // ВВ. 1976. № 37. С. 231.

[8] Там же.

[9] При этом исследовательница допускает откровенную передержку, интерпретируя О.И. Домбровского: «*Не могу согласиться с О.И. Домбровским в толковании остатков надписи под фреской «Трех всадников», связывающим слово «иссечены» с мучениками, погребенными в храме*» (См.: Там же, прим. 25). В действительности, О.И. Домбровский не только не *связывал* их, а, как раз *наоборот*, *сомневался* в правильности текста: «*Мы не знаем, насколько точным воспроизведением текста он* (В.В. Латышев — *Н.Д.*) *пользовался для своего перевода, в котором есть некоторая несообразность: «Иссечены и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов» (Иссечены мученики?)*» (См.: *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 39). Отметим попутно, что, в действительности, приводимый О.И. Домбровским перевод выполнен Н.Л. Эрнстом (См.: *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОАИЭ. Т. 3. Симферополь, 1929. С. 32) и лишь слегка отредактирован Н.И. Репниковым на основании перевода В.В. Латышева (*Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1—8. С. 108).

св. Феодора Тирона и св. Феодора Стратилата[10], которые *изображались в аналогичном изводе*». Практически дословно повторяет этот вывод В.Н. Лазарева и Н.В. Регинская[11]. Что же до «чуда с отроком», то на *прямую аналогию* ему (уже в иконографии св. Димитрия Солунского) указывает В.П. Степаненко[12], который одновременно отмечает, что «третий всадник менее выразителен и может быть *любым* из многочисленных святых воинов»[13].

И, наконец, попытка Е.С. Овчинниковой связать фреску «Трех Всадников» с достаточно многочисленными иконами, изображающими «двойное» чудо св. Георгия на основе никак не аргументированного утверждения о том, что на фреске эти два чуда якобы просто «*еще не слились воедино*», является совершенно неубедительной. Начать с того, что иконография «двойного чуда» была известна уже, как минимум, в XII столетии. Об этом свидетельствует рельеф на западной стене Поморийского монастыря св. Георгия в Болгарии[14] (рис.4). Но важнее то, что именно в обсуждаемом контексте пример иконографического типа св. Георгия с двойным чудом является в высшей степени неудачным. Ведь как раз в данном случае за счет *совмещения в единственном образе разных атрибутов одного и того же агиографического персонажа его «нумерическое» тождество доведено до возможной кульминации*.

Тем не менее, ряд исследователей с концепцией «тройного Георгия» склонен согласиться. Так, Н.Е. Гайдуков пишет: «*Е. Овчинникова в середине 1970-х гг. предположила, что на фреске изображены не три мученика, но три сцены из жития вмуч. Георгия [Овчинникова 1976, с. 230—232]. Пожалуй, на сегодняшний день эта версия* ***выглядит наиболее убедительной***»[15] (выделено нами — *Н.Д.*).

Подобного же подхода придерживается А.Ю.Виноградов: «*Три всадника на фреске понимались как трое святых и были* ***убедительно*** (выделено нами — *Н.Д.*), *на наш взгляд, интерпретированы Е.С. Овчинниковой как три изображения св. Георгия Победоносца: Георгий-защитник, Георгий-драконоборец и Георгий-спаситель [Овчинникова, 1976, с. 230—233]. К этому выводу приводит нас слово Η ΑΓΙΟΙ, «святые»…*»[16].

Удивительно, но и В.П. Степаненко, наглядно продемонстрировав, что, кроме св. Георгия с отроком-виночерпием, «*возможно и иное толкование*» образа правого всадника, в итоге возвращается к выводу, что «*перед нами тройное изображение св. Георгия*»[17] «*в трех его ипостасях: как триумфатора, драконоборца и «освободителя пленных*»[18]. Мотивирует это он следующим образом: «*Упоминание в надписи мучеников во множественном числе не*

---

[10] *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. Т. VI. М.,1953. С. 205.

[11] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец — герой—змееборец. Образ святого Георгия Победоносца в византийско-славянском искусстве. СПб, 2009. С. 50.

[12] *Степаненко В.П.* К иконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 454. К вопросу об изображениях св. Димитрия мы еще вернемся в соответствующей части нашей работы.

[13] Там же.

[14] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец… Илл. 59.

[15] *Гайдуков Н.Е.* Скрытая реликвия: столп—реликварий пещерного храма «Трех Всадников» близ городища Эски-Кермен // Спелеология и спелестология. Материалы международной научной заочной конференции. Набережные челны, 2011. С. 171.

[16] Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи / Мат. подг. А.Ю. Виноградовым // Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 125.

[17] К иконографии фрески… С. 455.

[18] Там же. С. 456.

противоречит этому, так как изображен мученик в трех деяниях и, соответственно, в трех иконографических типах»[19].

Трудно придумать более неестественное объяснение[20]. Ведь даже на чисто бытовом уровне человеку, разглядывающему не икону, а — по аналогии имен — альбом с фотографиями Георгия Жукова, *последовательно* представляющими его военную карьеру от унтер-офицера до маршала, никогда не придет в голову сказать, что на снимках изображены «Георгии» или даже просто «военные». Тем более не придет в голову верующему, рассматривающему Христологический или Богородичный фресковые циклы, утверждать, что на фреске изображены «Христы» или «Богородицы», ибо такое утверждение было бы откровенно кощунственным. В этой связи как нельзя более уместным представляется напоминание У. Эко о том, что «*Аристотель выстроил свои категории на основе грамматических категорий греческого языка*», поскольку «*мысль отождествлялась с ее естественным проводником*»[21]. И в этой связи необходимо отметить, что ***нам не известна ни одна икона или фреска с последовательными изображениями какого-либо единственного святого и сохранившейся подписью, на которой он был бы упомянут во множественном числе***. Ни один из сторонников гипотезы «троичного Георгия» такой аналогии тоже не привел. Слово «ΑΓΙΟΙ» во всех известных нам примерах применяется только к ***групповому*** (а не последовательному) изображению ***нескольких*** святых.

Поэтому интерпретировать *греческую* надпись, относящуюся к *сакральному* объекту, так, как это делают вышеупомянутые исследователи — вопреки ее внутренней — и грамматической! — логике, а также всем известным на сегодняшний день аналогиям, представляется нам совершенно недопустимым.

Однако, несмотря на все эти очевидные возражения, идея «троичного Георгия» из Эски-Кермена попала даже в современную «Православную энциклопедию», где она преподносится как доказанный факт[22].

Какова же причина подобных казусов? С нашей точки зрения, в данном случае произошло именно то, от чего еще в 1953 г. предостерегал В.Н. Лазарев: «*Не говоря уже о том, что в иконографическом методе содержание механически отрывается от формы, оно получает к тому же столь суженное и обедненное толкование, что* ***весь анализ сводится, строго говоря, к определению номенклатурного иконографического типа, живущего отвлеченной жизнью, никак не связанной с реальной действительностью*** (выделено нами — *Н.Д.*)… *Такая в корне неверная трактовка содержания средневекового искусства ничем не оправдана, поскольку последнее, как и любое искусство, сложилось на реальной исторической почве, в определенных общественных условиях, а потому и содержание его на различных этапах развития отражало различные идеологические установки*»[23].

Как раз попытки «определения номенклатурного иконографического типа» и создали в исследовании фрески «Трех всадников» практически тупиковую ситуацию, поскольку на крупе коня первого (правого) всадника, действительно, изображена маленькая человеческая

---

[19] Там же.

[20] Отметим, что в статье В.П. Степаненко содержатся и другие моменты, вызывающие недоумение. Так, он пишет, что «*церковь «Трех Всадников»… судя по* ***размерам*** (Прим. — *Н.Д.*), *возможно, была погребальным храмом*» (См.: Там же. С. 452), а прочтение надписи под фреской, приписываемое им В.В. Латышеву (с соответствующей литературной ссылкой!), как мы уже говорили, принадлежит Н.Л. Эрнсту.

[21] *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб, 2009. С. 20.

[22] Православная энциклопедия. Том X.: Второзаконие — Георгий. М., 2005. С. 683.

[23] Новый памятник… С. 221—222.

фигурка. Именно она стала поистине камнем преткновения для нескольких поколений исследователей, которым в качестве наиболее очевидной иконографической параллели этому образу представлялось «чудо св. Георгия с отроком». Как известно, суть его заключается в том, что некий отрок был похищен, продан в рабство и там служил виночерпием у местного вельможи[24]. Святой Георгий, явившийся по его молитве (или, в другой версии, по молитвам его родителей), избавил его от пленения и доставил домой. Вещественным доказательством *мгновенности* этого спасения являлся *сосуд с вином, оставшийся в руках у юноши* (по другой версии — еще горячий горшок с едой). Именно этот сосуд изображается на всех иконах «чуда Георгия с отроком» (в том числе и на иконах с «двойным чудом»).

Но *если* святым Георгием является первый всадник, *то* кто же изображен в центре композиции в типе драконоборца? Наиболее подходящей «кандидатурой» на эту роль могли быть св. Феодор Тирон или св. Феодор Стратилат. Но оба они традиционно изображались бородатыми. А.В. Мальгин и М.Р. Мальгина попытались обойти это препятствие, ссылаясь на плохую сохранность ликов, не позволяющую, по их мнению, точно определить наличие бороды у среднего персонажа[25]. Однако сложно отказаться от мысли, что подобный «маневр» был предпринят от безысходности.

Таким образом, дело вовсе не в «обоснованности» предположения о «троичном» Георгии, а в *установке* исследователей на то, что *других объяснений просто не существует, т.е.* это предположение носит не *катафатический*, а *скрыто апофатический характер*. Сделав только первый шаг и привязав правого всадника к образу «св. Георгия с отроком», далее они *вынуждены* были исходить уже не из того, кем *может*, а из того, кем *не может быть* второй святой. Атрибуция же третьего всадника, в свою очередь, навязывается уже внутренней логикой тождества первых двух.

Между тем, еще Н.В. Покровский указывал, что «*церковная власть не только не предлагала каких-либо руководственных правил по иконографии, но и не протестовала против нововведений*»[26], причем «*…доля иконографической свободы в византийском искусстве была значительно выше, чем в древнерусском…*»[27]. Что же до академика РАН В.Д. Сарабьянова, то он и вовсе полагает, что «*…История художественной культуры — и, прежде всего, средневековой — убеждает в том, что высшие точки в развитии церковного*

---

[24] Данное сказание существует в нескольких вариантах (Православная энциклопедия 2005. С. 669), что для дальнейшего хода рассуждений непринципиально. В обсуждаемом контексте наибольший интерес для нас представляет рассказ, сохранившийся в изложении монаха Космы («Чудо о сыне попове»). Сын священника из церкви св. Георгия, Филофей, захваченный арабами, в день памяти Георгия нес вино хозяину, по дороге молясь великомученику об избавлении от плена, и почувствовал, как его подняло и перенесло в алтарь храма, где его отец совершал литургию. В руках юноши остался мраморный сосуд (См.: Там же).

[25] *Мальгин А.В.*, *Мальгина М.Р.* К вопросу об интерпретации фрески «Храма трех всадников» в Эски-Кермене (по материалам фонда А.Л. Бертье-Делагарда архива Крымского республиканского краеведческого музея) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1993. № 2. С. 6.

[26] *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 17.

[27] *Бусева-Давыдова И.Л.* О свободе средневекового искусства: художник и иконографическая традиция // Церковное искусство, его восприятие и преподавание. Материалы Всероссийской конференции с участием зарубежных специалистов. Москва, 11—12 мая 2006 г. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2007. С. 160.

искусства возникают там и тогда, где и когда канон соединяется с новыми художественными открытиями и сам в какой-то мере меняет свой облик»[28].

Поэтому вышеупомянутый апофатический подход к анализу фрески «Трех Всадников» представляется нам необоснованным. Выйти из этого «заколдованного круга», расширив сюжетный диапазон, в свое время попытались О.И. Домбровский и Э.М. Корхмазян, однако и эти попытки вряд ли можно считать удачными.

«*Фигурка мальчика без нимба на одном коне со святым-воином встречается в иконописи редко. Она появляется в разное время, но только в эпоху зрелого средневековья, во всяком случае, не ранее XII—XIII вв. Такая деталь почти никогда не имеет отношения к деяниям самого святого. Мальчик, сидящий за его спиной и держащийся за луку седла — просто паж, фигура довольно обычная во всей средневековой Европе. Присутствие такого пажа на иконе означает принадлежность данного святого воина к рыцарскому сословию*», — писал О.И. Домбровский[29]. При этом он ссылается на то, что «*Н.В. Покровский усматривает пажа в одном из персонажей несколько более поздней иконы Георгия Победоносца, хранящейся в Русском музее*»[30]. По указанной им ссылке Н.В. Покровский, действительно, упоминает «*икону св. Георгия Победоносца на коне с пажом*»[31]. К сожалению, достаточно одного взгляда на репродукцию этой иконы, чтобы убедиться, что на ней изображен как раз «Георгий с двойным чудом» — на это ясно указывает отлично видимый сосуд для вина в руке отрока[32] (рис. 5). Таким образом, утверждение О.И. Домбровского о том, что «*такая деталь почти никогда не имеет отношения к деяниям самого святого*», попросту не выдерживает критики, как и о том, что «*фигурка мальчика без нимба на одном коне со святым-воином встречается в иконописи редко*». Ведь только в упоминавшейся нами монографии Н.В. Регинской приводится 12 таких изображений[33].

Э.М. Корхмазян высказала предположение, что эта гипотеза О.И. Домбровского явилась «*следствием того, что в русской житийной литературе отсутствует сказание о святом воине Сергии (Саргисе) и его сыне Мартиросе*», принявших мученическую смерть при Юлиане—отступнике[34]. Святой Саргис изображается в виде всадника со своим сыном, сидящим позади него на крупе лошади[35].

Однако, согласно этой же работе, св. Саргис «*не был признан православной церковью в качестве святого, и сказания о нем нашли место в основном в церковной обличительной литературе», а «греки не только не принимают Саргиса за мученика, но «даже причислили его к категории ересиархов и всячески проклинают»*»[36]. Поэтому Э.М. Корхмазян вполне справедливо отмечает, что «*изображение св. Саргиса и его сына Мартироса могло*

---

[28] *Сарабьянов В.Д.* Приветствие участникам конференции // Церковное искусство, его восприятие и преподавание. Материалы Всероссийской конференции с участием зарубежных специалистов. Москва, 11—12 мая 2006 г. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2007. С. 8.

[29] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 39.

[30] Там же. С. 106, прим. 32.

[31] *Покровский Н.В*. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916. С.193.

[32] Там же. С. 193, рис. 383.

[33] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец… Илл. 16, 54, 57, 59, 62, 80, 87—91, 188.

[34] *Корхмазян Э.М.* О фреске «Трех всадников» в Эски-Кермене // Исследования по арменистике в Украине. Симферополь, 2008. Вып.1. С. 44.

[35] Там же. С.45.

[36] Там же.

появиться на фреске Трех всадников лишь в том случае, если бы она создавалась в определенной армянской среде». И далее следует утверждение — вообще говоря, требующее доказательств — о том, что «*подобная среда там действительно существовала*», с дальнейшим плавным переходом к тому, что среди армян были и халкедониты[37]. Но ведь уже само *халкедонитское* происхождение фрески опять-таки автоматически исключало бы присутствие на ней св. Саргиса. А объявить фреску «Трех Всадников» произведением последователей Армянской Апостольской Церкви, насколько нам известно, не решился еще ни один исследователь. Поэтому присутствие в храме «Трех Всадников» образа св. Саргиса представляется нам невероятным.

Весомый вклад в интерпретацию фрески внесли А.В. Мальгин и М.Р. Мальгина, высказавшие два очень важных утверждения: 1) что содержание фрески «*может быть интерпретировано без обращения к особенно экстравагантным предположениям*»; и 2) что прежние «*попытки истолкования смысла изображения основывались на одном ошибочном предположении, а именно — в сидящей на крупе коня позади святого фигурке видели мальчика, отрока-оруженосца, что существенно затрудняло поиски агиографического источника изображения. В действительности же перед нами, несомненно, изображение взрослого человека, фигура которого в соответствии с каноном просто меньше фигуры святого по размеру*»[38].

Мы не считаем возможным столь категорично отвергать версию об *отроке*, однако полагаем, что данные авторы правы в главном. Перед нами действительно может быть равным образом и изображение *взрослого* человека, фигура которого, в соответствии с каноном, просто меньше фигуры святого по размеру, чему примером служат, в частности, изображения ктиторов из расположенного неподалеку от церкви «Трех Всадников» храма «Донаторов». Однако, с нашей точки зрения, возраст седока важен не сам по себе, а лишь постольку, поскольку он *разрушает стереотип* «чуда с отроком-виночерпием».

Дело в том, что мы заметили несоответствие между иконографическим типом «чуда Георгия с отроком», прорисью О.И. Домбровского и его же словесным описанием фрески «Трех всадников». На прориси в руке заднего седока *нет сосуда*, хотя его корпус повернут, а рука отведена в сторону в точности как на упомянутых иконах «чуда с отроком» (рис. 2). В то же время в описании сказано, что «*на крупе лошади первого всадника сидит,* ***держась за седока*** (выделено нами — *Н.Д.*), *мальчишеская фигурка*»[39]. Изучение фотографии в книге О.И. Домбровского[40] и литографии из альбома графа Уварова[41] (рис. 6), несмотря на их плохое полиграфическое качество, дало нам основание предположить, что правильно именно словесное описание фрески. Поэтому мы выполнили контрольное фотографирование фрески. Правда, И.Г. Волконская пишет, что в настоящее время разглядеть фигуру за первым всадником «*практически невозможно*»[42]. Но анализ фотоснимка (рис. 7) показал обратное и подтвердил наши предположения об отсутствии оснований (по крайней мере, в настоящее время, учитывая плохую сохранность изображения и его неоднократные поновления) к отождествлению четвертого персонажа фрески с отроком-виночерпием. Это заставило нас

---

[37] Там же.
[38] *Мальгин А.В.*, *Мальгина М.Р.* К вопросу об интерпретации фрески… С. 5.
[39] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 34—35.
[40] Там же. С. 37, рис.18.
[41] [*Уваров А.С.*] Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова. СПб., 1851. Табл. LIII.
[42] *Волконская И.Г.* Фрески пещерных храмов Эски-Кермена. С. 294.

уделить более пристальное внимание его роли в *общей концепции* фрески. Ведь до сих пор, как мы видели, в глазах исследователей он выполнял всего лишь второстепенную роль и в лучшем случае помогал определить иконографический тип своего святого «носителя». А уже отсюда исследователи пытались делать обобщения относительно содержания фрески в целом, причем говорить о *мотивированности* этих обобщений можно только с большой натяжкой.

Так, О.И. Домбровский писал: «*Ввиду всего сказанного мы допускаем толкование фрески трех всадников как памятника какого-то военного столкновения, видимо, настолько серьезного, что некоторые его участники были приравнены к самому святому Георгию — общему патрону всех защитников отечества.* ***Трудно удержаться от догадок*** *(*выделено нами — *Н.Д.), подсказываемых подобной ситуацией. Всадники справа и слева от Георгия могли (прямо или косвенно) являться образами местных героев, считавшихся святыми и погребенных в данном мартирии. При этом возможно, что правый всадник с мальчиком (может быть, не причисленным к лику святых из-за своего несовершеннолетия) принадлежал к военной знати, а левый был его дружинником*»[43]. В.П. Степаненко полагает, что, «*быть может, появление последнего сюжета было связано с татарскими набегами на Юго-Западный Крым, когда «освобождение плененных» стало предельно актуальным*»[44].

В этой связи уместно напомнить, что, во-первых, религиозный человек приходил в храм не для патриотического воспитания в *современном* понимании этого слова, а, в первую очередь, для *молитвы*. «*Обеспечение участия в Литургии — вот единственная цель храмового пространства, и ради этого в нем собираются молящиеся.* ***Таково значение и образов, внутри этого пространства представленных. И их интерпретация возможна исключительно через Литургию*** (выделено нами — Н.Д.)»[45].

А, во-вторых, *богословское содержание* (или, в терминологии В.Н.Лазарева, «*идеологические установки*») стенной росписи безо всяких «догадок» известно нам совершенно *достоверно*, хотя и не в полном объеме. Оно *эксплицитно* выражено в уже упоминавшейся нами *подписи* под фреской.

Текст этой подписи выглядит следующим образом: «*Вырублено и расписаны эти святые Христовы для спасения души и отпущения грехов…*»[46]. К сожалению, сейчас на этом надпись обрывается. Поэтому ее содержание зачастую воспринимается искаженно, просто как констатация самого факта росписи, а в некоторых источниках вместо полагающегося здесь многоточия и вовсе ставится точка. Однако на литографии из альбома графа А.С.Уварова хорошо видны разрушения надписи, вызванные стекавшей из окна водой (рис.6), а по подсчетам скрупулезного А.Л. Бертье-Делагарда, «*далее еще 1 ар[шин] 12 в[ершков] надписи было, т.е. около 18 букв*»[47]. «*Надпись не оставляет сомнений в вотивном характере фрески и самого храма*», пишет О.И.Домбровский[48]. В.В.Латышев полагал, что «*в*

---

[43] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 40—41.

[44] *Степаненко В.П.* К иконографии фрески храма «Трех всадников»… С. 456.

[45] *Ванеян С.С.* Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М., 2010. С. 453.

[46] Подробнее об этом см. нашу совместную с М.М. Чорефом статью в настоящем сборнике (См.: Днепровский Н.В., Чореф М.М. К вопросу о местонахождении надписи, обнаруженной В.И. Григоровичем в округе Черкес-Кермена // МАИАСК. Севастополь—Тюмень, Вып. V. 2013. С. 187—194).

[47] *Бертье-Делагард А.Л.* Заметки к христианским надписям из Крыма (В.В.Латышев). Рукопись. Научные фонды ЦМТ, архив А.Л. Бертье-Делагарда. Оп. 5. Д. 11, Л. 4.

[48] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 40.

несохранившейся части надписи, без сомнения, было названо имя устроителя храма (или имена устроителей, если их было несколько) и, вероятно, обозначено было время его устройства»[49]. Н.Л. Эрнст считал, что «*в несохранившемся конце надписи стояло, вероятно, имя донатора и дата*»[50]. В трактовке А.Ю. Виноградова, «*имя дедиканта не сохранилось, но размер лакуны позволяет предположить, что в надписи было указано не только имя вместе со стандартным выражением «раб Божий», но и статус посвятителя*»[51]. Н.Е. Гайдуков и вовсе считает надпись «*эпитафией*» [52].

Как видим, все исследователи сходятся на том, что святые всадники были изображены не «вообще», а во имя спасения души и отпущения грехов конкретного жителя Эски-Кермена — ктитора (ктиторов) или усопшего (усопших). Однако по поводу того, что это был за человек (или люди), среди них нет единства точно так же, как и по поводу самих всадников.

Ситуация в этом отношении представляется безвыходной, однако безвыходность эта — кажущаяся, и вызвана она *не объективными причинами, а различием в социокультурных парадигмах*.

Мы неоднократно подчеркивали, что человек как существо *социальное* живет не только в мире *вещей*, но и в мире *символов*[53]. Но, что особенно важно в обсуждаемом контексте, именно «*с помощью образов и символов человек познает исторический процесс… Для правильного познания человеком исторического процесса парадигмальные образы должны восприниматься без энантиодромии, то есть без искажений*»[54]. Между тем, при изменении социокультурной парадигмы некоторые символы как бы становятся «невидимыми», ибо теряют свое *символическое наполнение*. Так, деньги после денежной реформы превращаются в обычные бумажки, а *чтимая* икона, перенесенная в музей, становится всего лишь произведением *изобразительного* искусства, причем ее художественные достоинства далеко не всегда оказываются соответствующими масштабу ее былого почитания. Что же касается византийской эстетики, то символ в ней играет роль станового хребта со времен Псевдо-Дионисия[55].

Понимание этого обстоятельства позволяет если не *пережить*, то хотя бы правильно *представить* себе это символическое наполнение[56].

---

[49] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 48.

[50] *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма. С. 32.

[51] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей... С.125—126.

[52] *Гайдуков Н.Е.* Скрытая реликвия: столп—реликварий пещерного храма… С. 171.

[53] *Днепровский Н.В.* История с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики // МАИАСК. Севастополь—Тюмень, 2012. Вып. IV. С. 194, прим.1. Действительно, «*Конструирование картины мира значительно облегчается благодаря способности людей пользоваться символами… В некоторых обстоятельствах, однако, эти символы могут заставить людей вступить в священную войну, предпринять опасное паломничество, участвовать в отвратительном линчевании или погибнуть, героически защищая безнадежное дело»* (См.: *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 105).

[54] *Масаев М.В.* Гносеологическое измерение структуры парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2006. №118. С. 110.

[55] *Ćurčić S., Hadjitryphonos E.* Architecture as Ikon. Perception and Representation of Architecture in Byzantine Art. Princeton, 2010. P. 7.

[56] Именно поэтому в советское время было наложено строжайшее табу на любые попытки реконструкции религиозного мировоззрения. И это по-своему логично, ибо *полноценная*

Другими словами, вовсе не обязательно *соглашаться* с логикой средневекового мышления, но если необходимо реконструировать *смысл* образного строя, порожденного этим мышлением (как в случае росписи храма «Трех Всадников»), то иного пути, кроме *понимания* этой логики, не существует. Ведь, как отмечает руководитель иконописной мастерской Александро-Невской Лавры Д.Г. Мироненко, «*иконография по широте угла исследования соединяет богословие, искусствознание, культурологию и собственно иконописную практику, призванную претворить богословские догматы в конкретные, зримые очертания*»[57]. «*При этом, в отличие от современного художника, свободно отделяющего технику и технологию от образа, иконописец относился и к технологии, и к творчеству как к единому, неделимому целому*»[58]. Поэтому «*Историк искусства не может обойтись без анализа того содержательного начала, которым проникнуты сакральные образы; их богословская расшифровка должна составить органическую часть анализа*»[59].

Но если искусствоведческий анализ фрески «Трех Всадников», а также исследования конкретных приемов и техники ее исполнения в литературе представлены достаточно полно[60], то *богословский* анализ ее *целостного* содержания оставляет желать много лучшего.

Дело в том, что, если изображения святых воинов хотя бы *представляются* светскому исследователю достаточно *наглядными* для анализа (насколько это соответствует действительности — другой вопрос), то большая (и *наиболее значимая*) часть подписи под фреской, относящаяся к чисто богословским категориям («спасение души» и «отпущение грехов»), не вызывает у него вообще никаких *визуальных* ассоциаций, т.е., по сути, становится для него «*невидимой*». А, следовательно, если у средневекового агиографа такие ассоциации были и он воплотил их в визуальном символическом строе фрески, то вероятность их *правильной* дешифровки сегодняшним неподготовленным зрителем ничтожно мала. Эти образы будут не *расшифрованы*, а *перетолкованы в рамках его нынешней социокультурной парадигмы*. В частности, как отмечал А.Е. Мусин, в советское время «*атеистическая убежденность, объективно препятствовавшая проникновению в церковную традицию, нередко приводила талантливых ученых к неверным выводам и интерпретациям*»[61].

Поэтому напомним, что если сознание *современного* человека, сформированное в еще эпоху Просвещения, привязывает его телесную оболочку к пространству *физическому*, то существенным свойством *религиозного* сознания является так называемое «*удвоение* реальности». Для человека средневековья, как и вообще для человека глубоко религиозного, помимо нашей реальности существовала (и существует) еще иная Реальность — Реальность иной, вечной жизни — Реальность «неотмирная». Эта Реальность существует не во времени, а в вечности, и имеет пространственную структуру, свойства которой принципиально отличны от свойств нашего пространства. Но имеется совершенно особенное место — храм. Именно здесь эта иная, трансцендентная Реальность таинственным образом

реконструкция вполне могла стать и первым шагом к реставрации, поскольку требует «вживания в образ».

[57] *Мироненко Д.Г.* Иконография святого Александра Невского. Автореф. диссер… канд. искусствовед. СПб, 2013. С. 3.

[58] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец… С. 78.

[59] *Сарабьянов В.Д.* Приветствие участникам конференции… С. 9.

[60] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 34—42; *Волконская И.Г.* Фрески пещерных храмов Эски-Кермена… С. 293—296; *Волконская И.Г.* Эски-керменские фрески... С. 223—225.

[61] *Мусин А.Е.* К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии // Археологические вести. СПб., 1993. № 2. С. 150.

«транспонируется» или «проектируется» на *наш* пространственно-временной континуум[62]. При этом формируется особое пространство, элементы которого в вещественном смысле принадлежат миру физическому, а в символическом смысле пространству «неотмирному». Именно эта последняя, *символическая*, структура храмового пространства от светских исследователей, как правило, ускользает. Если же для них она и присутствует, то обычно в неявном виде иконографической программы росписи храма.

Проблема состоит в том, что как раз в храме «Трех всадников» такая целостная программа росписи отсутствует. Поэтому исследователи *теряют ощущение контекста* и оказываются тет-а-тет с единственной фреской, прямых аналогий которой найти к тому же пока что не удается[63]. Нет ничего удивительного в том, что они просто вынуждены анализировать фреску изолированно, в отрыве от остального храмового пространства. С этим и связаны все трудности в ее интерпретации, причем не помогает даже пояснительная надпись.

Однако программа *росписи* является лишь одним и, более того, отнюдь не главным способом «маркирования» координат вышеуказанной «проекции» Неотмирного в наш мир. В первую очередь подобное «маркирование» осуществляется средствами *литургической планировки* храма и символической нагрузкой расположенных в нем *литургических устройств*. В свою очередь, *литургическая планировка* храма фиксируется разбиением его на определенные *архитектурные* объемы (нартекс—наос—алтарь). *Литургические же устройства* внешне оформляются в виде того, что у искусствоведов получило наименование «*малых архитектурных форм*». Однако важно понимать, что оба эти способа (архитектурный и стенописный) «изобразительно» (по выражению св. Симеона Фессалоникийского) репрезентируют *одну и ту же* «неотмирную» Реальность. Не случайно авторы монументальной работы «Архитектура как икона» подчеркивают, что архитектура отличалась от иконописи лишь совмещением этой репрезентации еще и с функцией предоставления физического пространства для членов общины[64]. Это дублирование

[62] Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что все попытки подобной интерпретации более чем условны. Точнее было бы сказать, что с этим континуумом *таинственным* (мистическим) образом *становится единой* иная, трансцендентная Реальность. Но понять, *как* происходит это соединение, человеку не дано по определению. А поскольку значительная часть наших рассуждений посвящена храмовому *пространству*, мы полагаем *метафору* «проекции» методологически оправданной, беря при этом слово в кавычки для указания как раз на его метафорический характер.

[63] О.И. Домбровский полагает, что «*близкой аналогией фреске трех всадников является приводимая Алпатовым фреска Георгия и Федора в Каранлех-Килисе (Каппадокия), отнесенная к XI в.*» (См.: *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 37, 106, прим. 29). В действительности иллюстрация из статьи М.В. Алпатова (рис. 8), на которую ссылается О.И. Домбровский (См.: *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // ТОДРЛ. М. — Л., 1956. Т. XII. С. 247, рис.1), изображает фреску из Йыланлы-Килисе близ Гереме (или, по номенклатуре М. Рестле, «часовни № 28») (См.: *Restle M.* Byzantine Wall Painting in Asia Minor. Recklinghausen, 1967. P. II. Pl. 246, 247), на что нам любезно указал С.В. Харитонов. Мы также приводим это изображение в более совершенном полиграфическом исполнении (рис. 9). Из приведенных иллюстраций видно, что, если какие-то параллели между фресками «часовни № 28» и храма «Трех Всадников» и существуют, то лишь с точки зрения художественно-стилистических особенностей, но никак не с точки зрения общей композиции, а два из четырех персонажей фрески «Трех Всадников» в стенописи Йыланлы-Килисе просто отсутствуют. Все это хорошо иллюстрирует действительную степень изученности вопроса.

[64] Ćurčić S., Hadjitryphonos E. Architecture as Ikon. P. 7.

информации и позволяет нам попытаться восстановить утерянный *богословский* контекст фрески, поскольку *иконографический* контекст восстанавливается через *архитектуру* точно так же, как и через программу храмовой *росписи*. С *внешней* — искусствоведческой точки зрения это означает, что в данном случае образный строй фрески не может быть понят *вне целостного архитектурно-стенописного анализа храмового пространства*[65].

Более того, храм вообще может не быть расписан, и от этого, хотя бы и потеряв нечто в смысле *эстетическом*, в религиозном сознании он не потеряет *ничего*. Ибо храм становится храмом в тот момент, когда освящается его *престол*. Именно он является главным *смысловым центром* любого храма.

Следовательно, в храме «Трех Всадников» мы имеем, по крайней мере, два несомненных *смысловых центра — архитектурный (престол)* и *стенописный*[66] *(фреску),* причем композиционным центром последней, казалось бы, является *средний* всадник. Однако стоит нам попытаться рассмотреть *взаимодействие* этих центров, как мы столкнемся с удивительным феноменом. В композиционном центре всей *объединенной* композиции совершенно неожиданно оказываются *северная арка алтаря* и буквально упирающийся в нее образ *первого всадника с фигуркой седока позади него* (рис. 10, 11)[67]. При этом фигурка еще и совершенно точно *сцентрирована по вертикали*, а непосредственно *рядом с ней* в стене вырублено окошко—люминарий. Другими словами, четвертый персонаж фрески, который до сих пор считался не более чем «живым атрибутом» святого Георгия или же (как полагал О.И. Домбровский) *просто* «пажом», вдруг оказался в *смысловом «центре тяжести» всего храма*.

Трудно представить себе, чтобы это было случайным совпадением. Ведь «*в Литургии, в акте пресуществления Св. Даров, происходит сущностная трансформация одного плана бытия в иной — в самом строгом смысле оживление символа, превращение образа в свой прообраз. В алтаре происходит не только соединение двух миров, причащение мира этого Миру Тому, но и явление Неба в этом мире. Поэтому всякий храм можно рассматривать как структуру созерцания видения, и это созерцание направлено на алтарь*»[68]. Но ведь и фреска/икона есть ни что иное, как созерцание видения! А «подлинная иконография — это

---

[65] На Западе подобный подход уже давно не вызывает сомнений. Так, разбирая мозаики церкви Сан-Клементе в Риме, С. Синдинг-Ларсен подчеркивает, что «*выяснение подлинного смысла мозаик связано с учетом их… «физической, или, лучше сказать, пространственной соотнесенности с алтарем»*» (См.: *Ванеян С.С.* Архитектура и иконография… С. 475). Сравнительно недавно аналогичный подход стал использоваться и в исследованиях по иеротопии: «*Содержательный, а не риторический характер имеет понятие «пространственных икон». Речь идет об особой категории иконических образов, которые возникали не как изображения на плоскости, но как сознательные проекты конкретной пространственной среды. Это интереснейшее явление лишь недавно стало предметом исторического изучения*» (См.: *Лидов А.М.* Вращающийся храм. Иконическое как перформативное в пространственных иконах Византии // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М., 2011. С. 27).

[66] Мы намеренно не употребляем термин «живописный», поскольку *живопись отображает наше пространство иллюзорно*.

[67] Теснота пещерного храма не позволяет отразить это на фотографии, однако это хорошо отражено на гравюре из книги Телфера (рис. 11) (См.: *Митрополит Лазарь (Швец), Шорохова Т.С.* Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве. Симферополь, 2012. С. 263).

[68] *Ванеян С.С.* Архитектура и иконография… С. 730.

механизм порождения образов»[69]. Поэтому нам представилось целесообразным заново рассмотреть *всю* вышеупомянутую композицию именно с целью выявления этого механизма, *а для того, чтобы наше исследование не выглядело «подгонкой под результат», вначале выработать методологию такого исследования*.

В.Н. Лазарев убедительно показывает, что иконография конкретного святого не есть нечто застывшее, и что всегда есть «*возможность протянуть нити от рождения нового иконографического типа к тому реальному иконографическому окружению, в условиях которого этот тип сложился*»[70]. По сути дела, о том же самом (и это при том, что с В.Н. Лазаревым он полемизирует) пишет и М.В. Алпатов: «*реальностью, больше всего отразившейся в легенде, стала историческая жизнь народов, поэтически претворенная ими в легендах о Георгии и в его изображениях*»[71].

Другими словами, для адекватности «созерцания видения» символический язык последнего должен быть или взят *из жизни,* или иметь готовый *иконографический прототип*. Исследователям хорошо известны сюжетные или иконографические заимствования при формировании нового иконографического типа. В противном случае, как мы уже говорили, эти символы просто станут для созерцателя «невидимыми» или будут интерпретированы неверно. Так, Э.С. Смирнова указывала, что при создании образа Бориса и Глеба «*одна из трудностей, стоявших перед русскими иконографами, заключалась в отсутствии прямых моделей, в соответствии с которыми можно было бы создавать новые изображения*»[72]. Что же касается интересующей нас иконографии св. Георгия, то М.В.Алпатов, со ссылкой на Й. Стржиговского, отмечал, в частности: «*Не исключена возможность, что изображение Георгия в качестве всадника сложилось под воздействием изображений других народных героев-всадников… Это обязывает исследователя иконографии Георгия не забывать о том, как развивались образы других "святых воинов"*», и дает ему право пользоваться ими в качестве вспомогательного источника[73].

Сразу же отметим очень важное логическое следствие из этого утверждения. Ведь если на формирование образа *Георгия* повлияли изображения *других* агиографических персонажей, то вполне логично допустить, что эволюция образов на этом не завершилась, и *теперь уже образ Георгия (в частности, в варианте «чуда с отроком»), в свою очередь, мог послужить прототипом для иконографии других святых*. Как мы увидим далее, это допущение нашло себе конкретное подтверждение.

Но и этого мало. Для того, чтобы образ был не просто воспринят, но и вызвал активную внутреннюю реакцию, он должен затрагивать что-то в глубинных пластах сознания зрителя: «*процесс мифотворчества… есть ни что иное, как трансформация архетипов в образы, «невольные высказывания о бессознательных душевных событиях» на языке объектов внешнего мира… Тайна воздействия искусства, по Юнгу, состоит в особой способности художника почувствовать архетипические формы и точно реализовать их в своих произведениях*»[74]. Понятно, что именно к религиозному искусству это должно относиться в наивысшей степени.

---

[69] Там же. С.109.

[70] *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII века… С. 203.

[71] *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. С. 292.

[72] *Смирнова Э.С.* Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и русской традиции//Русь и Византия. Тезисы докладов XVIII научной сессии византинистов. М., 2008. С. 119.

[73] *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. С. 194—295.

[74] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец… С. 11.

Поэтому для начала 1) попытаемся *непредвзято описать* интересующую нас *архитектурно-стенописную* композицию с проверкой на психологическую достоверность для *повседневного* или *архетипического* восприятия. Затем 2) проверим ее «бритвой Оккама» на отсутствие «лишних сущностей» или, говоря словами А.В. и М.Р. Мальгиных, «обращения к каким-либо экстравагантным предположениям», т.е. на *каноничность,* чтобы избежать очередных «догадок» в стиле О.И. Домбровского. И только после этого 3) попытаемся дать ей *богословскую* интерпретацию.

1) Итак, на уровне *непосредственно*-изобразительном мы видим *образы* святых всадников в колонне, *как бы* въезжающей через северную арку в *алтарь*, причем их позы ясно указывают, что «въезжают» они в колонне *триумфальной*. Эту триумфальную колонну возглавляет всадник с седоком за спиной — другими словами, седок *со-возглавляет* триумфальное шествие, но не как равноправный победитель, а как человек, которому оказывают *помощь* (или даже как *спасенный*), ибо только в этом случае на *боевого* коня могли возложить *дополнительную нагрузку*. Триумфальному шествию пытается *помешать змей*, желающий дотянуться до седока на крупе лошади *переднего* всадника. Поэтому *средний* всадник *отгоняет* змея — точно так же, как сейчас едущий в колонне велосипедист отгоняет собаку, пытающуюся укусить едущего впереди товарища и помешать ему въехать во двор дома. Причем, если прорись О.И. Домбровского в этом месте верна, то не пронзает, а именно *отгоняет*, угрожая копьем. Именно так, самым *естественным* образом, объясняется *изменение* триумфальной позы второго всадника. Именно такой *нарочито приземленный* образ позволяет понять, как *рождались в сознании* вполне *бытовые ассоциации*, порождавшие, в свою очередь, уже *реалии иконографические*[75]. Таким образом, на уровне *бытового* сознания образный строй фрески *психологически мотивирован* и полностью соответствовал *реалиям эпохи*. Следовательно, этот образный строй мог быть созерцательно *воспринят* без каких-либо затруднений, ибо *в его структуре не было «невидимых» символов*.

2) На уровне *иконографическом* изображение первого всадника с седоком на крупе коня, полностью отвечая *бытовым* реалиям эпохи, в то же время имело и прямые *иконографические прототипы*, в частности, «чудо с отроком Филофеем», в ходе которого спасенный был доставлен в *алтарь* к своему *отцу*, служившему *Литургию*. Поза второго всадника также является абсолютно *канонической*, о чем говорят многочисленные изображения св. Георгия, св. Димитрия и св. Феодоров. То же можно сказать и о позе третьего всадника.

Следовательно, стенопись храма «Трех всадников» по своей сути ни в одном пункте не противоречит канону. Более того, она практически набрана из готовых иконографических «модулей» (мы намеренно не употребляем слово «сюжет», которое подразумевает *единство* формы и содержания — мы же пока говорим только об изобразительном *языке*), а среди ее символов не было «запрещенных» (что опять-таки сделало бы их «невидимыми» для ортодоксального восприятия).

3) Это *формальное* соответствие канону, в свою очередь, дает нам полное основание полагать, что богословское *содержание* композиции также было *ортодоксально-*

---

[75] Эта «нарочитая приземленность» образа не является, однако, синонимом его смысловой или ценностной редукции. Показательно, что «*на многих восточнославянских примитивных изображениях змей-дракон из страшного, свирепого чудища превратился в крылатую собаку. Тело животного уплотнилось, стало округло, морда, нос, уши приобрели характерный для собаки вид*» (См.: Там же. С. 93). Более того. «*В русской народной традиции Георгий выступает также и как покровитель домашнего скота… Кроме змей, Георгий отгоняет от скота и волков, которых нередко называют* ***его собаками*** (выделено нами — *Н.Д.*)» (См.: Там же. С. 94).

православным, не содержало «невидимого» контента и что, следовательно, оно могло быть не только легко *воспринято*, но и верно *интерпретировано*. Следовательно, оно достаточно легко подлежит расшифровке, говоря словами А.В. и М.Р. Мальгиных, без обращения к каким-либо экстравагантным предположениям[76]. Насколько нам известно, попыток *богословской* интерпретации *общего* содержания данной архитектурно-стенописной композиции до нас не делал ни один исследователь[77].

В этой связи нелишним будет еще одно предварительное замечание. Как известно, фреска и икона — это не картины. Картина *имитирует* наш, физический мир. Наивысшим достижением живописи эпохи Возрождения считалось такое изображение перспективы, при котором проекция нашего трехмерного пространства на картинную плоскость создавало *иллюзию продолжения* самого этого пространства. Поэтому вполне правомерны определенные *опущения* при *словесном* описании такой картины. Например, фраза «всадники

---

[76] Этот логический переход на первый взгляд может вызвать возражения. Ведь, казалось бы, «*мы утратили способность думать и чувствовать по-средневековому, и достижения Средних веков — неразрешимые и чуждые загадки*» (См.: *Ванеян С.С.* Архитектура и иконография… С. 62). Однако «*проблема непознаваемости ушедшей исторической эпохи разрешается именно средствами сакрального и, подчеркиваем, обрядового символизма… Фактически, символизм — это не только богослужебный способ распространения церковного учения, но и средство, инструмент хранения, передачи и воспроизведения в акте понимания того или иного содержания. И потому это не только догматически-богословская ветхо- и новозаветная тематика, но и содержание мыслей, чувств и переживаний всех пользователей этого символизма независимо от исторического времени*» (Там же. С. 64). Еще раньше о том же самом писал А.Е. Мусин: «*…изучение гуманитарных проблем связано не только с рациональным познанием, а и с интуитивным приобщением. Это предполагает знание сущностных характеристик христианской культуры и церковного предания. Одна из существенных особенностей археологического источника — разрыв в традиции, в этом случае перестает быть препятствием к извлечению из него археологической информации и претворения ее в информацию историческую*» (Мусин А.Е. К вопросу о перспективах изучения… С. 150). Не случайно именно знакомству с обрядовым символизмом и чинились в советское время наибольшие препятствия.

[77] Как известно, впервые сделал попытку связать сюжет фрески с особенностями планировки самого храма О.И. Домбровский: «*Характер фрески, изображающей трех святых-воинов на конях, становится особенно интересным, если ее содержание поставить в связь с устройством самого храма. Из двух могил-костниц, вырубленных в его полу, одна находится непосредственно под фреской и достаточно велика, чтобы вмещать не менее двух погребенных. Вторая могила расположена при входе в храм и миниатюрна по размерам, как если бы она предназначалась для* ***костей*** (выделено нами — *Н.Д.*) *ребенка. Это некоторым образом перекликается с изображением мальчика, сидящего на крупе коня переднего всадника*» (См.: *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 36). Делая предположение о том, что «*оригинальная планировка храма*» была вызвана тем, что «*могилы в нем могли являться объектом поклонения, храня останки каких-то местных мучеников*» (См.: Там же), он далее продолжает: «*если бы стало известным, что в детской могиле был похоронен какой-то мальчик, можно было бы считать почти доказанной прямую связь между этим погребением и фигурой пажа на крупе коня правого всадника*» (См.: Там же. С. 39). Но, как видим, назвать этот анализ «богословским» нельзя даже с натяжкой. Это и неудивительно, поскольку этот анализ делался с единственно допустимой в то время идеологической целью — продемонстрировать (по крайней мере, формально-декларативно), «*как церковь похищает у народа его героев, бойцов освободительных битв с поработителями-кочевниками*», «*возвеличивает и канонизирует павших героев, но в то же время искажает историческую действительность и превращает их в глазах верующих людей в защитников и стражей феодального строя*» (См.: Там же. С. 101).

скачут по дороге» вполне логична и понятна. Однако уже фраза Н.И. Репникова «*всадники… едут по направлению к алтарю*»[78] *неверна принципиально*, ибо святые воины находятся в *иной, нездешней* реальности, алтарь же — это всего лишь *архитектурно* оформленная часть храма, расположенная в *нашем* трехмерном пространстве. И по направлению к *алтарю* всего лишь *ориентированы их изображения.*

Но *куда же*, в таком случае, в ходе «созерцания видения» скачут в *другой, неотмирной Реальности* их *первообразы*? Для ответа на этот вопрос снова перейдем теперь от анализа *изобразительного* к анализу *символическому*.

«*Храм есть путь горнего восхождения»*, — со ссылками на блаженного Симеона Фессалоникийского писал священник Павел Флоренский, сам о себе говоривший, что придерживается *средневекового мировоззрения*. И продолжал далее: «*Пространственное ядро храма намечается оболочками: двор, притвор, самый Храм, алтарь, престол, антиминс, чаша, Святые Тайны, Христос, Отец. Храм… есть лествица Иаковлева, и от видимого она возводит к невидимому, но весь алтарь, как целое, уже есть место невидимого, область, оторванная от мира, пространство не-отмирное. Весь алтарь есть небо… с «пренебесным и мысленным жертвенником»*»[79]. Если же обратиться к самому блаженному Симеону, то у него мы встречаем следующие слова: «…*В алтаре божественный храм, посредством страшного жертвенника, т.е. священной трапезы, указует на Владыку неба; почему престол и называют святым святых, седалищем, местом и упокоением Божиим, очистилищем, местом великого жертвоприношения, гробом Христовым и селением славы Его*»[80]. При этом служители алтаря изображают собою премирные силы[81], а входящий в алтарь архиерей — Иисуса[82].

Итак, алтарь есть *образ Царствия небесного*. Что же касается *северной алтарной арки*, а, точнее, формирующего ее северного столба алтарной преграды, то Н.Е. Гайдуков в свое время высказал предположение, что в него была замурована некая реликвия[83], которая делала этот столб «*особым нелитургическим центром*» храма[84]. Как видим, это

---

[78] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок... С. 109.

[79] *Священник Павел Флоренский*. Иконостас // Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М., 1995. С.439.

[80] [*Симеон Фессалоникийский*.] Блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского, толкование о божественном храме и о (служащих в нем)… посланное благочестивым вопрошавшим (христсианам) Крита // Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Писания св. Отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб, 1857. Т. III. С. 11.

[81] Там же. С. 14.

[82] Там же. С. 13.

[83] *Гайдуков Н.Е.* Скрытая реликвия: столп-реликварий пещерного храма… С. 172.

[84] *Гайдуков Н.Е.* Литургические датировки некоторых пещерных храмов Таврики // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). К., 2004. С. 170. В своей более ранней работе Н.Е. Гайдуков писал именно о *литургическом* центре: «Вторая проблема, которой нам бы хотелось коснуться, это проблема литургического центра. В доиконоборческий период таковым, несомненно, являлся алтарь и престол в центре алтаря. В послеиконоборческий период, и чем дальше во времени, тем ощутимее, центром храма становится реликвия — либо икона либо мощи, либо что-то еще. Очень часто именно на нее и ориентируется архитектор при строительстве храма. В храме «Трех Всадников», высеченном целиком внутри одной большой глыбы, оторвавшейся от юго-западной части скального массива Эски-Кермен, мы можем увидеть такой центр» (См.: *Гайдуков Н.Е.* Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики (на примере трех пещерных

предположение в ходе нашего анализа получило косвенное подтверждение. Более того, в обсуждаемом контексте достаточно правдоподобным выглядит предположение о том, что в столп была замурована именно частица мощей кого-то из трех написанных на стене мучеников. Вот что пишет по этому поводу В.Д. Сарабьянов: «*Известно, что существовал обычай, согласно которому в процессе возведения храма в фундаменты, стены, опоры, а иногда даже в своды постройки, вмуровывались частицы мощей, становившиеся залогом святости всего церковного здания и его сакрального пространства*»[85]. «*…Такая традиция была распространена по всему восточно-христианскому миру, причем места захоронения мощей могли быть отмечены как крестами, так и* ***настенными или иконными изображениями самих святых*** (выделено нами — *Н.Д.*). *Вероятно, наличие вмурованных в стену мощей являлось одним из важнейших факторов в выборе состава святых, изображаемых в цокольной части храмов*»[86]. Исследователь, в частности, отмечает: «*… логично предположить, что рядом с местом захоронения мощей в Софии Киевской был изображен и сам святой, как это зафиксировано Киево-Печерским Патериком в отношении Успенского собора, а его фигура могла являться ключом к подбору других святых, расположенных в пространстве данного компартимента… Росписи этих малых объемов строились по своей программной логике, которая определялась в контексте присутствия в этих частях храма святых реликвий*»[87]. И далее: «*…каждая ячейка… имела свою замкнутую мини-программу, в которой акцентировалась та или иная концепция, зачастую связанная с присутствующими здесь мощами*»[88].

Но еще более существенным представляется нам замечание А.Д. Корноухова: «*Стены катакомб делаются стенами церкви, потому что в них были захоронены мощи святых. Это и есть начало иконы в ее современном понимании*»[89]. ***Другими словами, замурованные в стене мощи символически осуществляли совершенно ту же функцию, что и написанное на стене изображение святого. И в то же время они сакрализировали, освящали и сам материал стены. Поэтому лучшего способа объединить в единое символическое целое архитектуру и стенопись просто не существовало***. Вот почему в нашем случае помещение ковчега с мощами в центр объединенной архитектурно-стенописной композиции было бы просто идеальным решением. В этом контексте «замкнутая мини-программа» фрески и всего компартимента становится предельно понятной.

храмов округи пещерного города Эски-Кермен) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси—Украины. Материалы научной конференции. Киев—Судак, 2002. С. 76). Разумеется, никакая реликвия не может заменить собой престола. Поэтому термин «особый нелитургический центр» нам представляется более адекватным. Однако наши выводы скорее подтверждают, чем опровергают, дальнейшие утверждения Н.Е. Гайдукова о том, что «в пользу этого говорит особое устройство самого столба: в отличие от южного он представляет из себя не просто столб, а как бы небольшую стеночку, выдвинутую в наос храма примерно на 40 см, а также его особое положение — **на пересечении нескольких смысловых осей храма** (выделено нами — *Н.Д.*)» (См.: Там же).

[85] *Сарабьянов В.Д.* Реликвии и образы святых в сакральном пространстве Софии Киевской // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М, 2011. С. 366—367.

[86] Там же. С. 369.

[87] Там же. С. 370.

[88] Там же. С. 371.

[89] *Корноухов А.Д.* Размышления над историческим контекстом церковной архитектуры и иконописи (оригинал и копия) // Церковное искусство, его восприятие и преподавание. Материалы Всероссийской конференции с участием зарубежных специалистов. Москва, 11—12 мая 2006г. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2007. С. 173.

Если учесть *триумфальные позы* всадников и то, что *изображение* первого из них буквально упирается в северную *арку* алтарной преграды, которая в этой церкви сильно выступает в наос, то мы можем утверждать, что здесь изображено *триумфальное вступление процессии мучеников* в Царствие Небесное. Они *торжественно возвращают Отцу* его *чадо* (*подобно* возвращению *в алтарь* отрока Филофея) и в то же время доставляют душу усопшего *к преддверию престола Христова* (изобразительно представленного св. трапезой), на котором пребывает Он Сам, изобразительно представленный Святым Евангелием и Евхаристической Жертвой. Самим фактом того, что они *уже* приняли четвертого товарища в свой сонм, они *предстательствуют* за него. Однако все это происходит, повторим, только лишь *в преддверии* небесных врат, символизируемых *аркой алтарной преграды*. Именно поэтому (***а вовсе не из-за «возрастных ограничений»***, как полагал О.И. Домбровский[90]) на голове четвертого персонажа отсутствует *нимб* — его там попросту *еще* не может быть. Ибо, в конечном счете, только от *Христа*, пребывающего на *престоле*, зависит, упокоится ли душа *усопшего* «в селениях славы Его». Именно поэтому и сопровождают его святые воины, дабы *предстательствовать* перед Богом о совершении этого акта. Поэтому же фреска не могла быть написана в самом алтаре: это означало бы, что усопший уже принят в райские селения.

Что же может помешать этому? Очевидно, только одно — *грехи* покойного. И в этой связи неизбежно возникает самый сложный вопрос — об изображении этой «помехи», а, точнее, о ее *персонификации*[91]. Ведь, по мнению митрополита Антония Сурожского (Блюма), «*если икона иногда и изображает зло, то лишь явное, олицетворенное. Оно не пронизывает собою вещи подобно тому, как двусмысленность может пронизывать их в жизни и на картине*»[92].

Как известно, именно *змей*, согласно библейскому преданию, был тем искусителем, благодаря которому произошло грехопадение человека и, как следствие, его *изгнание из Рая*. Поэтому для *возвращения* туда он же и должен быть символически *сокрушен*.

Правда, *первородный* грех снимается с человека в таинстве *Крещения*. Не случайно во время богослужения в праздник Крещения Господня поется стихира, восходящая к 73-му псалму[93], в которой есть такие слова: «*Приклонил еси главу Предтечи*, ***сокрушил еси главы змиев*** (выделено нами — *Н.Д.*): *пришел еси в струи, просветил еси всяческая, еже славити Тя, Спасе, Просветителя душ наших*».

В этой связи особенно уместно вспомнить об апокрифическом предании, касающемся так называемого «хирографа Адама», хорошо известном в Средние Века и, в частности, нашедшем свое отражение в одной из проповедей св. Иоанна Златоуста. Согласно этому

---

[90] Известны не только святые мученики—отроки, но и святые мученики—младенцы.

[91] Религиоведам (да и психологам) хорошо известно свойство человеческого сознания одушевлять (персонифицировать) явления, свойства и предметы. В частности, ад на иконах часто изображался в виде разинутой *пасти*. А в контексте интересующего нас вопроса в русском языке есть весьма наглядно иллюстрирующая это положение фраза: «И рад бы в рай, да грехи *не пускают*». Несомненно, она отражает глубинные архетипические пласты человеческого сознания. Именно «не пускающего в рай» душу усопшего *змея* мы видим на фреске «Трех всадников».

[92] *Мелик-Пашаев А.А.* О духовных основаниях художественного творчества // Церковное искусство, его восприятие и преподавание. Материалы Всероссийской конференции с участием зарубежных специалистов. Москва, 11—-12 мая 2006 г. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2007. С. 111.

[93] «Ты утвердил еси силою твоею море: ты стерл еси главы змиев в воде. Ты сокрушил еси главу змиеву» (Пс. 73. 13—14).

преданию, после изгнания Адама из Рая сатана еще раз обманул его, вынудив заключить с ним договор о том, что его потомки будут слугами сатаны, «*пока не родится нерожденный и не умрет бессмертный*». Подтверждающий этот договор плоский камень с отпечатком Адамовой руки (хирограф) сатана погрузил в Иордан под охрану *змеев*. В момент своего крещения Иисус, выполнивший Своим Рождеством казавшееся невозможным условие расторжения договора, сокрушил главы *змеев* и разбил (раздавил) камень с хирографом[94]. В этом контексте фраза о «*сокрушении глав змеев*» имманентно подразумевает аннулирование власти Сатаны над людьми, а *змей символически олицетворяет собою эту власть*.

Однако, будучи освобожденным от кабалы *первородного* греха, человек постоянно рискует вновь попасть во власть Сатаны за счет грехов *приобретенных*, из-за которых древний «змей» снова и снова предъявляет на него свои права, не пуская его в Рай. Более того. Если (в соответствии с нашей методологией) от чисто христианской символики обратиться к архетипическим формам сознания, то мы вспомним, что именно змея «*во многих архаических культурах… считается символом подземного мира и царства мертвых*»[95]. Следовательно, на уровне глубинных пластов психики именно *в облике змея подземный мир снова готов предъявить свои права на душу усопшего*. Поэтому вполне логично, что «*в христианской традиции прочно утвердилось отождествление змея со злом, дьяволом, сатаной, принявшим лишь обличье змея*»[96]. Н.В. Регинская отмечает также, что «*в большом количестве легенд… дракон появляется в значении первобытного врага, сражение с которым является высшим испытанием*»[97]. А что является, с точки зрения христианина, таким «высшим испытанием», как не определение посмертной судьбы души усопшего?

Не случайно в архаических культурах «*восприятие змеи как хтонического существа… вполне закономерно, именно змея служит порогом при переходе из «человеческого мира» в «нечеловеческий». Змей, как похититель и поглотитель, также абсолютно адекватен ситуации перехода, о чем писали Б. Рыбаков и В. Пропп… «Размыкание» змея необходимо при ритуале перехода*»[98].

В соответствии с христианскими представлениями, «правильно» преодолеть «порог при переходе из «человеческого мира» в «нечеловеческий» можно только одним способом — при помощи *покаяния и молитвы*.

Напомним в этом контексте, что, согласно житию св. Георгия, *поразив змея* в гортань, он далее связал его *молитвой* так, что тот стал «*кроток яко овча*». А «*в древнейших сказаниях Георгий одерживает победу над змием бескровно, при помощи заклинания-молитвы, после уничтожения змия он читает народу проповедь и призывает его принять крещение*»[99], то есть, избавиться от первородного греха. С учетом этого напрашивается вывод, что образ Георгия-змееборца в данном случае, в действительности, есть образ

---

[94] *Стоун М.* Легенда о хирографе Адама. // Исследования по арменистике в Украине. Выпуск 4. Симферополь, 2012. С. 5—9.

[95] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец… С. 28.

[96]Там же. С. 30. «*В одной иконе попираемого Георгием змия оседлал маленький чертик — быть может, намек на причастность змия к дьявольской силе, о которой речь идет в житиях святого*», — пишет М.В. Алпатов (См.: *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. С. 304). И, хотя это указание относится уже к древнерусской иконописи, архетипы народного сознания были, скорее всего, достаточно близкими.

[97] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец… С. 34.

[98] Там же. С. 92.

[99] *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. С. 283.

молитвенника[100], который *молитвенно нейтрализует* преследующие усопшего *грехи*, *отгоняя* их *персонифицированное воплощение*[101]. Причем картина борьбы изображена в *динамике*: змей еще не уничтожен окончательно, он еще извивается и сопротивляется, открыв пасть. Это и не может быть иначе: ведь отпустить грехи может лишь Господь, а душа усопшего еще не в Раю — она только *на пути* туда.

Первый же всадник есть всего лишь *иконографический тип спасителя* (с *маленькой* буквы), поскольку в Средние Века идея спасения могла быть выражена лишь весьма ограниченным набором образов: якорь, корабль или всадник-избавитель. Отметим, что последняя символика, видимо, имела гораздо более широкое распространение, чем принято считать[102]. Вспомним, что на печати ордена тамплиеров были изображены два рыцаря на одном коне. Это часто трактуется как символ бедности членов ордена. Нам такая трактовка представляется не самой логичной, поскольку идти в атаку вдвоем на одном коне совершенно бессмысленно и даже пагубно. Зато этот символ как нельзя лучше выражает идею боевого братства, в рамках которого *спасаться полагалось только всем вместе*[103]. Возможно, как раз поэтому «ради *спасения* души» усопшего были написаны именно образы *святых воинов* (а не, допустим, преподобных). В силу кодекса *воинской* чести, *будучи призванными*, *они не имели права уклониться от выполнения своего долга*. Однако не являются ли наши выводы всего лишь ментальными конструкциями? Мы полагаем, что нашли своему предположению прямое подтверждение.

В альбоме Д.М. Струкова, хранящемся в отделе изопродукции РГБ, мы обнаружили весьма тщательно выполненный, хотя и незавершенный карандашный рисунок (рис. 12), изображающий образ святого всадника в развевающемся плаще и с саблей в руке, попирающего поверженного врага[104]. В левом верхнем углу изображен сектор «славы», из которого навстречу ему простерта благословляющая десница. Подпись над рисунком гласит: «*Георгиевский монастырь*», подрисуночная подпись: «*Изображение на образе*». Над самим

---

[100] «*Примечательно, что копье Георгия в прописях средневековой Руси изображается тонкой линией, как бы подчеркивая то, что Георгий побеждает дракона не силой оружия, а силой молитвы, слова божьего. Метафора победы Света (просвещенной христианской мысли) над тьмой (дьявольскими грехами и сомнениями) очевидна*» (См.: *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец… С. 74).

[101] «Недаром А. Щапов отмечал, что помимо основного значения Георгия, ему присущи были еще смысловые оттенки, так как в легенды о нем вошли еще пережитки мифологического прошлого. Георгий сближался и с *другими героями средневековой легенды: и с Михаилом Архангелом на белом коне, **и с Никитой, поражающим дьявола*** (выделено нами — *Н.Д.), и с Ильей-пророком, причастным к молнии*» (См.: *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. С. 283).

[102] «*Литература и искусство оказывали друг на друга воздействие. Но полного совпадения между ними не существовало: художники не ограничивались ролью иллюстраторов текстов, слагатели легенд не были комментаторами икон. В отступлениях мастеров от церковной легенды нередко находили себе выражение веками слагавшиеся в народе представления. Вот почему внимания заслуживают не только случаи совпадений изображений с текстами, но и случаи расхождений*» (См.: Там же. С. 284).

[103] Пример тому уже в XX веке дал французский дворянин, летчик авиаполка «Нормандия — Неман» лейтенант де Сейн, отказавшийся покинуть своего «боевого коня» — горящий самолет, в котором оставался его советский авиатехник, и погибший вместе с ним.

[104] *Струков Д.М.* «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде». Отдел ИЗО РГБ, топографический шифр 105/5 378. Л.4.

изображением имеется незаконченная греческая надпись, однозначно сообщающая, что изображен св. Димитрий. На это же указывает и незавершенное изображение человеческой фигуры под ногами коня.

Самое интересное в этом образе заключается в том, что на крупе коня св. Димитрия сидит *маленькая человеческая фигурка* в *монашеской скуфейке* и *с длинной бородой*, буквально вцепившаяся в луку седла святого всадника. Нимб над ее головой отсутствует. Несмотря на то, что данный образ, по-видимому, достаточно поздний, его анализ дает нам возможность сделать следующие выводы:

1. В среде крымских греков бытовал тип святого воина с седоком на крупе коня (назовем его условно «иконографическим типом всадника-спасителя»).
2. Этот иконографический тип вовсе не был обязательно связан с образом св. Георгия, как не был и непременно привязан к образу отрока-виночерпия (в случае св. Георгия) или отрока Нестора (в случае св. Димитрия). Как частный случай, можно утверждать реализацию подобного типа в образе св. Димитрия.
3. Резонно предположить, что на крупе коня св. Димитрия из Георгиевского монастыря был изображен один из насельников этой обители, причем изображен явно в преклонном возрасте, несмотря на малый размер его фигуры.

Другими словами, мы имеем почти полную аналогию росписи храма «Трех Всадников», хотя и в усеченном виде. Последнее, возможно, связано с монашеским статусом седока («ангельским чином»), что, в совокупности с соборной молитвой братии и своевременным выполнением всех необходимых обрядов в монастырских условиях обеспечивало усопшему гораздо более эффективную систему очищения от грехов, нежели мог получить светский персонаж эски-керменской фрески.

В нашем же случае всадник—спаситель скорее всего *тезоименит* изображенному на крупе его коня персонажу, что автоматически также делает его *молитвенником* за него[105].

Возможно, понимание этого факта и отказ от шаблонного представления о «троичном» Георгии даст исследователям гораздо большую свободу в анализе иконографии первого всадника, и нам, благодаря этому, наконец-то удастся узнать его настоящее имя, а, через это — имя главного героя фрески.

Как видим, *визуально-бытовой* и *символико-иконографический* смысловые ряды при такой трактовке сходятся без каких-либо натяжек. Тем не менее, несмотря на всю внутреннюю логичность этой трактовки, она пока что остается всего лишь гипотезой. В этой связи возникает вопрос, есть ли какая-либо дополнительная возможность ее верификации? По нашему мнению, есть.

В своей работе «Поиски совершенного языка в европейской культуре» Умберто Эко делает очень тонкое замечание: «*Стоики с их четкой семиотикой прекрасно знали, что если в греческом языке всякий звук соответствует идее, то эта идея наверняка присутствует и в сознании варвара, просто варвар не владеет* ***связью*** *между греческим звуком и своей идеей, а потому его высказывания можно не принимать в расчет* (выделено нами — *Н.Д.*)»[106]. В этом же контексте У.Эко эпиграфом к своей книге приводит фразу из «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта: «*А так как слова суть только названия*

---

[105] В.П. Степаненко допускает, что тезоименитым усопшему мог являться *замыкающий* всадник (См.: *Степаненко В.П.* К иконографии фрески храма «Трех всадников». С. 455). Эта роль, как мы видели, была ему отведена по «остаточному принципу». Но кто, как не *святой покровитель* усопшего, должен был бы «доставить» его душу к вратам Царствия Небесного?
[106] *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. С. 20.

вещей, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний».

До сих пор мы анализировали символический строй фрески «Трех Мучеников» исключительно исходя из ее контекста в символическом пространстве храма, а также из символической нагрузки известных нам иконографических «модулей».

Но, как мы помним, в нашем распоряжении имеется не только готовая *идея* в виде *образов* на фреске (вспомним, что *идея* и *эйдос* у Платона означают практически одно и то же), но и поясняющая ее *греческая надпись*. Насколько *наша* трактовка совпадает с трактовкой, заложенной *авторами* фрески в эту *надпись*? Адекватно ли мы (говоря словами У. Эко) в ходе нашего анализа поставили *идеи* (т.е. *образы*) в соответствие *греческим звукам* (на письме выраженным *словами надписи*), или же повели себя как варвары, не сумевшие увидеть эту связь? Или, в обратном отношении, какие именно *образы*, *изобразительным* образом транспонированные в *вещественную* плоскость храмовой стены, соответствуют *звукам*, на письме транспонированным в *слова подписи* под этой же фреской? Как, какими средствами иконописец (а, точнее, агиограф) мог изобразить то, что перечислено в этой подписи?

Нам представляется, что предложенная нами интерпретация целостной фресковой композиции полностью соответствует содержанию этой подписи.

В самом деле, мы имеем здесь — в *вырубленном* компартименте — *написанных святых* мучеников: *первого* — иконографически отображенного в типе *спасителя* с маленькой буквы и «доставляющего» душу *усопшего* в преддверие райских врат (т.е., другими словами, способствующего *спасению души*); и *второго* — «нейтрализующего» персонифицированные в образе змея грехи усопшего, т.е. способствующего *отпущению этих грехов*. *Связь этих мучеников с храмом*, возможно, к тому же вещественно закреплялась замурованными в алтарный столп *частицами их мощей*.

А поскольку данный визуальный ряд до сих пор полностью сходился со смысловым рядом подписи под фреской, то есть все основания отождествлять и последний член первого ряда (седока на крупе лошади первого всадника) с таковым же второго ряда, а именно, с тем человеком, ради спасения которого и была написана фреска. Это подтверждается и его центральным положением в храмовой композиции.

Таким образом, если подвести итоги наших исследований, то:

1. Роспись храма «Трех Всадников» не может быть правильно понята вне общего контекста храмового пространства;
2. Анализ целостной архитектурно-стенописной композиции этого пространства приводит нас к выводу о том, что в ее композиционном центре находятся северная арка алтарной преграды и образ первого святого с человеческой фигуркой на крупе лошади. Причем значение этой фигурки композиционно подчеркивается ее центровкой по вертикали и вырубленным рядом окошком-люминарием, а северная арка, возможно, содержала некую реликвию — вероятнее всего, частицу мощей кого-то из представленных на фреске мучеников;
3. Анализ образного строя росписи в символическом контексте литургического пространства храма показывает, что этот образный строй:
   3.1. В точности соответствует содержанию подписи под фреской (и, более того, раскрывает смысл той ее части, которая в настоящее время утрачена);
   3.2. Однозначно и, в богословском аспекте, безукоризненно выражает идею молитвенного предстательства святых пред Господом за душу усопшего

четвертого персонажа фрески, что эксплицитно выражено в подписи под фреской;

3.3. Иконографически безупречен в смысле строжайшего соответствия иконографическому канону и не содержит никаких отступлений от этого канона, в силу чего и не нуждается ни в каких дополнительных допущениях для своей интерпретации;

3.4. В то же время полностью понятен и логически или ассоциативно оправдан на уровне бытовых реалий или ментальных архетипов народного сознания, что делало его совершенно очевидным любому верующему;

4. Перенос смыслового акцента фресковой композиции на четвертого персонажа ведет к отказу от его интерпретации как второстепенного лица и делает его не только главным участником всей фрески, но и причиной ее написания;
5. Осознание того факта, что иконография не сводится к набору готовых агиографических сюжетов, а является лишь способом выражения заданной богословской идеи каноническими средствами, в совокупности с пониманием самой этой идеи, снимает необходимость искать в сюжетной стороне фрески только лишь известные агиографические эпизоды. Это, в свою очередь, устраняет все внутренние противоречия и натяжки в построениях предыдущих исследователей;
6. В частности, отпадает необходимость в насквозь искусственном предположении о «троичном Георгии», которое противоречит всей иконографии фрески, равно как и подписи под ней;
7. По этой же причине отпадает и необходимость в обязательном соответствии иконографии центрального всадника бородатому Феодору Тирону. В то же время, идентификация его как св. Георгия достаточно вероятна;
8. Первый всадник, скорее всего, был соименен усопшему. Непредвзятое изучение иконографии этого святого, возможно, поможет установить истинное имя последнего;
9. Присутствие души усопшего в сонме святых мучеников дает определенные основания предполагать его собственную мученическую кончину;
10. Отказ от необходимости видеть в четвертом персонаже фрески юношу-виночерпия из жития св. Георгиея открывает для исследователей перспективы выяснения реальных подробностей о нем как об историческом лице — также посредством непредвзятого изучения его иконографии;

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность Э.С. Смирновой и Д.Г.Мироненко за ценные консультации, а протоиерею Валентину Ромушину и М.Р. Мальгиной — за предоставленные материалы. Особую признательность хочется выразить С.В. Харитонову, взявшему на себя труд скрупулезного анализа данной статьи и сделавшему целый ряд существенных замечаний и уточнений.

Резюме

Статья посвящена интерпретации композиции фрески на северной стене пещерного храма «Трех Всадников» (гор. Эски-Кермен). Настенная роспись изображает трех святых мучеников в виде всадников. На крупе коня первого всадника видна маленькая человеческая фигурка, второй сражается со змеем. Ранее исследователи рассматривали данную фреску как три различных изображения святого Георгия. Однако это противоречит как иконографии самой фрески, так и содержимому греческой надписи под ней. Наш анализ показывает, что основания отождествлять четвертую фигуру с персонажем «чуда св. Георгия с отроком» отсутствуют. Совместное исследование содержания фрески и литургической планировки храма показывает, что четвертая фигура является композиционным центром всего храма. Этот факт позволяет предположить, что она изображает усопшего обитателя Эски-Кермена, именно ради спасения души которого были написаны святые воины. Выполненный с учетом этого анализ фрески и надписи под ней впервые позволил предложить полную и непротиворечивую богословскую интерпретацию содержания росписи церкви «Трех Всадников».

Ключевые слова: археология, фреска, пещерная церковь, «пещерные города», Крым, Эски-Кермен, богословие, святой Георгий Победоносец, эпиграфика, храм «Трех Всадников».

Summary

This article suggests a new interpretation of the theological content of the fresco painted on the northern wall of the «Three Horsemen» cave church which is situated at Eski-Kermen (Crimea). The mural painting represents three Holy Martyrs in the form of riders. A small human figure can be seen on the rump of the first martyr’s horse. The second warrior is fighting with snake. Formerly the fresco was considered by scholars as the representation of three different images of St. George. But this consideration comes into contradiction with iconography of the fresco itself as well as with the content of the Greek inscription situated beneath it. Our analysis shows the absence of any reasons for identifying the fourth man’s image with a character of «the miracle of St. George with the boy». A simultaneous studying of the fresco and the liturgical planning of the church itself shows that the fourth figure is the compositional center of the entire temple. This fact allows us to assume that it represents the late inmate of Eski-Kermen, and the images of the Holy warriors were painted just for the sake of the salvation of his soul. Our analysis of fresco with the inscription disposed beneath carried out according to these considerations allowed us the first time to present a complete and consistent theological interpretation of the content of the mural painting of the Church of the «Three Horsemen».

Keywords: archaeology, theology, St. George, epigraphy, fresco, «cave towns», cave church, the church of the «Three Riders», Eski-Kermen, Crimea.

Рис.1. Пещерный храм «Трех Всадников». Фреска. Фото автора.

Рис.2. Прорись фрески храма «Трех всадников» по О.И. Домбровскому[107]

[107] Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Суперобложка.

Рис. 3.Чудо Георгия о змие с праздниками. Начало XVII в.
Собрание арт-галереи «Дежа вю»[108] (Москва).

[108] *Саенко Е.М.*, *Герасименко Н.В.* Иконы святых воинов... С. 53, илл.

Рис.4. Фрагмент рельефа на западной стене церкви Поморийского монастыря св. Георгия. XII век [109].

Рис.5. Икона св. Георгия с «пажом» (по Н.В. Покровскому)[110].

[109] *Регинская Н.В.* Святой Георгий Победоносец... С. 39, илл.59.

[110] *Покровский Н.В.* Церковная археология в связи с историей христианского искусства... С. 193, рис.383

Рис.6. Фреска храма «Трех всадников». Литография из альбома графа Уварова[111]

Рис.7. Роспись храма «Трех Всадников». Изображение седока на крупе правого всадника. Фото автора.

[111] [*Уваров А.С.*] Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России... Табл. LIII.

Рис.8. Фреска из Йыланлы-Килисе («часовни № 28»), ошибочно отнесенная М.В. Алпатовым к Каранлык-Килисе[112].

Рис.9. Святой Георгий и святой Феодор.
Фреска из Йыланлы-Килисе («часовни № 28»)[113].

[112] *Алпатов М.В*. Образ Георгия-воина... С. 247, рис.1

[113] *Гюльяз М.Э.* Всемирное наследие. Каппадокия (на русском яз.)... С. 44.

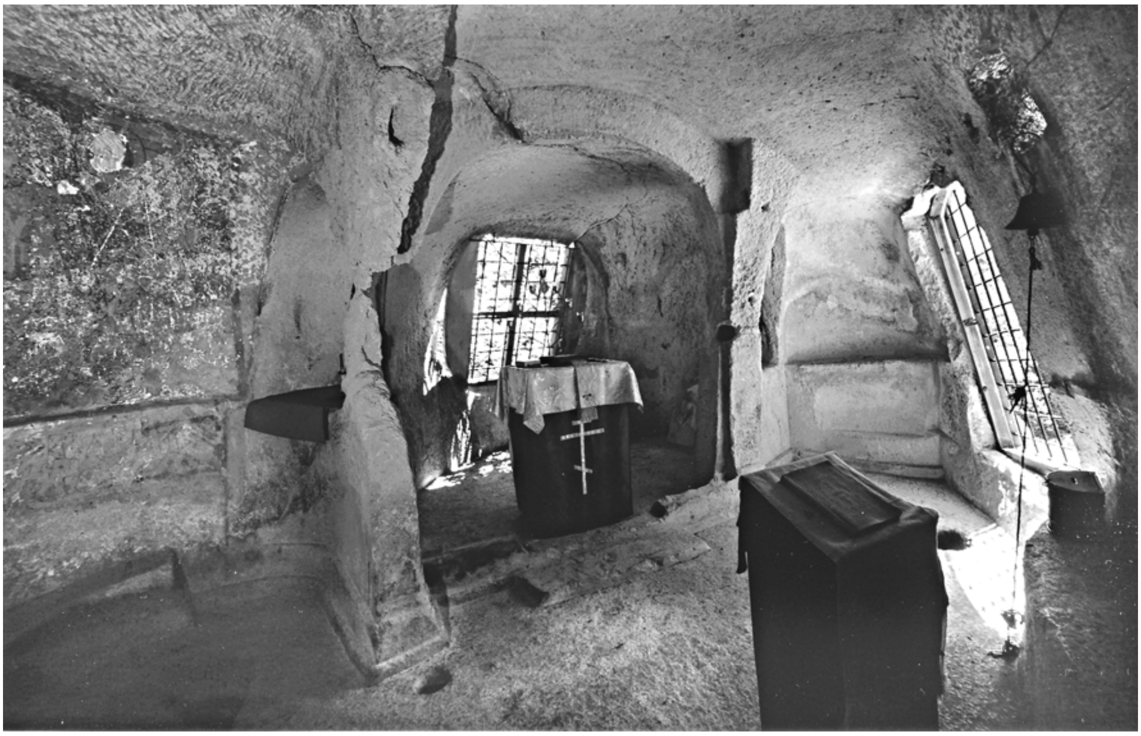

Рис. 10. Расположение фрески относительно алтаря храма «Трех Всадников» (фото автора).

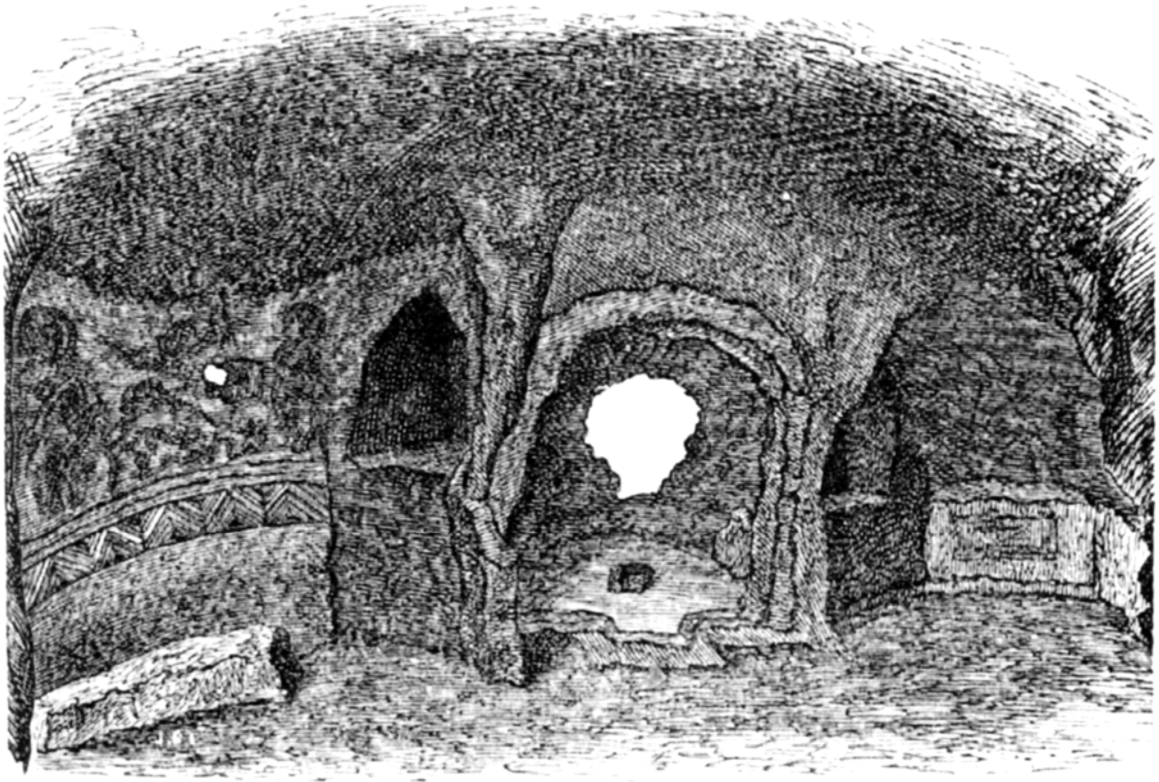

Рис. 11. Расположение фрески относительно алтаря храма «Трех Всадников». Гравюра из книги Й. Телфера[114].

[114] *Митрополит Лазарь (Швец), Шорохова Т.С.* Священный образ Тавриды... С. 263.

Рис.12. Св. Димитрий. Образ из Свято-Георгиевского монастыря. Рисунок Д.М. Струкова[115]. Фотокопия протоиерея Валентина Ромушина.

---

[115] *Струков Д.М.* Рисунки древних памятников христианства в Тавриде. Отдел ИЗО РГБ, топографический шифр 105/5 378. Л. 4.

УДК 75.052(477.75)+72.684 (477.75)”653”

Н.В. Днепровский

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОЙКОНИМА «KOUTTELEY» ИЗ «ПУТЕВОДИТЕЛЯ» Ш. МОНТАНДОНА

В одной из наших работ[1] мы уже приводили пример того, как разрыв живой языковой традиции, вызванный депортацией крымских греков в конце XVIII в., привел к созданию, как минимум, двух топонимических мифов и, что еще более курьезно, к «изобретению» двух никогда не существовавших в Православной Церкви святых. Похожая ситуация, на наш взгляд, сложилась и с интерпретацией топонима «Koutteley», введенного в оборот швейцарским путешественником Ш. Монтандоном при описании местности, окружающей деревню Черкес-Кермен. Она прекрасно иллюстрирует проблему, которую еще более ста лет назад сформулировал А.Л. Бертье-Делагард, отмечавший «полное, непримиримое разногласие комментаторов, по любой частности», касающейся крымских древностей. Ученый связывал это с двумя факторами: умением пользоваться письменными источниками и «различным пониманием чисто местных условий, в отношении которых, казалось бы, все мнения должны быть одинаковы»[2]. Именно так получилось и в данном случае.

Поскольку книга Ш. Монтандона вышла в 1834 г. и, к тому же, на французском языке, знакомство исследователей с ней зачастую носило «вторичный» характер — через пересказы, а то и через комментарии тех, кто видел и читал оригинал. В итоге почти за 200 лет вокруг одного—единственного слова сформировалась целая историографическая концепция, далеко, однако же, не бесспорная.

Ее основание заложил еще П.И. Кеппен: «Г. Монтандон говорит, что на восточной стороне Черкес-Кермена видна башня, оставшаяся от древнего укрепления, и несколько построек, именуемых татарами Куттелей. Вместо последнего слова не должно ли читать Кутлу-бей или Кутлуг-бек? В таком случае замечательно, что мы здесь, также как и в Солгате, (Старом-Крыме), находим и Черкеса и Кутлубея, из коих последний должен быть известный Темир Кутлук, которого Русские летописцы называют Темир-Кутлуй, и который, по взятии Сарая на Волге и изгнании Тохтамыша, при помощи старца Едигея, разбил на берегах Ворсклы, в 1399г. Витовта, успевшего пред тем захватить около Азова целый улус Татарский, и поселившего своих пленников близ Вильны, где и доныне живут магометане, по духовным делам зависящие от Таврического духовного правления»[3]. Как видим, П.И. Кеппен, во-первых, вводит в оборот *русскую* транскрипцию интересующего нас топонима — «Куттелей». Во-вторых, однозначно относит слова Монтандона *к Черкес-Кермену*, поскольку

---

[1] *Днепровский Н.В.* История с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики // МАИАСК. 2012. Вып. IV. С.194—206.

[2] *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Избранные труды по истории христианства в Крыму. Симферополь, 2011. Ч. II. С. 7.

[3] *Кеппен П.И.* Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 260—261.

четко отделял Черкес-Кермен от Эски-Кермена[4]. И, в-третьих, он пытается предложить читателю свое понимание топонима «Куттелей» и встроить его в широкий *исторический контекст*.

Уже в советское время в работе, посвященной Эски-Кермену, Н.Л. Эрнст написал следующее: «C.H. Montandon в своем Путеводителе (Guide du voyageur en Crimée. Odessa) описывает Эски-Кермен, называя его почему-то Koutteley, но упоминает только пещеры вообще и в отдельности пещерную лестницу с колодцем. По вопросу о происхождении пещерных городов он считает, что они создавались в течение разных эпох и служили убежищем многим народам»[5]. Таким образом, он впервые в русскоязычной литературе привел интересующее нас название в оригинальном написании. Но зато, как мы видим, он предлагает в своей работе уже не *перевод* цитаты, *а готовую собственную интерпретацию* текста Монтандона, которая кардинально расходится с интерпретацией П.И. Кеппена, поскольку безоговорочно относит данный топоним *к городищу Эски-Кермен, а не к укреплению Кыз-Куле*.

Последующие исследователи вместо обращения к первоисточнику уже «комментировали комментарии», по-своему интерпретируя *предыдущие* цитаты. Так, А.Г. Герцен, анализируя Пространную редакцию письма хазарского царя Иосифа к визирю кордовского халифа Хасдаю ибн-Шапруту, сделал следующие выводы: «Помещенный между Алупкой (Алубихой) и Мангупом «Кут» пытались искать в восточной части полуострова (Кутлак близ Судака), что противоречило принципу географической последовательности перечня… Логичнее было бы направить поиски к северу — северо-западу от Алупки... в район Внутренней гряды, где сконцентрированы раннесредневековые городища и селища, в том числе и так называемые «пещерные города». Обращает на себя внимание расположенное в 5 км к западу от Мангупа городище Эски-кермен… Сам топоним «Эски-кермен» впервые упоминается в конце XVIII в. Ему предшествовало название «Черкес-кермен» (от наименования татарской деревни в ущелье к западу от городища). В 1578 г. его зафиксировал польский посол в Крыму Мартин Броневский[6] [Броневский 1867, с.343]… Кроме этих двух топонимов, в начале XIXв. бытовал еще один – «Куттелей» (Koutteley), упоминаемый автором первого

[4] «Это — то место, которое у татар, конечно для отличия от Турецкой постройки, получило название Эскермен или Эски-Керман (старинная крепость), есть, без сомнения тот древний, уже безымянный, город, о коем упомянул Броневский» (См.: Там же. С. 259—260).

[5] *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 17. Последнее утверждение не совсем точно: этот вывод был сделано Монтандоном при осмотре Тепе-Кермена (См.: *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым . К., 2011. С. 178—179) и не имеет никакого отношения к Эски-Кермену, которого, как будет ясно из дальнейшего, он никогда не видел.

[6] Это не соответствует действительности. Как известно, М. Броневский подчеркивал, что ни турки, ни татары, ни даже сами греки уже *не знали имени древнего города и крепости*, лежащих недалеко от «Черкессигермена» (См.: *Броневский М.* Описание Крыма // ЗООИД. 1867. Т.6. С. 343; *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма. С. 16). Таким образом, М. Броневский *ясно различал Черкес-Кермен и Эски-кермен*, оставляя, естественно, последний *безымянным*. Более того, именно в «безобразном», по выражению Н.Л. Эрнста (См.: *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма. С. 18, прим.4), переводе М. Броневского издания 1867 г. «Черкессигермен» и вовсе отождествлен с «Манкопом» (Мангупом), а отнюдь не с Эски-Керменом (Броневский М. Описание Крыма... С. 343).

путеводителя по Крыму Ш. Монтандоном [Montandon 1834, p. 226—227]. П.И. Кеппен, обративший внимание на это, считал, что название относится к укреплению Кыз-куле, расположенному на соседнем с Эски-керменом плато Топшан [Кеппен, 1837, с. 260]. Действительно, Монтандон указывает, что Куттелей татары называли башню древней крепости и какие-то постройки, рядом с которыми находится вырубленный в скале глубокий колодец, в подробном описании которого легко узнать знаменитый осадный колодец Эски-кермена. *Таким образом, топоним «Куттелей» распространялся на это городище* (курсив наш — *Н.Д.*). Это тем более вероятно, что на узкой северной оконечности плато Топшан[7], где находится башня, культурный слой ничтожен, отсутствуют сколько-нибудь значительные постройки. У.Боданинским, проводившем здесь раскопки в начале 30-х гг., были открыты лишь остатки небольшой часовни рядом с башней. [Боданинский 1935, с. 83—86].

Перекличка топонима «Кут» из еврейско-хазарской переписки и Куттелей весьма заметна, хотя разумеется вопрос об отождествлении Кута с Эски-керменом нуждается в дальнейшем изучении»[8].

В острую полемику с А.Г. Герценом вступил Х.-Ф. Байер. Некоторые его доводы не стоит априорно сбрасывать со счетов. Например, он вполне обоснованно полагает, что, если следовать приведенной А.Г. Герценом географической последовательности, то Эски-Кермен должен был бы стоять раньше Мангупа, а это заставляет усомниться в его отождествлении с Кутом[9]. Столь же существенным представляется его вывод о том, что «с языковедческой точки зрения отождествление Koutteley с Кыз-Куле полностью исключается»[10]. Однако и он не сумел избежать субъективизма в своих собственных оценках. Так, переводя название *крепости* «Ман*кут»* (Мангуп) как «моя *крепость*»[11], при переводе названия «*Кут*телей», также относящегося к *крепости* он, однако же, выбирает «язык *кутов*»[12], полагая, что *куты* суть ни кто иной, как *готы* и оставляя открытым «лишь вопрос, называли ли татары в случае «Куттелей» кутами настоящих готов… или черкесов, которые в XVв. присвоили этот этноним»[13]. Но главное заключается в том, что, Х.-Ф. Байер (как, впрочем, и другие исследователи, начиная с П.И. Кеппена) прошел мимо важнейшего обстоятельства, которое касается *характера написания* самого топонима, *не свойственного французскому языку*. Ниже мы вернемся к этому вопросу.

Должное внимание уделили интересующему нас названию специалисты по крымской топонимике: «Несколько веков труда жителей города, позднее упомянутого как Кут-Телей, завершились созданием одного из самых изящных исторических ландшафтов Крыма. Ближе к нашему времени лишенное жизни обиталище получило название Эски-Кермен» — писал,

---

[7] В настоящее время принято писать это название через «а» — «Тапшан», что мы и делаем в своей работе. Однако в ряде источников встречается и написание через «о», которое мы воспроизводим без изменений.

[8] *Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 61—62.

[9] *Байер Х.-Ф.* Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. 2003. Т. 34: К 110—летию со дня рождения профессора М.Я. Сюзюмова. Материалы XI Научных Сузюмовских чтений (Екатеринбург, 26—28 марта 2003 г.). С. 463.

[10] Там же. С.464.

[11] Там же. С.466.

[12] Там же. С.465.

[13] Там же.

известный крымский исследователь И.Л. Белянский[14]. Границу владений Кут-Телея он проводил в «шести километрах по прямой» — по вершине горы Кара-Тепе[15]. Однако в другом месте он же сообщает, что «один из мысов Эски-Кермена называется Кут-Теллей (Кутлук-Бей — военачальник Едигея, разоривший город)»[16]. Нетрудно видеть, что его собственные интерпретации топонима противоречат другу — в одном случае это *город* на плато, а в другом случае *мыс*. Причем в отношении происхождения топонима от Кутлук-бея И.Л. Белянский следует концепции П.И. Кеппена, но относит этот топоним к Эски-Кермену, что уже не совпадает ни с мнением того же Кеппена, ни с переводом Х.-Ф. Байера. Наконец, в составленном совместно с С.М. Усеиновым «Словаре ойконимов Крыма» он же пытается предложить еще несколько вариантов этимологии все того же названия: «Кут*-Телей (Бахч.) *Кут* ♦ телей 1) имя личное мужское 2) родоплеменной название»[17]. Что же касается слова «Кут», то в упомянутом словаре оно трактуется следующим образом: «Кут — тюрк. а) «жизненная сила», «дух»; б) «счастье», «судьба»; в) «большая бабочка коричневого цвета»; г) «доброе предзнаменование»; д) «пропитание»; е) «крепость»; 2. Родоплеменное название»[18]. Из контекста приведенных выше цитат следует, что теперь уже И.Л. Белянский понимал название Кут-Телей (Кут-Теллей) или как сочетание двух родоплеменных названий, или как сочетание родоплеменного названия с личным мужским именем, или, что всего вероятнее, как «Крепость Телея» или «Крепость Телеев».

Причем все эти выводы были сделаны почти одновременно, поэтому из работ И.Л. Белянского более или менее однозначных выводов — как о происхождении, так и об атрибуции данного ойконима — сделать нельзя.

Аналогичным образом дело обстоит и с филологической интерпретацией, предложенной А.К. Шапошниковым[19]. Подобно И.Л. Белянскому прочитывая данное название как «Кут-Телей» и привязывая его к Эски-Кермену, он полагает, что на последний было перенесено название позднескифской крепости «Кута» (Κύτα) или «Кутайон» (Κύταιον), расположенной на Керченском полуострове («по данным Птолемея — где-то к северу от Феодосии»). А в этом названии — «прототипе» он, в свою очередь, выделяет синдо-меотскую основу.

Отметим при этом, что информационную неоднозначность содержит в себе уже исходная формулировка А.К. Шапошникова: «топоним Кут-Телей (Эски-Кермен) и связанный с ним, соседний с Мангупом город-народ כות [kut] (Ioseph, X в.)». Ученый не объясняет ни причины отождествления «Кут-Телея» с Эски-Керменом, ни характера «связи» Эски-Кермена и «соседнего с Мангупом города-народа Кут». Можно лишь сказать, что формулировки А.К. Шапошникова во многом перекликаются с изложенной нами гипотезой А.Г. Герцена

---

[14] *Белянский И.Л.* В тени Эски-Кермена // Топонимика Крыма 2010. Сборник статей памяти И.Л. Белянского / Сост. С.М. Усеинов. Симферополь, 2010. С. 57.

[15] Там же.

[16] *Белянский И.Л.* Заметки по крымской топонимике // Топонимика Крыма. Сборник статей памяти И.Л. Белянского / Сост. С.М. Усеинов. Симферополь, 2010. С. 149.

[17] Словарь ойконимов Крыма // Топонимика Крыма 2010. Сборник статей памяти И.Л. Белянского / Сост. С.М. Усеинов. Симферополь, 2010. С. 225.

[18] Там же.

[19] *Шапошников А.К.* Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011 / Сост. Ю.А. Беляев. Симферополь, 2011. С. 345—346.

Кроме того, нельзя не отметить, что *одновременно* А.К. Шапошников предлагает и «альтернативную этимологию» (отождествляющую «кутов» с готами), которая, по сути дела, совпадает с интерпретацией Х.-Ф. Байера[20], *возражавшего* А.Г. Герцену.

Таким образом, мы видим, что И.Л. Белянский и А.К. Шапошников предлагают сразу несколько альтернативных толкований обсуждаемого названия. А, как известно, с точки зрения теории информации наличие нескольких равновероятных альтернативных гипотез пропорционально снижает вероятность истинности каждой из них и, следовательно, ее практическую ценность.

В любом случае, на сегодняшний день посредством цепочки последовательных по времени толкований *одного-единственного названия* сформировалась целая концепция существования на Эски-Кермене «второго города готов после Мангупа». Это был, якобы, древний город Кут-Телей, происхождение названия которого возводится еще к птолемеевским временам, со своей историей, международными связями (включая выплату дани кагану и Кутлу-бея, посредством которого этот город встраивается в широкий исторический и географический контекст от Сарая и Азова до Вильны), границей, проходящей по горе Кара-Тепе и т.д. Однако в деталях этой концепции видны настолько существенные разночтения, что это уже и в целом вызывает сильные сомнения в ее достоверности.

В последнее время русскоязычному читателю наконец-то стал доступен тщательно выполненный и снабженный комментариями перевод сочинения Ш. Монтандона[21]. Но и в этом издании интересующее нас название по-прежнему передается как «Кутелей», а единственное его отличие состоит в том, что удвоение в оригинале согласной «t» никак не учитывается[22].

И здесь у нас просто *обязаны* возникнуть два очень существенный вопроса, которые поистине удивительным образом ускользали от внимания предыдущих исследователей.

Во-первых, все вышеперечисленные *русскоязычные* источники *не только при передаче, но и при интерпретации топонима* берут за основу транскрипцию П.И. Кеппена. А она, в свою очередь, представляет собою всего лишь простую русскую *транслитерацию* названия, написанного *латиницей.* В XIX веке это был весьма распространенный способ передачи собственных имен, и *П.И. Кеппен действовал в полном соответствии с тогдашними нормами, стараясь передать именно то, что Ш. Монтандон написал на бумаге*. Но, как известно, *произнесение* слова при этом сплошь и рядом грубо искажается. Французский язык в этом отношении особенно уязвим. *Между тем, трудно представить себе, что сами местные жители написали Ш. Монтандону* название места, которое его заинтересовало, а, тем более, по-французски. Почти наверняка *они его просто произнесли*. *Поэтому ориентация не на звучание, а на простейшую транслитерацию ойконима является принципиально неверной.* И одно это опять-таки ставит под вопрос все предыдущие интерпретации.

Но уже совсем непостижимо, каким образом эта же *транслитерация* попала в старательно снабженный научным аппаратом современный русский перевод Монтандона.

На сегодняшний день мы имеем только одно исключение из этого «правила», однако книги Ш. Монтандона оно касается лишь опосредованно. Т.М. Фадеева, блестяще владеющая французским языком, при переводе Ф. Дюбуа де Монпере, *в свою очередь*

[20] *Байер Х.-Ф.* Идеология, показанная на примере отрицания... С. 465.
[21] *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму...
[22] Там же. С. 181.

ссылавшегося на Ш. Монтандона, транскрибирует интересующий нас топоним как «Кутле»: «Монтандон, со своей стороны, рассказывает, что здешние обитатели называли башню именем Кутле (Кутлук-бей)…»[23]. Возможно, с точки зрения норм *французского литературного произношения* она права. Однако современные французы, опрошенные знакомой автора, произносили название Koutteley несколько наподобие «[koö-tole]». А обращение автора к носителям языка на сайте forvo.com[24] дало другой результат – [ˈkutule], причем с ударением на *первом* слоге. Уже одно это говорит о том, что фонетическое воспроизведение данного топонима даже в устах носителей языка вызывает сложности. Тем не менее, отдельно звучащий «кут» в обоих вариантах отсутствует. Все это только укрепило нас в наших сомнениях.

Упомянутые нами трудности произношения отнюдь не случайны. Отечественные исследователи почему-то не заметили того, что *во французском языке полностью отсутствуют слова, в окончании которых после гласной стоит игрек – «греческое «И»»*. Данное утверждение распространяется, в том числе, и на географические названия. Так, среди всех географических названий, приведенных в 900-страничном французско-русском словаре К.А. Ганшиной, нам удалось найти лишь одно, заканчивающееся на «y» – Paraguay (Парагвай)[25]. Но последнее написание было вполне естественным образом – *непосредственно латинскими* буквами – заимствовано из *испанского* языка, имеющего совершенно *иные нормы правописания и произношения*, поэтому аналогия с нашим случаем здесь не просматривается. В основной же (смысловой) части словаря таких слов мы не нашли вовсе.

Получается, что Ш. Монтандон, *будучи носителем языка,* ИЛИ, *тем не менее, сознательно пошел на грубое нарушение* норм французского правописания, ИЛИ *заимствовал написание* данного топонима из какого-то языка, в котором подобное написание *нарушением не являлось*.

Отметим при этом, что он, кроме того, явно целенаправленно *удвоил на письме согласную «t»* в середине слова. В современных переводах Ш. Монтандона и Ф. Дюбуа де Монпере этот нюанс, однако же, переводчиками игнорируется, и это тоже показательно. В то же время исследователи крымской топонимики пытаются этот факт учитывать, но учитывают они его *интуитивно,* разделяя данный ойконим на две части наиболее правдоподобным, *с их точки зрения*, способом. Однако степень этого правдоподобия можно поставить под вопрос (для примера приведем, по аналогии, слово «гуттаперча»).

Наконец, примем во внимание, что Ш. Монтандон начинает записанный им топоним с латинской буквы «K», что в данном случае, в общем-то, совершенно логично, поскольку во французском языке (как и в большинстве других, испытавших на себе влияние Рима) это имеет место именно в иноязычных заимствованиях. Но, как мы увидим далее, это существенно для произношения последующих гласных.

Вообще говоря, Ш. Монтандон порою в той или иной мере искажал (или, если угодно, видоизменял относительно современного произношения и написания) и другие записанные им крымские топонимы, однако их распознавание затруднения не вызывает благодаря

---

[23] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 томах. Симферополь, 2009. Т. 5, 6. С. 260—261.

[24] Произношение Koutteley: Как произносится Koutteley, язык французский // ru.forvo.com: URL: http://ru.forvo.com/word/koutteley/#fr (дата обращения: 24.12.2013).

[25] Французско-русский словарь. Издание пятое, стереотипное / Сост. проф. К.А. Ганьшина. М., 1962. С. 852.

возможности сравнении с альтернативными источниками. Однако в данном случае его свидетельство уникально. Поэтому в нашем случае речь идет о распознавании *русскоязычными* исследователями *крымского* топонима, *не имеющего аналогий* в других источниках и записанного *швейцарским* путешественником способом, не *свойственным французскому языку*, а в дальнейшем *дополнительно искаженного* при переводах и интерпретациях.

Ситуация, на первый взгляд, представляется почти безнадежной. В терминах информационных технологий речь идет о распознавании априорно *неизвестного сигнала*, причем, скорее всего, еще и искаженного при передаче за счет *неизвестного способа кодирования*. Однако в настоящее время такие задачи иногда удается успешно решать, применяя вероятностный подход. Правда, и полученный результат является всего лишь более или менее вероятным, а не стопроцентно достоверным.

За основу мы можем взять методологию, изложенную в работах В.В. Налимова[26].

Согласно В.В. Налимову, «восприятие смысла слов задается двумя функциями распределения:

- априорной функцией распределения смысла слова μ и

- фильтром, возникающим в сознании человека, когда он слышит некую фразу y и обращает внимание на смысл слова μ. При восприятии фразы априорная функция распределения смысла слова свертывается фильтрующей функцией в соответствии с теоремой Бейеса: $p(\mu/y)=kp(\mu)p(y/\mu)$, и мы получаем $p(\mu/y)$ — апостериорное распределение[27] смысла слова μ, определяющего его смысл в некой конкретной фразе y. Обе функции распределения: $p(\mu)$ и $p(y/\mu)$ индивидуальные, персональные. В этом смысле они представляют собой проявление свободы воли человека, воспринимающего текст. В то же время, они обусловлены в какой-то мере культурой, в которой живет человек, его социальным окружением, воспитанием»[28]. Мы в своих работах называем эти смысловые предпочтения индивида, обусловленные культурно-социальным окружением, *социокультурной парадигмой*[29].

Математическая сторона теории В.В. Налимова для гуманитария достаточно сложна, однако ее смысл очень прост: почти любое слово μ *изначально* может иметь несколько значений (порой совершенно разных) и бесчисленное множество оттенков. И если оно читается вне *контекста*, то есть на него не накладываются никакие *ограничения* и *условия*, то *априорная* вероятность его понимания в конкретном значении или оттенке смысла определяется, грубо говоря, только частотным словарем. А в нашем случае именно с этим отсутствием ограничений связано появление «альтернативных» интерпретаций топонима «Koutteley». В то же время *конкретный* человек сам по себе имеет какие-то смысловые *предпочтения* и из всего многообразия смыслов выберет только некоторые, так же как в палитре художника могут быть любимые и нелюбимые краски. Теперь представим себе следующий шаг: этот же художник должен написать конкретный сюжет. Очевидно, что на

---

[26] *Налимов В.В.* Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995; Он же. Вероятностная модель языка. Томск—Москва, 2003.

[27] Здесь k — константа нормировки: площадь, ограниченная осью абсцисс и кривой $p(\mu/y)$, должна быть равна единице (примечание В.В. Налимова — *Н.Д.*)

[28] *Налимов В.В.* Реальность нереального... М., 1995. С.32.

[29] *Днепровский Н.В.* От легенды агиографической к легенде географической: опыт анализа одного жития // Матеріали Восьмої Міжнародної наукової конференції «Церква — наука — суспільство: питання взаємодії». К., 2010. С. 39—40; Он же. История с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики // МАИАСК. 2012. Вып. IV. С. 194, 199.

его выбор красок будут накладываться, кроме *личных* предпочтений и *наличной* палитры цветов еще и *свойства предмета* – его цветовая гамма. В результате на картине цветовая гамма предмета будет передана совсем не так (а порою и вплоть до полного искажения), как на цветной фотографии. Больше того, художник может вообще отказаться от полихромности и написать объект сепией или углем. Однако, зная все вышеописанные нюансы, мы можем предположительно воссоздать и сам объект.

Точно также и понять смысл (а, тем более, смысловой оттенок) слова *относительно правильно* можно лишь в *контексте*. А контекст будет включать в себя как *реальные условия*, так и *социокультурную парадигму* того, кто эти условия *описывает.*

Следовательно, если мы сумеем воспроизвести этот утраченный контекст, то с высокой вероятностью сможем восстановить и первоначальный смысл слова. И воспроизведем тем точнее, чем точнее будут воспроизведены условия восприятия и социокультурная парадигма записавшего это слово.

Поясним теперь, как это относится к нашему случаю.

1. Как мы видели, часть исследователей относит топоним Koutteley к Эски-Кермену, а часть – к укреплению Кыз-Куле. Поскольку у каждой стороны были *свои* аргументы, то возникает альтернатива: ИЛИ, по крайней мере, одна из сторон руководствовалась *не объективными условиями, а своей социокультурной парадигмой*; ИЛИ топоним, в действительности, может *относиться ко всей местности*, на которой расположены оба эти географические объекта. *Значит, для начала нужно выяснить эти объективные условия и повторно произвести фильтрацию исходных данных*.

2. Различие в *русских* транскрипциях одного и того же топонима, записанного *швейцарским* путешественником, говорит ИЛИ о *грубом несоответствии языковых парадигм* Ш. Монтандона и его переводчиков и толкователей, ИЛИ о *грубом искажении самого слова* при записи ИЛИ передаче. Отечественные переводчики руководствовались *нормами* французского языка и *нормами* его транскрипции. Во времена П.И. Кеппена последняя осуществлялась с помощью простой транслитерации иностранного названия («Куттелей»). Т.М. Фадеева руководствовалась нормами современного французского языка («Кутле»). Что касается исходно неправильной *записи* топонима, то поверить в это трудно: Ш. Монтандон, будучи носителем языка, был известен и своей швейцарской добросовестностью. По этой же причине и вероятность опечатки при издании его книги хотя и существует, но представляется нам достаточно малой – автор вряд ли оставил бы ее без внимания. Поэтому наиболее вероятным мы считаем последний вариант: *если, будучи образованным человеком и носителем языка, Ш. Монтандон записал топоним не в обычной французской транскрипции, а, напротив, совершенно нехарактерным для его родного языка способом, то это означает только то, что он ИЛИ закодировал таким неординарным способом какое-то непроизносимое на французском языке слово; ИЛИ он получил этот код в готовом виде из какого-то другого источника. Но, в любом случае, для правильного произнесения этого слова нам необходимо понять способ этой кодировки.*

Итак, нам необходимо: во-первых, выяснить условия применимости топонима Koutteley к местности и попытаться заново локализовать объект с таким названием; во-вторых, попытаться определить способ кодирования, примененный Ш. Монтандоном; и, в-третьих (если это возможно), выявить свойства объекта, заставившие Ш. Монтандона применить столь нестандартный способ кодирования. Как мы видим, данная методология, по сути дела, всего лишь развивает на качественно новом уровне высказанную А.Л. Бертье-Делагардом и процитированную нами в начале нашей работы мысль о необходимости «толкования

письменных документов» лишь при условии их «знания и умения ими пользоваться» *вместе* с правильным «пониманием чисто местных условий».

Для решения первых двух задач обратимся непосредственно к путеводителю Ш. Монтандона. В нем *совершенно точно описывается как дорога из Каралеза в Черкес-Кермен, так и сама деревня*: «Эта деревня, зажатая среди скал, вероятно, изрытых водой, удивляет своим необычным расположением и конструкцией домов. Большинство из них выходит на улицу (которая является ни чем иным, как длинным, извилистым коридором, по которому с неистовой силой дует ветер) фасадом, снабженным дверью и отверстиями, через которые проникает дневной свет. Другую сторону этих жилищ совершенно особого рода, как и их потолок, составляет скала.

Над небольшой новой мечетью, расположенной посреди деревни, видны углубления, из которых вытекает чистая, прозрачная вода.

На скалах на востоке заметна башня древнего форта и несколько каменных построек, называемых местными татарами «Кутелей»»[30].

Итак, мы можем сделать первый важный вывод. *Никакого упоминания о Кутлу-Бее у Ш. Монтандона не содержится. Это упоминание оказалось вовсе не полезными данными, а информационным шумом, возникшем в ходе последовательной интерпретации – вначале слов Ш. Монтандона П.И. Кеппеном, а затем и слов П.И. Кеппена Ф. Дюбуа де Монпере.* Причем *П.И. Кеппен* высказал свою интерпретацию всего лишь в качестве *гипотезы*, а самого Ш. Монтандона процитировал совершенно точно. А вот *Ф. Дюбуа де Монпере уже приписал непосредственно Ш. Монтандону эти слова о Кутлук-бее*, *которых тот никогда не говорил и которые, в действительности, являются не более чем упомянутым выше предположением П.И. Кеппена*.

Кроме того, *данное описание ясно и однозначно привязывает интересующий нас топоним к укреплению, ныне именуемому «Кыз-Куле»,* если учесть, что плато Топшан, где расположена башня Кыз-куле, действительно ограничивает Черкес-Керменское ущелье с востока, но *совершенно закрывает из этого ущелья Эски-Кермен*. Это полностью согласуется с мнением П.И. Кеппена и ситуативно прекрасно отражено на гравюре Е. Корнеева из альбома П. Сумарокова[31] (рис. 3).

Тем не менее, этот факт почему-то расходится с мнением как Н.Л. Эрнста, так и последующих исследователей, казалось бы, хорошо знакомых с местностью. Поэтому мы просто обязаны выявить *причину* этого расхождения. И если мы снова обратимся к первоисточнику, то найдем эту причину – дальнейшие слова «Путеводителя» попросту оказались *слишком лаконичными*: «Совсем неподалеку отсюда есть колодец, заслуживающий любопытства путешественников. Туда можно пробраться через верх скалы, но так как лестница, высеченная в камне и спускающаяся там, сильно разрушена, лучше пройти к нижнему отверстию колодца»[32]. *Эта краткость и ввела в заблуждение практически всех последующих исследователей, поскольку осадный колодец, описание которого приводится далее в «Путеводителе», действительно расположен уже на соседнем Эски-Кермене, между тем как упоминание о разделяющем Эски-Керменское плато и плато Тапшан ущелье*

[30] *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму... С. 181.

[31] Ранее эти иллюстрации приписывались А. де Палдо (См.: *Митрополит Лазарь (Швец), Шорохова Т.С.* Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве. Симферополь, 2012. С. 89).

[32] *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму... С. 181.

Джурла у Ш. Монтандона отсутствует. К тому же эта *информационная неполнота*[33] *сообщения Монтандона* еще более усугублялась сходной *информационной неоднозначностью* более раннего сообщения *П.С. Палласа*: «Не достигнув вершины, налево, в некотором отдалении (около трех четвертей версты от дороги) видна башня старого укрепления, называемого татарами Черкез-Кермен, давшая свое название близлежащей деревне, где прежде жили греки, теперь же живут только татары. Всего замечательнее в этом старом укреплении, где уцелели только башня и часть стен, высеченный в скале, в нескольких сотнях саженей от укрепления глубокий колодезь; в него спускаются с опасностью по ступеням, высеченным также в скале»[34]. Эта *противоречивость* описания[35] («в укреплении» и в то же время «в нескольких сотнях саженей от укрепления») дала последующим интерпретаторам *свободу выбора*. Часть из них этот выбор сделала в пользу утверждения «в укреплении». Дальше логика научного мышления сформировала энтимему — неполно выраженный силлогизм, где опущена одна из посылок: «(1.*Объективно колодец находится на Эски-Керменском плато*.) 2.По свидетельству Палласа, колодец находится в укреплении Черкес-Кермен. 3. Следовательно, Эски-Керменское плато входит в состав укрепления Черкес-Кермен». Очевидно, именно это *опущение* части сведений привело к отождествлению частью позднейших авторов *Черкес-Кермена* с *Эски-Керменом* и, как следствие, к *их* выводу о том, что и Монтандон относит ойконим «Koutteley» к *Эски-Кермену*. Способствовала этому и фраза о том, что колодец находится «совсем недалеко» – как мы видели, А.Г. Герцен поставил знак равенства между этим «совсем недалеко» и «рядом», что, собственно, и дало ему главное основание к распространению географического названия «Кут-Телей» на территорию Эски-Кермена.

---

[33] Важно понимать, что с точки зрения методов обработки информации информационную *неполноту* сигнала можно представить как наличие в нем вредного *шума* (помехи), полностью «забившего» часть полезной информации. К счастью, в нашем случае потерянная информация сохранилась непосредственно *на местности*.

[34] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах // Историческое наследие. М., 1999. Т. 27. С. 54.

[35] Поскольку простейшая логика заключается в том, что нельзя быть одновременно *внутри* и *вне* одной и той же области *пространства*, одно из противоречащих друг другу утверждений П.С. Палласа является информационным *шумом*, что и привело к уменьшению *априорной* вероятности его правильного распознавания. Более того, для человека, незнакомого с конкретной местностью, эта *априорная* вероятность «по Палласу» вообще оказывается «50 : 50», т.е. 50% для любого утверждения. Другими словами, неподготовленный человек, *мыслящий чисто логически или изучающий Крым в основном по книгам* (как, в частности, видимо, делали Ф.-Х. Байер и А.К. Шапошников), вообще не сможет определить, где же, в действительности, находится колодец, и ситуация вполне тождественна классическому казусу с фразой «помиловать нельзя повесить». Фраза П.С. Палласа с самого начала может быть понята только *вероятностно,* поскольку «в нескольких сотнях саженей» – это *территориально* значит «*вне*», однако *топонимически* это вполне может быть *«одно и то же»*. Следовательно, здесь были смешаны *априорная* и *условные* плотности вероятностей, где *разными* условиями *по умолчанию* были *положение и название*. Отсюда и все недоразумения. В этом смысле показательно, что *побывавший на местности* П.И. Кеппен никаких сомнений не испытывал: «*В другом месте* (курсив наш — *Н.Д.*) находится главная, по мнению Палласа, достопримечательность этих мест: глубокий колодец, иссеченный в скале, которого вода есть одна из самых холодных в Крыму. Сумароков видел тут две церкви. Это-то место, которое у Татар, *конечно для отличия от Турецкой постройки*, (курсив наш — *Н.Д.*) получило название Эскермен или Эски-Кирман (старинная крепость), есть, без сомнения тот древний, *ныне уже безымянный* (курсив наш — *Н.Д.*) город, о коем упомянул Броневский» (Кеппен П.И. Крымский сборник. С. 259—260).

Между тем все сразу становится на свои места, если мы проанализируем дальнейшие слова Ш. Монтандона: «В этом случае *снова спускаемся вглубь деревни* (курсив наш — *Н.Д.*) до большого дома, строительство которого приостановлено со смертью владельца, князя Кая-Бея; *оттуда следуем версту по дороге, огибающей скалу* (курсив наш — *Н.Д.*). Потом через кустарник поднимаемся на гору, находящуюся справа, до отверстия, расположенного у подножия скалы, в которую заходим, чтобы осмотреть при свете факелов (ими придется запастись) великолепный источник в форме колодца»[36].

Ясно, что это тоже слова очевидца, дающего ясные и четкие указания отнюдь не понаслышке. И, тем не менее, *сейчас* эти слова могут ввести (и вводили) в заблуждение даже тех, кто бывал на Эски-Кермене, поскольку ни прежней деревни Черкес-Кермен, ни дома Кая-бея давно не существует. Поэтому выражение «снова спуститься» *в изменившихся условиях* однозначно наводит современного исследователя на мысль о том, что Монтандон уже *поднялся* перед этим *на Эски-Керменское плато*, но не решился лезть в полуразрушенный колодец. Чтобы выяснить, так ли это, стоит задаться вопросом: *зачем*, *откуда* и в *какую* «глубь деревни» должен был «*снова* спуститься» путешественник *во времена Ш. Монтандона,* чтобы добраться до этого колодца? И почему этот маршрут следовало начинать именно от дома некоего Кая-Бея, а не от любого другого?

Для ответа на этот вопрос вспомним, что деревня Черкес-Кермен располагалась в *ущелье*. К счастью, и П.И. Кеппен, и Ф. Дюбуа де Монпере сохранили нам планы местности (рис.1,2), что позволяет нам в деталях проследить предложенный Ш. Монтандоном маршрут[37]. Действительно, на плане П.И. Кеппена (рис. 1) — в самом устье ущелья, а, точнее, *уже за его пределами*, буквой «В» отмечен «недостроенный дом владельца Черкес-Кермена и за оным сады С вдоль по ущелью, между высокими скалами К (при коих, как видно на плане, находятся осыпи гор)»[38]. На плане Дюбуа — еще более подробном (рис. 2) — также отмечены и дом Кая-Бея, и деревня Черкес-Кермен, и «замок Черкес-Кермен». Поскольку (по крайней мере во времена Ф. Дюбуа де Монпере, труд которого был опубликован в 1843г., т.е. через 9 лет после книги Ш. Монтандона) «деревня имела только один выход – на север», то путешественник, посетивший Черкес-Кермен, для его осмотра неизбежно должен был *подняться вверх по ущелью*. А вот *для осмотра осадного колодца ему, действительно, следовало вернуться по ущелью вниз* (т.е. «*снова спуститься*») *до выхода из него*, что хорошо видно на гравюре Е. Корнеева (рис. 3), а затем повернуть направо, т.е. как раз мимо недостроенного дома *бывшего владельца деревни* Кая-Бея, который, разумеется, знал и мог указать любой местный житель. Более надежный ориентир *в то время* придумать было невозможно, ибо к осадному колодцу оттуда проходил самый прямой и короткий маршрут, а сам колодец от этого места, действительно, находился «совсем недалеко», а, точнее, на расстоянии «версты по дороге». На равнине это действительно «рядом», и в этой ситуации А.Г. Герцен был бы абсолютно прав. Однако в *горной местности* дело обстоит совершенно иначе. В данном случае, в самом прямом смысле этого слова, «гладко было на бумаге, но *забыли про овраги*» – в данном случае про *ущелье Джурла,* которое разделяет два совершенно *разных* географических объекта — плато Тапшан и Эски-Керменское плато. *О нем, действительно, почему-то не упомянул Ш. Монтандон*. Достаточно одного взгляда на план, чтобы в этом убедиться. Поэтому замена

---

[36] *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму... С.181.

[37] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 томах. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. Л. XVII; *Кеппен П.И.* Крымский сборник. С. 235.

[38] Там же. С. 254.

А.Г.Герценом этого «недалеко» на «рядом» без учета не только *конкретного значения расстояния* (одна верста), но и *характера местности* (о чем и предупреждал А.Л.Бертье-Делагард в своей фразе, с которой мы начали нашу статью) *привела его к неверным выводам*. Кроме того, на основании всего вышеизложенного можно практически достоверно утверждать, что *Ш.Монтандон на Эски-Керменское плато не только не поднимался, но и предостерегал от этого читателей своего «Путеводителя», а потому и городища он не видел вообще – он проник в колодец непосредственно с дороги*. Именно *поэтому* в его сочинении нет упоминаний более ни о каких скальных сооружениях, кроме колодца. *Следовательно, из описания Ш.Монтандона никак не вытекает, что он приписывал название «Koutteley», кроме укрепления Кыз-куле, еще и участку, на котором находился колодец, и, тем более, не увиденному им Эски-Кермену в целом. Это – в чистом виде домысел последующих авторов, вызванный информационной неполнотой сообщения Ш. Монтандона, восполнить которую можно было бы только из других источников и проверки на местности*. И совершенно прав был П.И. Кеппен, когда «считал, что название относится к укреплению Кыз-куле, расположенному на соседнем с Эски-керменом плато Топшан», поскольку он, во-первых, *в подлиннике* (а, следовательно, в *неискаженном виде*) читал сочинения М. Броневского, Ф. Козена и Ш. Монтандона (т.е., выполнил *первое* условие А.Л. Бертье-Делагарда — знание документов), а, во-вторых, мог сопоставить сочинение последнего с планом, которого в самом этом сочинении, к сожалению, не было, но который был им начерчен собственноручно на местности. Между тем, как, опять-таки, совершенно правильно указывал А.Л. Бертье-Делагард, никакое, даже самое лучшее словесное описание не заменит чертежей и планов[39].

Следовательно, мы можем сделать и второй важный вывод: топоним «Кутелей» (а, точнее, «Koutteley») вообще никоим образом на городище Эски-Кермен распространяться не может. Что же касается «только пещер вообще», о которых, как пишет Н.Л. Эрнст, якобы упоминал Монтандон, то, как мы уже видели из приведенного описания, оно относится вовсе не к Эски-Кермену, а *только к пещерам деревни* Черкес-Кермен, *в которые были встроены дома* местных жителей. Тем более, что на северной оконечности Эски-керменского плато никаких построек нет в принципе. На это специально обращал внимание еще Евгений Марков: «Он (Эски-Кермен — *Н.Д.*) стоит совершенно отдельной горою, как Мангуп, только значительно ниже его. В Крыму нет пещерного города, более характерного. Кроме пещер – ничего, *ни малейшего следа развалин* (курсив наш — *Н.Д.*)»[40]. Действительно, остатки наземных построек расположены на южной оконечности плато и за скатом горы от укрепления Кыз-куле попросту не видны.

Тем не менее, Ш. Монтандон все же видел на скале какие-то каменные постройки. Поэтому нам необходимо уточнить, о чем здесь идет речь. Ответ на этот вопрос мы вновь находим у Ф. Дюбуа де Монпере: «Значительная часть руин (курсив наш – *Н.Д.*) расположена на узком и высоком плато скалы, которая тянется вдоль деревни с востока…». Далее, «По краям скального плато не заметны никакие следы укреплений или стен, за исключением небольшой, почти стертой руины справа от ворот»[41]. Будучи исключительно хорошим рисовальщиком, он не только отобразил все вышеописанное на плане (где справа от воротной башни хорошо просматривается план «полустертой руины»), но и соответствующий плану общий вид местности на одной из таблиц своего «Атласа» (рис. 4).

---

[39] *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя… С. 8—9.
[40] *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. К., 2009. С. 400—401.
[41] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам... С. 259—260.

Благодаря этому мы можем ясно представить себе, что именно видел Ш. Монтандон — это были фундаменты построек на территории укрепления, располагавшегося на мысе Кыз-Куле-бурун. Отметим, что, хотя Дюбуа упоминает еще о «значительной части руин» на этом же плато, однако *от укреплений* зарисовать ему удалось только башню и небольшую руину. Рискнем объяснить это кажущееся противоречие тем, что от большинства *жилищ* в «пещерных городах» остаются совершенно невыразительные, хотя и хорошо заметные на местности развалы камня, изобразить которые в мелком масштабе чрезвычайно сложно — они просто создадут хаос на рисунке. Тем не менее, даже сегодня очертания этих былых построек хорошо видны с воздуха. На аэрофотоснимках (рис. 5, 6) отчетливо различимы слабые контуры нескольких (не менее пяти) прямоугольных строений. Особенно хорошо видны остатки той самой «небольшой, почти стертой руины справа от ворот», которую зафиксировал Дюбуа — это, вне всякого сомнения, остатки часовни (рис. 7).

Таким образом, описание Монтандона подтверждается во всех упомянутых им деталях. Это полностью соответствует его репутации человека, основательно изучившего Крымский полуостров, суждения которого были весьма добросовестны[42]. Руины построек на территории укрепления Кыз-Куле определенно были, и сомневаться в этом более не приходится. Надо также учесть, что Ш. Монтандон посетил Черкес-Кермен десятилетием ранее Дюбуа, когда они должны были быть целее. Ведь П.С.Паллас, побывавший здесь сорока годами ранее, еще говорит даже о виденных с дороги частях стен[43], а крымское население во все времена охотно разбирало на камень оставшиеся без присмотра постройки.

Именно благодаря всем этим дополнительным материалам мы можем утверждать, что справедлива кеппеновская привязка к местности ойконима «Koutteley»: он относился не к Эски-Кермену и даже не к деревне Черкес-Кермен в целом, а именно к территории укрепления на мысу плато Тапшан. А это уже, в свою очередь, создает тот необходимый *контекст*, который позволяет понять его *смысл с гораздо большей степенью достоверности*, поскольку, по В.В. Налимову, от *априорного* распределения вероятности смысловых значений *заведомо искаженного* латинской транскрипцией слова, предоставляющего почти *неограниченное* поле трактовок (точнее, ограниченное только уровнем филологической подготовки трактующего, равно как и уровнем его *изобретательности*) мы переходим к *условному* распределению вероятностей, *отфильтровывая от смыслового шума нужные смыслы с помощью ограничений, налагаемых географическими реалиями*.

И, в первую очередь, мы имеем все основания сделать вывод о том, что небольшая крепостца площадью не более 1,3 га[44], а, по сути — укрепленное убежище, расположенное на оконечности плато Тапшан — никак не «тянет» на роль «полиса» («города-народа»). В вышеприведенном отрывке из работы А.Г. Герцена он сам же специально подчеркивает, что «на узкой северной оконечности плато Топшан, где находится башня, культурный слой ничтожен». Не имея запасов воды, она, по мнению Н.И. Репникова, была неудобна для постоянного жилья[45]. Во всяком случае, по этой причине она не могла противостоять правильной длительной осаде. А, следовательно, нельзя считать убедительными как рассуждения И.Л. Белянского об обширных границах «Кут-Телея», так и предположение А.К. Шапошникова о переносе на это скромное убежище названия *позднескифской крепости*

[42] *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму... С.11.
[43] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам... С. 54.
[44] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики. К., 1991. С. 136.
[45] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1—8. С. 140.

птолемеевских времен, некогда расположенной на другом конце Крымского полуострова — «где-то к северу от Феодосии», «на Керченском полуострове». Это — чисто кабинетное построение. С таким же успехом можно было бы произвести это название, например, от *ветхозаветного* Кута (IV Цар. XVII, 24—30), локализация которого до сих пор также находится под вопросом. Ведь мы имеем как прямое свидетельство М. Броневского о том, что Черкес-Кермен был «*крепостью новой*» (и, по его утверждению, построенной турками, а, следовательно, уже после 1475г.)[46], так и археологические доказательства его позднего происхождения. В.Л. Мыц относит «замок» Кыз-Куле к XIV—XVвв., причем отмечает, что памятник является *однослойным*[47]. По данным У.А. Боданинского, найденные в часовне на его территории погребения датируются XIII—XIVвв.[48], а настил пола часовни имеет аналог в чуфут-калинской мечети, также относящейся к XIVв.[49]. К XII-XIV вв. относится и керамика культурного слоя на дне черкес-керменского ущелья в окрестностях храма «Донаторов»[50].

Следовательно, в хазарский период (и даже намного позже) этого укрепления попросту не существовало. А, значит, упоминание о нем никоим образом не могло попасть в письмо кагана Иосифа. Поэтому ни о каком «связанном» с ним «городе-народе Кут» не может быть и речи. Но еще больший временной интервал (не говоря уже о географическом расстоянии) разделяет укрепление на плато Топшан и позднескифскую крепость Кутайон. По этой причине загадочный ойконим не мог быть перенесен с Керченского полуострова, а имел, скорее всего, автохтонное происхождение. Значит, и искать его разгадку надо в словаре местных жителей.

Все это позволяет нам подойти к решению третьей поставленной нам ранее задачи — *определению примененного Ш. Монтандоном способа кодирования информации*.

Причем если, как предполагает В.Л. Мыц, укрепление Кыз-куле действительно относится к XIV—XVвв., то загадка «Куттелея» решается чрезвычайно просто.

Для этого снова напомним, что Ш. Монтандон применяет окончание, совершенно не встречающееся во французском языке. Не характерно оно и для языка немецкого. Зато оно *типично для английского языка* (ср. *valley, Berkley etc*.), где оно читается как *И*. А в английском языке в словах, заимствованных из восточных языков, дифтонг «ou» после «K» читается в закрытом слоге как «u:» даже перед согласной «r»: «koumiss [`ku:mis]» — «кумыс»; «kourbash [`ku:bæʃ]» — «*араб*. ременная плеть»[51]. Поэтому у нас есть все основания утверждать, что *Ш. Монтандон по каким-то причинам записал слово «Koutteley» не во французской, а в английской транскрипции, и с учетом удвоенного «t» его следует читать как [`ku:t'elı]*. Исходя из этого, вероятнее всего, что Ш.Монтандон не взял это слово *непосредственно* из лексикона местных жителей, а *позаимствовал* его из какого-то неизвестного нам *англоязычного источника*. Ведь, в отличие от книг тех же П.И. Кеппена и Ф. Дюбуа де Монпере, Ш. Монтандон не балует своего читателя обилием литературных ссылок. Между тем, будучи добросовестным исследователем, он наверняка работал с литературой. Однако поиски этого источника не входят в задачи настоящей статьи,

---

[46] *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма... С. 16; *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 118.

[47] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики. С. 136.

[48] *Боданинский У.А.* Черкес-Керменское укрепление Кыз-Кулле по разведкам 1933 г. // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. С. 85.

[49] Там же. С. 84.

[50] Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. К., 1966. С. 23.

[51] Англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер. М.,1963. С. 558.

поскольку *наше допущение об англоязычной транскрипции топонима само по себе дает нам все необходимое для его реконструкции.*

Как известно, топонимы являются чрезвычайно устойчивыми лексическими образованиями, многие из которых сохраняются тысячелетиями. Тем не менее, уже П.И. Кеппен, издавший свою книгу всего через три года после Ш. Монтандона (не говоря о Ф. Дюбуа де Монпере), лишь ссылается на сведения своего предшественника. Это усиливает наши сомнения в том, что и сам Ш. Монтандон лично слышал данное название. Скорее, он попросту привел сведения, содержащиеся в более раннем англоязычным источнике[52]. Если сопоставить это с тем, что в 1778 г. из Крыма было, по сути дела, депортировано («выведено») его греческое население, то напрашивается вывод, что исчезновение топонима могло быть напрямую связано с исчезновением самих носителей языка. Вспомним свидетельство П.С. Палласа о «башне старого укрепления, называемого татарами Черкез-Кермен, давшей свое название близлежащей деревне, где *прежде жили греки* (курсив наш — *Н.Д.*), теперь же живут только татары»[53]. Если сведения Палласа верны (а у нас нет причин в этом сомневаться), то *создателями интересующего нас названия первоначально были не татары, а именно греки*.

Действительно, в современном греческом языке есть слово *«κουτάλι» («кутАли»)* — «ложка»[54], сходство которого со словом *«Koutteley»* и в написании, и в произношении настолько очевидно, что не нуждается в комментариях[55]. И достаточно одного взгляда на оконечность плато Тапшан, чтобы увидеть, насколько метким является это определение. *Действительно*, треугольная площадка укрепленного мыса переходит в длинный изогнутый гребень-«черенок», соединяющий его с основным массивом плато Тапшан (рис. 5,6). А о

---

[52] Само по себе существование подобных источников сомнений не вызывает, и пользовались ими достаточно долго. Так, в 1876 г. Дж. Б. Телфер при описании Эски-Кермена («Черкес-Кермена») цитирует анонимного путешественника, посещавшего «пещерные города» еще в 1784 г. К сожалению, названия этого произведения он не приводит (См.: *Telfer J.B.* The Crimea and Transcaucasia; being the narrative of a journey in the Kouban, in Gouria, Georgia, Armenia, Ossety, Imeritia, Swannety, and Mingrelia, and in the Tauric range. L. 1876. Vol.II. P. 212).

[53] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам... С. 54.

[54] *Contopoulos N.* A Lexicon of Modern Greek-English and English—Greek. L., 1868. P. 227; *Jannaris A.N.* A Concise Dictionary of the English and Modern Greek Languages as Actually Written and Spoken. L., 1895. P. 359; *Pervanoglu J.* A Dictionary of the Greek and English Languages With a Table of Proper Nouns and a Compendious History of English Literature. Athens, 1894. P. 436.

[55] Возникает закономерный вопрос, почему никому из ученых эта параллель не приходила в голову ранее. Для ответа на него автор настоящей статьи просмотрел большое количество греческих словарей. Выяснилось, что как во времена Ш. Монтандона, так и гораздо позже создатели подавляющего большинства из них ориентировались либо на древнегреческую лексику, либо на лексику Нового Завета. Поэтому слово «ложка» в них попросту отсутствует, а если и присутствует, то в архаичном варианте «κοχλιάριον». Отметим при этом, что данный термин, строго говоря, относился не к любой ложке, а лишь к ложке, предназначенной для поедания яиц и моллюсков и имевшей вполне определенную форму (См.: *Rich A.* The Illustrated Companion to the Latin Dictionary, and Greek Lexicon Forming a Glossary of all the Words Representing Visible Objects Connected with the Arts, Manufactures, and Every-Day Life of the Greeks and Romans, with Representations of Nearly Two Thousand Objects from the Antique. L., 1849. P. 183). Лишь спустя довольно продолжительное время после обретения Грецией независимости от Турции появились качественные словари современного греческого языка, в которых слово «κουτάλι» было представлено наряду с «κοχλιάριον», а впоследствии его практически вытеснило. Но, очевидно, современным историкам просто не пришло в голову ни предположить поздний характер ойконима, ни обратиться к столь поздним источникам.

том, что греки, *действительно*, издревле давали географическим объектам подобные имена, говорит хотя бы греческое название Чатыр-Дага — «Трапезус» («Стол»).

Таким образом, наше допущение о локальном греческом происхождении топонима во всех своих пунктах с высокой степенью вероятности *соответствует действительности*. Именно поэтому вскоре после исхода *греческого* населения из Крыма старое название было *забыто*.

Однако мы не можем игнорировать тот факт, что Ш. Монтандон приписывает название «Koutteley» именно местным татарам. Возможно, он просто не знал о депортации греков и считал, что сведения, сообщенные неизвестным нам англичанином, получены им от татар. Однако мы допускаем, что какое-то время это наименование могло продержаться и в среде оставшегося в Черкес-Кермене татарского населения, но, скорее всего, уже в переосмысленном виде — *Кут-Эли*. «В ойконимах Крыма компонент *эль* (1 — люди, народ; 2 — край, местность) обычно стоит в конце и имеет аффикс притяжательности — и (отсюда *эли*), а родовое имя при этом ставится в именительном падеже: Черкез-Эли, Шейх-Эли, Ана-Эли, Барак-Эли»[56]. В настоящее этим компонентом заканчивается название множества населенных пунктов Крыма, например, Бахчи-Эли («Садовое»). О значениях слова «Кут» мы уже говорили (см. выше). Наиболее вероятным смыслом слова «кут» в данном контексте следует считать, разумеется, именно «*крепость*». Другими словами, местные татары вполне могли переосмыслить первоначальное греческое название как «*территорию, относящуюся к укреплению*». В таком случае, *именно для транскрибирования этих очень неудобных для европейского слуха «слитно-раздельно» звучащих слов (по-русски подобная транскрипция должна выглядеть как «Кутъэли», однако ни во французском, ни в английском языках аналога твердого знака не существует) неизвестный нам англичанин мог применить двойное «t»*.

В то же время предположение о том, что данный ойконим (в его последнем варианте) изначально возник не в греческой среде, а непосредственно среди татар, кажется нам гораздо менее вероятным. В этом случае он не был бы так скоро забыт и заменен известным нам татарским (или, как полагает Х.-Ф. Байер, турецким[57]) наименованием укрепления — «Кыз-куле».

Предлагаемая нами интерпретация, разумеется, также носит вероятностный характер. Однако гипотеза об англоязычном источнике, зафиксировавшем позднегреческий топоним, имевший очевидное бытовое происхождение, продиктованное самой формой географического объекта, представляется нам гораздо более правдоподобной, чем описанное выше нагромождение никак не обоснованных предположений. Ведь она вполне соответствует известному принципу «бритвы Оккама», требующему «не создавать без необходимости лишних сущностей», самой первой из которых была бы необходимость как-то объяснить грубейшее несоответствие написанного слова нормам французского языка. А «перекличка» топонима *«Koutteley»*» с греческим словом *«κουτάλι»* представляется нам гораздо более «заметной», чем «перекличка топонима «Кут» из еврейско-хазарской переписки и «Куттелей».

Итак, с одной стороны, мы получили вполне осмысленный ответ на завуалированный вопрос Н.Л. Эрнста о том, почему Ш. Монтандон дал участку на плато Тапшан столь «непривычное» название. С другой стороны, можно утверждать, что развитая вокруг *искусственно созданного* ойконима «Кут-Телей» концепция, обзор которой мы сделали в

[56] Белянский И.Л. Словарь ойконимов Крыма... С. 154—155.
[57] *Байер Х.-Ф.* Идеология, показанная на примере отрицания... С. 464.

первой части нашей работы, оказалась в основной своей части не более чем историографическим мифом. В частности, для попытки локализации на этой основе «города-народа» Кут серьезных оснований пока что не существует. Этот ойконим прекрасно объясняется из уже известных нам исторических и этнических реалий *при условии* учета наличных условий *местности, которыми, собственно, он и был продиктован*. Разумеется, при большом желании название «Кут-эли» можно интерпретировать и как «территорию Кута» или даже «территорию готов». Однако в свете вышеизложенного такое толкование чрезвычайно маловероятно.

И, наконец, мы достоверно установили, что данный топоним *никоим образом* не мог — вопреки устоявшемуся среди части ученых мнению — распространяться на Эски-Кермен. Но из всего изложенного должно быть также понятно, что ошибочность этого мнения является не следствием чьей-то «пристрастности», «потери логики» или недостаточной филологической подготовки, как полагал Ф.-Х. Байер, а, в первую очередь, исчезновением старых ориентиров на самой местности. Это, в совокупности с информационной неполнотой нарративных источников, привело к неизбежному произволу в оценках, что вначале повлекло за собой неверную привязку топонима, а затем помешало и его правильной интерпретации, поскольку Эски-Керменское плато с «ложкой», действительно, никак не ассоциируется.

В целом же описанный казус только подтверждает сделанный нами ранее вывод о глубине той культурной катастрофы, которая стала следствием депортации одного из коренных народов полуострова — крымских греков[58].

Что же касается самого Ш. Монтандона, то мы, напротив, убедились в том, что, вопреки его критикам, если его и можно в чем-то упрекнуть, то никак не в научном дилетантизме, а лишь в отсутствии литературной ссылки на использованный им источник. Однако следует помнить, что он писал не *научный* трактат, а *популярный* путеводитель для путешественников. Собственно же степень информационной неполноты его сообщения, как мы убедились, не более той, что содержится в работе такого признанного ученого, как П.С. Паллас. Таким образом, в очередной раз оказалось, что *мнимая* «недостоверность» старых литературных источников объясняется, в действительности, всего лишь социокультурной парадигмой *современных* исследователей, которые читают не то, что *написано*, а то, как они *представляют* себе это написанное в свете *других* имеющихся у них *представлений, сформировавшихся в изменившихся условиях*. Причем в эти представления — безо всяких к тому оснований — входит (что особенно характерно для советских ученых довоенной поры) и *априорное* недоверие к результатам и интерпретациям более *ранних* исследователей, таких как П.И. Кеппен и Ф. Дюбуа де Монпере. Между тем, последние попросту творили в рамках другой, но также единой, социокультурной парадигмы, которая просто *отличается* от нашей. Именно поэтому внимательное сопоставление их материалов (как между собой, так и с реальными условиями на местности) позволяет — с обязательным учетом этой парадигмы! — не только попытаться дать научно *обоснованную* интерпретацию «загадочным» крымским топонимам, но и получить *дополнительные* сведения по истории изучения Крымского полуострова, в том числе его знаменитых «пещерных городов».

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность М.В. Ивашкиной за ценные консультации.

---

[58] *Днепровский Н.В.* История с «Географией»... С. 206.

Резюме

Данная статья посвящена происхождению ойконима «Koutteley», введенного в оборот швейцарским путешественником Ш. Монтандоном при описании местности, окружающей деревню Черкес-Кермен, а также его географической привязке. Установлено, что данный ойконим, вопреки мнению ряда предыдущих исследователей, никоим образом не мог распространяться на «пещерный город» Эски-Кермен. Это ошибочное мнение было вызвано только информационной неполнотой письменных источников, а также современными изменениями на местности. Ойконим «Koutteley» мог относиться лишь к северной оконечности плато Тапшан, на котором расположено укрепление Кыз-Куле. Нами также установлено, что правила записи этого названия соответствуют нормам не французского, а английского языка, что впервые позволило реконструировать его действительное произношение местными жителями. С наибольшей вероятностью оно соответствует греческому слову *«κουτάλι» («кутАли»)* означающему «ложку». Происхождение этого топонима, вероятно, позднее и продиктовано формой скалистого мыса, действительно напоминающего ложку. Ойконим возник в среде греческого населения деревни Черкес-Кермен и был забыт вскоре после депортации греков из Крыма в конце XVIII столетия.

Ключевые слова: Крым, история, готы, топонимика, «пещерные города», Эски-Кермен, Черкес-Кермен.

Summary

This article is concerning the origin of the «Koutteley» oikonym, which was introduced by the Swiss traveller C.Montandon when describing the surroundings of the village Tcherkess-Kermen, as well as its geo-referencing. We have stated that this oikonym, contrary to the opinion of a number of previous researchers, in no way could be applied to «cave city» Eski-Kermen. This misconception was caused only by informational incompleteness of the written sources, as well as the landscape changes of the recent time. The «Koutteley» oikonym could only be referred to the Northern tip of the Tapshan plateau hosting the fortification of Kyz-Kule. We have also found that notification of this name do correspond to the rules of not the French but the English language. This fact allowed us for the first time to reconstruct its real pronunciation by local residents. Most likely it corresponds to the Greek word «κουτάλι» meaning «a spoon». Probably, the origin of this word is rather modern. It was determined by the form of a rocky tip of the Tapshan plateau which is really resembling a spoon. This oikonym have been originated among the Greek population of the village Tcherkess-Kermen and was forgotten soon after the deportation of Greeks from the Crimea in the late XVIII century.

Keywords: Crimea, history, Goths, toponymy, «cave cities», Eski-Kermen, Tcherkess-Kermen.

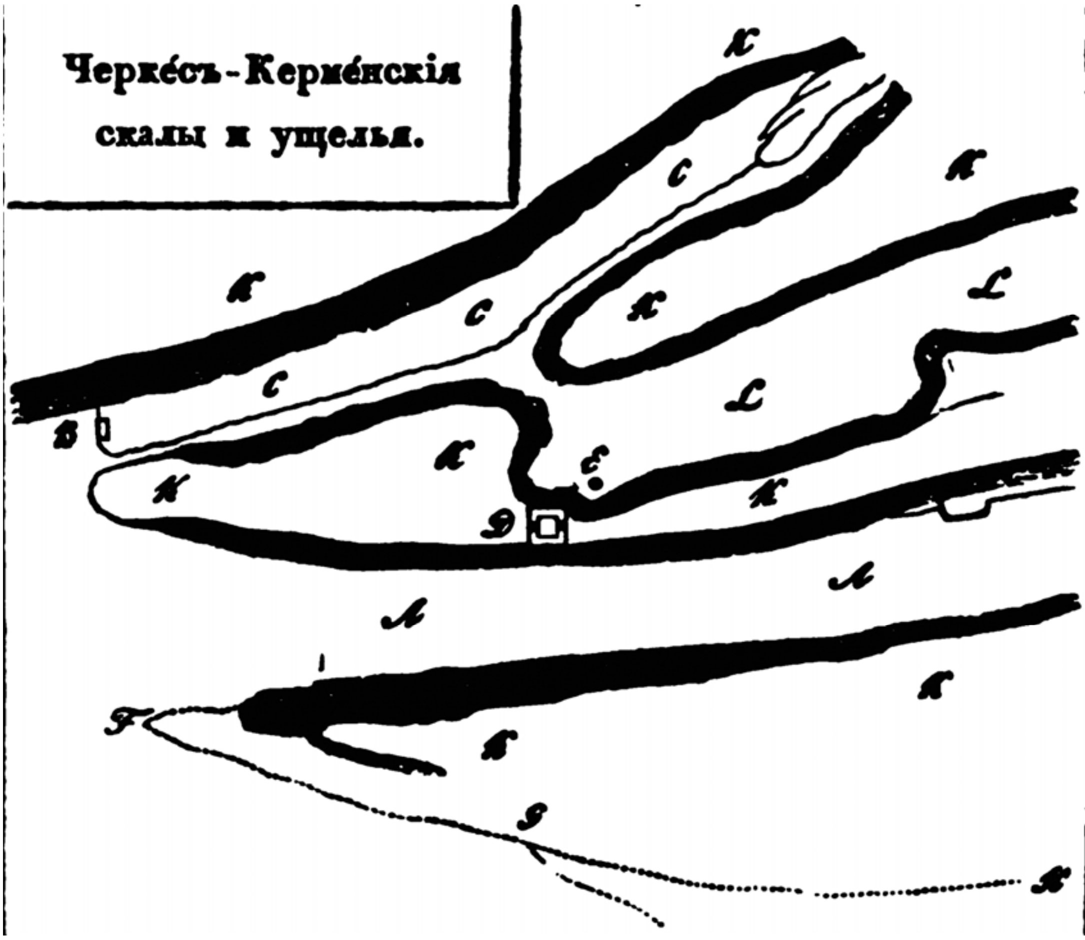

Рис. 1. План окрестностей Черкес-Кермена (по П.И. Кеппену).

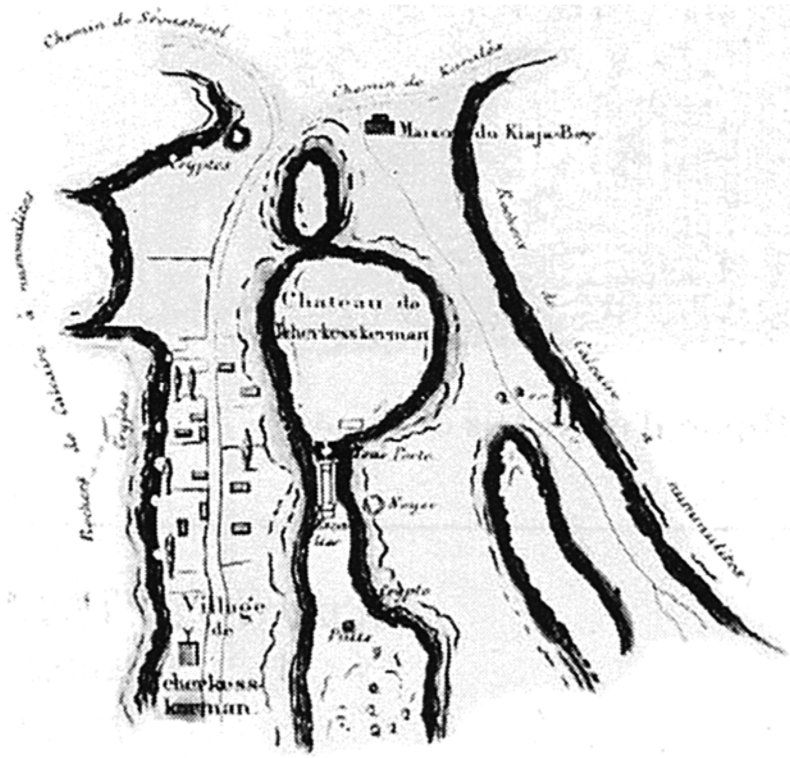

Рис. 2. План окрестностей Черкес-Кермена (по Ф.Дюбуа де Монпере).

Рис. 3. Черкес-Керман (гравюра Е. Корнеева).

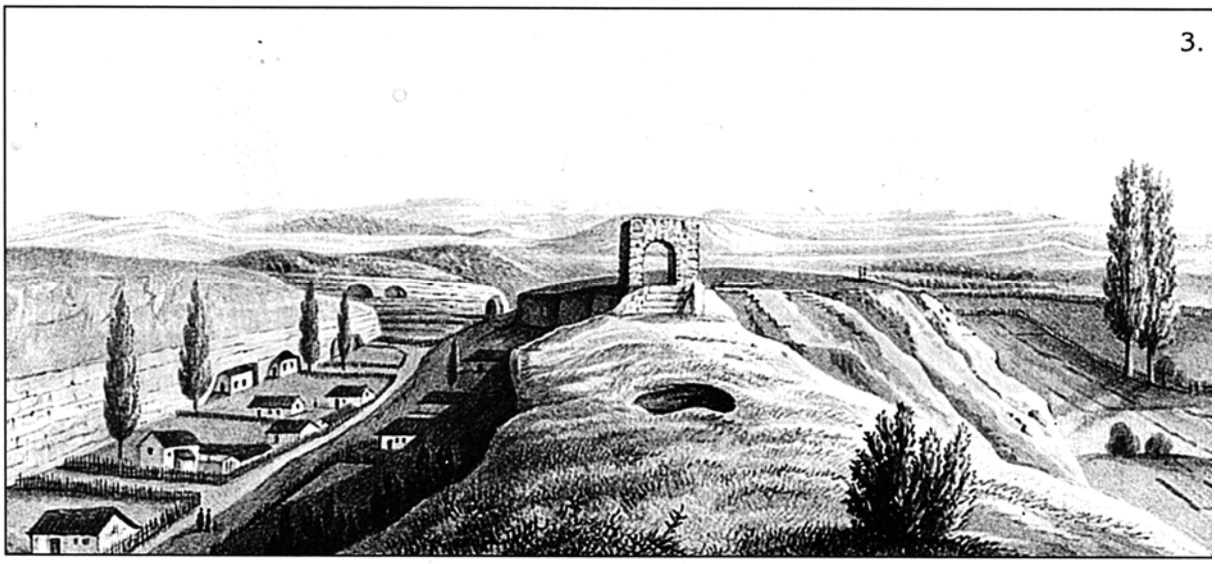

Рис. 4. Вид Черкес-Кермена (по Ф. Дюбуа де Монпере).

Рис. 5. Укрепление Кыз-Куле. Аэрофотосъемка (Архив КРУ БИКЗ).

Рис. 6. Вид укрепления Кыз-Куле с юга. Аэрофотосъемка. (Архив КРУ БИКЗ).

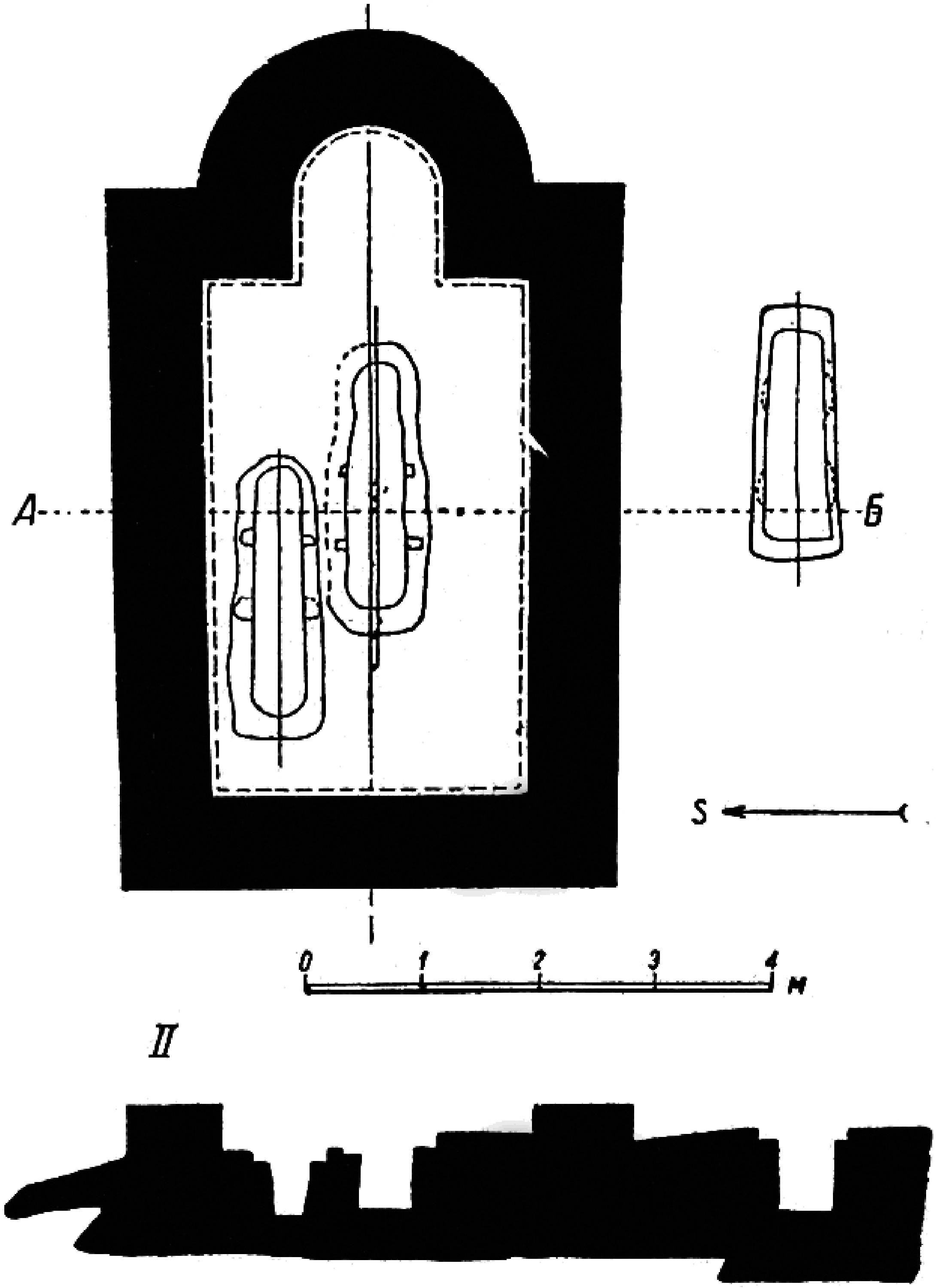

Рис. 7. План и разрез храма («часовни») на территории укрепления Кыз-Куле возле городских ворот.

НУМИЗМАТИКА

УДК 902.6

Е.Я. Туровский

О ХЕРСОНЕССКОМ СЕРЕБРЕ ПЕРСИДСКОГО ВЕСА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ IV В. ДО Н.Э.

Монеты данного сорта известны давно, однако до последнего времени никто не выделял их в одну серию. Например, в каталоге В.А. Анохина старший и младший номинал разнесены по разным десятилетиям, согласно представлениям этого исследователя о выпуске каждого нового выпуска монет приблизительно один раз в десять лет[1]. Чтобы было понятно о каких монетах идет речь, приведем описание типов каждого из номиналов. Старший номинал имеет тип: л.с. голова безбородого Геракла в львиной шкуре влево (один раз вправо); о.с. Дева, сидящая на троне влево, в руке у богини стрела, по сторонам имя города и имя магистрата, контролировавшего выпуск. Младший номинал имеет тип: л.с. голова безбородого Геракла в львиной шкуре вправо; о.с. Дева убивает копьем лань влево, внизу под ланью имя города, за спиной у Девы имя магистрата, контролирующего выпуск.

Что можно сказать о типологии монет. Старший номинал, скорее всего, является прямой калькой с монет Александра Македонского (драхм и тетрадрахм)[2]. Монетный тип македонских монет был творчески переработан херсонесским резчиком монетных штемпелей. На старшем номинале на лицевой стороне изменен поворот головы героя с правого на левый. На оборотной стороне вместо Зевса Олимпийского с орлом и скипетром на троне на кресло была посажена верховная богиня Херсонеса Дева со стрелой в руке. Что касается изображения на оборотной стороне младшего номинала, то здесь впервые в херсонесской нумизматике появляется изображение статуарной группы, по-видимому, находившейся в храме Девы в Херсонесе. Это изображение регулярно появляется на серебряных и медных монетах города на протяжении более 500 лет.

В каталоге В.А. Анохина приводится одна монета старшего номинала данной серии с именем Нанон[3]. В последнее время были опубликованы монеты с именами: Теофан[4], Лагорин и Дельф[5]. Совсем недавно найдена еще одна монета старшего номинала этой серии с именем Батилл (рис. 1,*1*), известная и для младшего номинала этой серии (рис. 1,*2*). Еще одна монета старшего номинала, также найденная в последнее время имеет имя — Эсхин (рис. 2). Такое же имя имел и магистрат, надзиравший за выпуском тетрадрахм и дидрахм

[1] *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в.н.э.). Киев, 1977. С. 18.

[2] *Price M. J.* The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. I—II. Zurich/London, 1991.

[3] *Анохин В. А.* Указ. соч. № 93.

[4] *Сидоренко В. А., Шонов И. В.* Несколько неизданных монет античного Херсонеса // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 554—555.

[5] *Туровский Е.Я.*, *Горбатов В.М.* Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог—определитель. Симферополь, 2013. № 95, 94, 94а.

родосского веса и драхм гераклейского веса в начале III в. до н.э.[6] Теоретически возможно допустить, что это один и тот же человек, отправлявший обязанности надзирающего за выпуском монет магистрата в разные годы, но, по-видимому, скорее все-таки это другой человек и поэтому точнее разделять этих деятелей как Эсхина I и Эсхина II.

Для младшего номинала серии тип: Геракл — Дева убивает копьем лань были известны два имени: Батилл и Гераклейт[7]. К ним добавилась монета с новым для этого типа монет именем — Аполла[8]. Этого магистрата также, по-видимому, следует именовать Аполла I в отличие от Аполлы II, контролировавшего выпуск дидрахмы и драхмы гераклейского веса[9].

Что можно сказать о продолжительности данного выпуска и об его абсолютной хронологии. На сегодняшний день известно 8 имен магистратов для двух номиналов монет, только один из них Батилл (Бафилл) известен для двух номиналов. Есть основание полагать, что при каждом из известных магистратов выпускалось два номинала монет. Можно предполагать, что количество магистратов было больше известных. В любом случае серия выпускалась не менее 8 лет, а скорее всего не менее 10. Что касается terminus post quem выпуска — дата чеканки первых монет Александра Македонского, т.е. конец 30-х гг. IV в. до н.э. Скорее всего, ближе к началу последней четверти этого столетия. Что касается terminus ante quem, то это конец IV в. до н.э. — время, когда монеты персидского веса выходят из обращения по всему греческому миру.

Характерно, что, судя по отсутствию общих имен на примерно синхронных серебряных и медных монетах Херсонеса (единственное исключение Батилл, имя которого есть на тетрахалках тип: коленопреклоненная Дева — грифон[10]), за выпусками монет из разных металлов отвечали разные люди.

Представляет интерес и следующее обстоятельство: около рубежа IV—III вв. до н.э. в Херсонесе происходят гражданские катаклизмы, отраженные в тексте Присяги[11]. На мой

---

[6] *Шонов И.В.* Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь, 2000. С.27. №33; Анохин. Указ. соч. № 90; *Тахтай А.К.* Два клада херсонесских античных монет // ХСб. Симферополь, 1948. Т. IV. С. 110.

[7] *Анохин В.А.* Указ. соч. С.140. № 91, 92. Характерно, что В.А. Анохин не распознал в монетах интересующего нас выпуска двух номиналов одной серии и разнес их по разным десятилетиям. Монету старшего номинала с именем ΝΑΝΩΝΟΣ, он отнес к 270—260 гг. до н.э.; монеты младшего он датировал 280—270 гг. до н.э. Впервые эти монеты объединил в одну серию В.Ф. Столба, см.: *Столба В.Ф.* Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55—70.

[8] *Сидоренко В.А., Шонов И.В.* Указ. соч. С. 554—555.

[9] *Анохин В.А.* Указ. соч. № 98, 111.

[10] *Анохин В.А.* Указ. соч. №72.

[11] Первый издатель датировал присягу достаточно неопределенно — «приблизительно к первой половине того же века (т.е. III в. до н.э.) или даже к концу IV в. до н.э. (хотя последнее, сознаемся несколько рискованно) » см.: Латышев В.В. Гражданская присяга херсонесцев // ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909. С. 146 сл. Такая позиция первого исследователя повлияла на мнение последующих ученых, которые стали привязывать события присяги к событиям в Гераклее 281 г. до н.э. см., например: *Леви Е.И.* К вопросу о датировке херсонесской присяги // СА. 1947. IX. С. 89—100. В последние десятилетия большинство исследователей придерживается мнения, что присяга относится ко времени около рубежа IV—II вв. до н.э., см., например: *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 343 сл.

взгляд, именно с этими событиями связана 2-я группа кладов, по А.М. Гилевич[12] они содержали крупные медные монеты второй половины IV в. до н.э. типы: квадрига — воин (единственный случай)[13], а в основном монеты типов: грифон — Дева и Дева — грифон (разных вариантов) и наиболее поздние монеты в этих кладах тип: Дева поражает копьем лань — бодающий бык[14]. В последней серии наиболее поздний магистрат по имени — Теохара встречается в кладах только раз[15], по-видимому, в момент его деятельности на посту монетного магистрата и происходят катаклизмы в Херсонесе.

Какие выводы, на мой взгляд, напрашиваются из анализа кладов 2-ой группы? Первое, по-видимому, серебряные монеты персидской весовой системы к моменту сокрытия этих кладов были уже изъяты из обращения. Второе, монеты, чеканенные в родосской и облегченной персидской (гераклейской), еще не были отчеканены, поскольку серебряные монеты в кладах 2-ой группы полностью отсутствуют.

Резюме

Эта статья является продолжением многолетнего исследования, проводимого автором с целью изучения нумизматической истории Херсонесского государства. Объектом исследования стали серебряные монеты персидского веса херсонесского чекана последней четверти IV в. до н.э. В статье формулируются и обосновываются соображения по вопросам об обстоятельствах их появления и длительности нахождения в обращении.

Ключевые слова: драхма, магистрат, нумизматика, тетрадрахма, Херсонес.

Summary

This article is a continuation of many years of research conducted by the author in order to study the numismatic history of Chersonesos state. The object of the study were silver coins of Persian weight coinage of Chersonessos last quarter of IV century BC. The article stated and justified by considerations on the circumstances of their occurrence and duration are in circulation.

Keywords: drachma, the magistrate, numismatics, tetradrachm, Chersonesos.

---

[12] *Гилевич А.М.* Хронология и топография кладов херсонесских IV—III вв. до н.э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 1973. С. 11.

[13] *Гилевич А.М.* Кучук—мойнакский клад херсонесских монет IV — Ш вв. до н.э. // НЭ. 1970. VIII. с. 3 —16.

[14] *Гилевич А.М.* Хронология и топография кладов… С. 11,12.

[15] *Гилевич А.М.* Кучук—мойнакский клад… С.12 сл.

Рис. 1. Серебро Херсонеса с изображениями Геракла на аверсе и Девы на реверсе, чеканенное от имени Батилла.

Рис. 2. Тетрадрахма Херсона, чеканенная от имени Эсхина.

УДК 902.9+902.6:737(477.75)=737(477.75)

М.М. Чореф

СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ: ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ

По мнению ряда исследователей, первые серии монет Херсона были выпущены уже первой половине V в. К ним относят ряд разновидностей ранневизантийских бронз, а также «псевдо-имперских монет», находимых на территории полуострова. На данный момент подобные выводы стали практически общепринятыми.

По мнению ряда современных исследователей, самыми ранними эмиссиями Херсона являются Æ2 с девизом «CONCORDIA AVG» (Concordia Avgusti) — «*Согласие Августов*»[1] (рис. 1,*1*—*5*). Считается, что они были изданы П.Ж. Сабатье и А. Коэном[2] (рис. 1,*2*), хотя, напомним, их описал еще Л. де Ваксель[3] (рис. 1,*1*). Правда, свой экземпляр он не смог атрибутировать[4]. Сейчас эти монеты принято датировать совместным правлением Феодосия II (408—450) и Валентиниана III (425—455). В тоже время многие нумизматы, вслед за Ф. Грирсоном и М. Мейс, относят к первым эмиссиям Херсона Æ2 с обозначением «CONE» на оборотной стороне, выпущенные от имени Льва I (457—474) и его супруги Элии Верины[5]

---

[1] На рис. 1,*3*—*5* приведены фотографии монет, проданных на аукционах, проведенных фирмами «The New York Sale» в 2004 г. (См.: The New York Sale. Auction VII (15.01.2004). Lot 274 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=300203 (дата обращения: 24.12.2013); Она же. Auction VII (15.01.2004). Lot 276 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=159203 (дата обращения: 24.12.2013)) и «Dmitry Markov Coins & Medals» в 2003 г. (См.: Dmitry Markov Coins & Medals. Auction 11. Lot 330 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=149637 (дата обращения: 24.12.2013)).

[2] *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines frapeés sous les empéreurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'á la prise de Constantinople, par Mahomet II. Paris, 1862. T. I. P. 117, № 23, tab. V,*11*. Правда, издатели отнесли их к чекану Фессалоники (См.: Ibid. P. 117, № 23). Судя по их публикации, в собрании П.Ж. Сабатье хранилась бронза этой разновидности с эмиссионной меткой «TES» на реверсе. Первое критическое замечание по поводу ее атрибуции высказал И. И. Толстой. Ученый предположил, что монета была выпущена при Феодосии I. Нумизмат считал, что только его изображали вооруженным на бронзах серии «CONCORDIA AVGGG» (См.: *Толстой И.И.* Византийские монеты. СПб., 1912. Вып. I: Монеты Аркадия, Евдоксии, Феодосия II, Евдокии, Маркиана и Пульхерии. С. 81, № 83). В свою очередь, Ф. Грирсон и М. Мэйс поддержали точку зрения П.Ж. Сабатье и А. Коэна (См.: *Grierson P., Mays M.* Catalogue of late Roman coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius. Washington, 1992. P. 149). В последние годы российский исследователь А.Н. Коршенко установил, что монеты этой серии в Фессалониках не чеканились (См.: *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 222).

[3] *de Waxel L.* Recueil de quelques antiquités, trouvées sur la bords de la mer Noire, appartenant à la l'empire de Russie, déssinées d'apres les originaux en 1797 et 1798. Berlin, 1803. № 28.

[4] Ibid. S. 12.

[5] *Grierson P., Mays M.* Catalogue of late Roman coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius. Washington, 1992. P.

(рис. 1,*7*,*8*)[6]. И уже практически как постулат принимается выдвинутая некогда Л.Н. Беловой гипотеза о местном происхождении бронз Зинона (474—475, 476—491) с изображением императора и надписью «CONCODRIA» на реверсе[7] (рис. 1,*9,10*).

Однако споры о допустимости таких атрибуций продолжаются и до сих пор. Так, если В. Хан только предполагает, что Æ2 Льва I и Элии Верины чеканили в Константинополе для нужд Херсона[8], то В.А. Анохин и И.В. Соколова не допускают и мысли об этом. По мнению исследователей, эти монеты являлись ординарными столичными выпусками, участвовавшими в денежном обращении города наряду с прочими привозными ранневизантийскими бронзами. Они доказывают, что монетное производство в Херсоне могло возродиться только при Зиноне[9]. В тоже время В.А. Сидоренко склонен относить к чекану Херсона монеты всех перечисленных разновидностей[10]. Причем самыми вескими доводами для этих нумизматов, как правило, остается локализация монетных находок в Юго-Западном Крыму, примитивность технологии их изготовления, а также наличие в сплаве значительных примесей свинца, свойственного, по их мнению, денежному делу этого полиса.

Как видим, дискуссия явно зашла в тупик, так как выбранные факторы не позволяют однозначно разрешить проблему. В результате нумизматы не смогли прийти к единому мнению ни по одному из этих вопросов. Бесспорно, рассуждения о грубом, «варварском» стиле оформления этих бронз субъективны, а утверждения о будто бы четкой локализации ареала обращения некоторых из них, как следствие плохой изученности крымского и малоазийского археологического материала, практически бездоказательны. Спорно и заключение о якобы обязательном присутствии во всех ранневизантийских бронзах Херсона значительных примесей свинца. На самом деле этот металл активно использовался в

---

149. Изображения монет, приведенные на рис. 1,*6—8*, были опубликованы в каталогах аукционов фирм «Classic Numismatic Group, Inc.» (См.: Classic Numismatic Group, Inc. (21.12.2005). Auction 129. Lot 393 // www.cngcoins.com. URL: www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=78671 (дата доступа: 25.12.2013)), «The New York Sale» (См.: The New York Sale. Auction IV (17.01.2002). Lot 417 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=71214 (дата обращения: 25.12.2013)) и «Gorny & Mosch Giessener Münzhandlung» (См.: Gorny & Mosch Giessener Münzhandlung. Auction 134 (11.10.2004). Lot 3187 // www.acsearch.info. URL:www.acsearch.info/record.html?id=132314 (дата обращения: 25.12.2013)).

[6] К слову, К. Робер не видел оснований для отнесения их к чекану Херсона (См.: *Robert C.* Quelques Médailles trouvées en Crimée // Revue numismatique. Novelle série. Paris, 1859. T. IV. P 43).

[7] *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса // СА. 1941. Т. 7. С. 327, № 2. Изображения монет, приведенные на рис. 1,*9,10*, были опубликованы в каталогах аукционов фирмы «The New York Sale» (См.: The New York Sale. Auction VII (15.01.2004). Lot 280 // www.acsearch.info. URL:www.acsearch.info/record.html?id=192431 (дата обращения: 25.12.2013); Она же. Auction XI (11.01.2006). Lot 380 / www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=174054 (дата обращения: 25.12.2013)).

[8] *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey // NC. 1978. September. Vol. 86. № 9. P. 414.

[9] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 97—98, табл. XXII,*309*; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 17—18, табл. I,*1—9*. В. Хан также склонен относить Æ2/3 Зинона к эмиссии Херсона (См.: *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey. № 9. Fig. 1—4).

[10] *Сидоренко В.А.* Монетное дело средневекового Херсона V—VII вв. н.э. // Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: Тез. докл. и сообщений III Междунар. Византийского Семинара (Севастополь 31.05—05.06.2011). Севастополь, 2011. С. 25—30.

денежном производстве большинства древних государств[11]. Полагаем, что единственным выходом из сложившейся ситуации является выработка иных методик исследования.

Попытаемся найти решение этой задачи. Для этого попробуем выявить признаки, пригодные для описания монетного материала, не задействованные до сих пор нумизматами, изучающими денежное дело Херсона[12]. Начнем с предполагаемых херсонских Æ2 Феодосия II и Валентиниана III (рис. 1,*1—5*).

Сразу же заметим, что хоть эти монеты и редки, но, в тоже время, достаточно хорошо известны. К настоящему времени выявлено семь их разновидностей: четыре — Феодосия II и три — Валентиниана III[13]. На их аверсе выбиты изображения бородатого императора в шлеме, с копьем и щитом, а на реверсе оттиснуты фигуры двух вооруженных мужчин с копьями в руках, держащих длинный крест. Последнюю композицию следует трактовать как изображение двух правителей. Убеждает нас в этом и легенда реверса «CONCORDIA AGV».

Перейдем к критике теорий о месте их производства. Сразу же заметим, что большинство нумизматов прошлого и настоящего или обходили эту проблему стороной, или приписывали эти монеты к эмиссии Константинополя. Такое положение вещей зафиксировал Дж.П.С. Кент[14]. Однако А.Н. Коршенко вынес на научное обсуждение весьма интересную и перспективную теорию их атрибуции. Исследователь предположил, что эти монеты, судя по ареалу находок, выпускали в Херсоне[15]. Действительно, ограниченность региона обращения и примитивность оформления, как будто бы подтверждают его предположение о провинциальном, и, вернее всего, таврическом их происхождении.

Сразу же заметим, что мы согласны с А.Н. Коршенко по этому вопросу. Изученные им монеты, безусловно, таврического происхождения. Но, к сожалению, его внешне логичная теория имеет ряд слабых мест. Во-первых, свои выводы о датировке эмиссии 438—440 гг.[16] нумизмат сделал только на основании изучения изображений императоров на аверсе[17]. Действительно, их изображали бородатыми, что, вроде бы, не могло быть случайным. Основываясь на этом факте, он заключил, что их стоит датировать периодом времени, когда Валентиниан III достиг совершеннолетия[18]. Но отмеченная самим

[11] Заметим, что уже не первое поколение ученых пытается прояснить причину активного использования свинца в монетном производстве в эпоху античности. Насколько нам известно, лучшую антологию их работ привел А.Н. Коршенко (См.: *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет... С. 127—129). Ученый убедительно доказал, что свинцом не только разбавляли бронзовые сплавы. Он мог быть самостоятельным монетным материалом.

[12] Отметим, что ранее мы уже уделяли внимание этому вопросу. В ходе исследования монетного дела Херсона первой половины VI в. нами было выдвинуто предположение, что единственным верным критерием для выявления херсонских бронз является четко прослеживаемая общность в оформлении реверса (См.: *Чореф М.М.* К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // ССб. / отв. ред. Н.М. Куковальская. 2010. Вып. IV. С. 332—339).

[13] См.: *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет… С. 233—236. Но не будем опережать события. Заметим только, что это обстоятельство свидетельствует о значительных масштабах и длительности их эмиссии.

[14] *Kent J.P.C.* RIC. London, 1994. Vol. X. Pl. 17,*460—461*.

[15] *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет... С. 228—231.

[16] Там же. С. 231.

[17] Заметим, что Валентиниана III всегда изображали взрослым (См.: *Kent J.P.C.* RIC. Pl. 48—54).

[18] *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет... С. 231.

исследователем примитивность и стилизованность оформления изучаемых монет[19], как нам кажется, совершенно обесценивает это свидетельство. Вернее всего, на аверсе заинтересовавших А.Н. Коршенко таврических бронз выбивали идеализированные портреты императоров, вернее всего, копируемые с золота или меди второй половины IV — первой половины V вв. Ведь именно тогда правителей изображали анфас в шлеме и с копьем[20].

Намного больше вопросов вызывает авторский анализ их реверса. Дело в том, что сам А.Н. Коршенко признает, что в память о начале правления Валентиниана III была выпущена серия солидов, на оборотных сторонах которых были размещены изображения сидящего на троне Феодосия II и стоящего рядом вновь явленного августа[21]. На золотых более поздних серий (426—430 гг.) императоры вместе сидят на троне, а вокруг их голов заметны нимбы[22]. Других сюжетов изображения правителей их монетное дело не знало. А если учесть тот факт, что со времен Диоклетиана (284—305) во всей империи правила оформления денег были строго унифицированы[23], то получается, что в Херсоне, по мнению А. Н. Коршенко, будто бы осмелились выпустить крупную медь с неутвержденным центральными властями оформлением аверса и реверса, да еще, как он полагает, по случаю женитьбы одного из императоров[24].

Считаем это утверждение весьма спорным. Ведь такого рода монеты должны были оформлять в совершенно ином ключе. Конкретнее, на реверсе единственной разновидности солида, выпущенного по этому случаю, запечатлели кульминационный момент обряда бракосочетания: Феодосий II соединяет руки Валентиниана II и Лицинии Евдоксии[25]. К слову, нам не известны памятные выпуски меди V в.

Заметим также, что, описанные А.Н. Коршенко разновидности бронз больше похожи на Æ3 Феодосия II серии «GLORIA ROMANORUM», выпускавшихся в период его совместного правления с Гонорием (395—423)[26], чем на редкие монеты серий «CONCORDIA AVG» последнего из перечисленных государей, поступившие в обращение в 423—435 гг.[27] Да и оформлены их реверсы по-разному. На оборотных сторонах редких Æ3 и Æ4 серий «CONCORDIA AVG»[28] изображали Феодосия II с крестом и с державой в руках[29], Константинополис[30] на троне[31], Викторию[32] или равносторонний крест[33], а не фигуры

[19] Там же. С. 223. Ученый пишет, что «только некоторые экземпляры по стилю напоминают обычные позднеримские монеты, остальные больше похожи на варварские подражания» (См.: Там же).

[20] *Plant R.J.* Roman Base Metal Coins. A Price Guide. London, 2009. P. 68—70.

[21] *Kent J.P.C.* RIC. P. 77, 257, pl. 9,*233—236*.

[22] Ibid. P. 77—78, pl. 9,*237—245*.

[23] Речь идет о реформе 295—296 гг. В результате нее все денежные дворы империи стали выпускать однообразную продукцию (См.: *Sear D.R.* Roman Coins and Their Values. London, 1988. P. 301).

[24] *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет... С. 231.

[25] Эта монета была продана фирмой «Numismatica Ars Classica NAC AG» (См.: Numismatica Ars Classica NAC AG. Auction 34 (24.11.2006). Lot 114 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=8028 (дата обращения: 25.12.2013)).

[26] *Kent J.P.C.* RIC. P. 90—91, 271—272, pl. 18,*395—418*.

[27] Ibid. P. 273—274, № 425—439.

[28] Встречаются написания «CONCORDIA AЧGЧ», «CONCORDI AVG», «CONCORDIA AVGЧ», «CONCORDIA AGA», «CONCORDIA AVGG» и «CONCORDIA AVGGG» (См.: Ibid. P. 273—274).

[29] Ibid. P. 274. № 429, pl. 9,*429.*

[30] По мнению Дж.П.С. Кента — императрицу (См.: Ibid. P. 273, № 425—428, pl. 18,*428*).

[31] Ibid. P. 273. № 425—428, pl. 18,*428*.

[32] Ibid. P. 274. № 430—439, pl. 9,*430,430,434,437,438*.

[33] *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines... T. I, pl. IV,*18*.

держащихся за крест императоров. Следовательно, у нас нет никаких оснований для увязывания по времени эмиссии бронз «CONCORDIA AGV» и «CONCORDIA AVG».

Однако, как ни странно, даже эти доводы для многих исследователей не являются вескими. К примеру, В.А. Сидоренко, признав, что «тип лицевой стороны монет архаичен»[34], а, точнее, куда более характерен для эпохи Валентиниана II (375—392) и Феодосия I (379—395), чем для потомков последнего[35], тем не менее, склонен безосновательно датировать начало эмиссии рассматриваемых бронз совместным правлением вышеперечисленных императоров. Его не смутил даже факт наличия «устойчивых… ошибок в латинском тексте»[36], совершенно не увязывающихся с предполагаемым им интересом у местных жителей к перипетиям императорского двора, которым, собственно, ученый и объясняет гипотетически более продолжительную эмиссию монет от имени Валентиниана III[37]. Однако уровень этих lapsus'ов лишает нас оснований рассуждать о способности лиц, отвечающих за эмиссию, накапливать и осмыслять информацию из Рима — они попросту не знали латинских букв. Обратим внимание на то обстоятельство, что на всех таврических монетах типа «CONCORDIA AGV» выбита недопустимая эмиссионная метка «COИS»[38], удостоверяющая безграмотность как монетных мастеров, так и их руководителей. Считаем, что уровень ошибок и верно подмеченная самим В.А. Сидоренко «архаичность» как нельзя лучше убеждает в ошибочности выводов крымского исследователя и в верности нашей точки зрения.

Мы уверены, что монеты, заинтересовавшие этих нумизматов, не могли быть выпущены при Феодосии II и Валентиниане III. В то же время схожесть оформления их реверсов и оборотных сторон солидов Анфемия (467—472) чекана Равенны[39] дает нам возможность предполагать, что именно эти золотые могли послужить образцами для мастеров, чеканивших заинтересовавшие нас таврические бронзы.

Полагаем, что рассмотренные нами Æ2 являют собой весьма неординарный гибрид золотых и медных монет правителей конца IV — третьей четверти V вв. А многочисленность и разнообразие ошибок в их легендах дает нам возможность усомниться в официальности их эмиссии. Считаем, что описанные А.Н. Коршенко Æ2 серии «CONCORDIA AVG» были выпущены варварским племенным объединением, вернее всего — готским, причем, похоже, на территории Юго-Западного Крыма[40].

---

[34] *Сидоренко В.А.* Монетное дело средневекового Херсона… С. 25.

[35] Там же. С. 25. Мы вынуждены акцентировать внимание читателя на этом обстоятельстве. Как видим, у наших оппонентов нет никаких оснований относить изучаемые монеты к чекану Феодосия II и Валентиниана III. Однако мы не считаем необходимым участвовать в дискуссии о возможности атрибутировать изображения императоров, выбитые на их аверсе. Ведь, как уже было сказано выше, их портреты явно идеализированы.

[36] Там же. С. 26.

[37] Там же. С. 25.

[38] Заметим, что обозначение «CONS» известно на бронзах Феодосия II серий «CONCORDIA AVG» (См.: *Kent J.P.C.* RIC. P. 273—274). Однако наши оппоненты проигнорировали это обстоятельство.

[39] Ibid. Pl. 62,*2801—2816*, 63,*2820—2823fn,2825,2831—2835*, 64,*2866—2871, 65,66,2889—289*9).

[40] К настоящему времени выявлено множество разновидностей варварских подражаний римским монетам. В II—V вв. их лили и чеканили практически все племенные объединения, населявшие сопредельные империи территории. Так, на Украине находят имитации ауреусов и денариев II—III вв., а также антонинианов III в., солидов, силикв и фоллисов IV—V вв. (См.: *Анохин В.А.* Находки римских монет в Украине // Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010. С. 155—170; Он же. Римские монеты в Украине // Материалы, исследования и заметки по

Перейдем к более поздним разновидностям ранневизантийских бронз, также приписываемым рядом исследователей к чекану Херсона. Начнем с Æ2 Льва I (рис. 1,*6*,*7*) и его супруги Элии Верины (рис. 1,*8*). Заметно, что эти монеты, принадлежащие к сериям «SALUS REI PUBLICAE» — «*благополучие республики*» (рис. 1,*6,8*) и «VIRTUS EXERCITUS» — «*доблесть армии*» (рис. 1,*7*), оформлены аналогично современным им константинопольским бронзам. Судя по меткам «CON» и «CONE», они были выпущены в столице, причем часть их — со вторым обозначением (рис. 1,*7,8*), была выбита в пятой мастерской ее монетного двора[41]. Подобные эмиссионные обозначения известны на деньгах

археологии и нумизматике. Киев, 2010. С. 145—154; *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР; Он же. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г4-4; *Сергеев А.Я.* Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А.Я. Сергеева в ГИМ. М., 2012. С. 18—89, 214—218; *Сидоренко В.А.* К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV — начала V в. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. — VII в. н.э. / отв. ред. Т.Н. Высотская. Киев, 1987. С. 133—144; *Столярик Е.С.* Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III — начало XIII в.). Киев, 1992; *Чореф М.М.* «Non deficit alter aureus», или к вопросу о составе денежного обращения Тавриды в первые века нашей эры // Причерноморье. История, политика, культура: избр. материалы IX междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения» / ред. В.И. Кузищин. Севастополь, 2012. Вып. VIII (III). Сер. А: Античность и средневековье. С. 152—176 // www.msusevastopol.net. URL: www.msusevastopol.net/downloads/prich2012/prich-a.pdf (дата обращения: 25.12.2013); *Kent J.P.C.* RIC. P. 220—235, pl. 76—80). Интересно то, что в Ай-Тодорский клада выпали три подражания галло-римским антониниианам Тетрика I (270—272) (См.: *Сидоренко В.А.* К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада… С. 133—144). Не менее известны «варварские золотые» и т.н. «таманские денарии», находимые в Восточном Крыму и на Северном Кавказе (См.: *Анисимов А.И.* О продвижении готов в Северо-Восточное Приазовье // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. докл. Донецк, 1987. С. 86—88; Он же. О продвижении готского союза в Северо-Восточное Приазовье в середине III века // Скифия и Боспор: тез. докл. Новочеркасск, 1989. С. 128—130; *Бурачков П.* Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям… Табл. XIII; *Орешников А.* Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. С. 32—38, табл. II,*25—33*, III; *Сергеев А.Я.* Варварские денарии в областях от Подунавья до Закавказья // Международный Нумизматический Альманах. М., 1995. С. 11,18—19; Он же. Таманский денарий // Материалы Седьмой Всероссийской нумизматической конференции. Ярославль, 19—23 апреля 1999 г. / отв. ред. А.С. Беляков. М., 19—23 апреля 1999. С. 33—34). Ныне их относят к чекану германских племен. Как правило, при разработке дизайна этих подражаний не стремились в точности скопировать оригиналы. Изображения на них примитивны, а надписи искажены. Часто практиковался синтез знаковых элементов оформления денег разных номиналов.

[41] Правда, В.А. Сидоренко склонен относить упомянутые Æ2 Льва I и его супруги Элии Верины к чекану Херсона (См.: *Сидоренко В.А.* Монетное дело средневекового Херсона... С. 26—27). Ученый практически безукоризненно воспроизводит историю создания их монетного типа и, кстати, находит его «компилятивным» (См.: Там же. С. 25) и, очевидно, «гибридным». К сожалению, он упускает одно, но с нашей точки зрения, крайне важное обстоятельство. На Æ2 Льва I известна и метка «CON», которую, безусловно, проставляли в Константинополе. Прототипы «херсонских» монет Элии Верины также выпускали в столице (См.: Там же. С. 27). Следовательно, гипотетические херсонские монетчики, изготовившие, по мнению В.А. Сидоренко чеканы для заинтересовавших его бронз, могли не сочинять очередную гибридную монету, а попросту выпустить Æ2 стандартного типа. Отказываясь от ошибочной идеи разработки дизайна Æ2 Льва I и Элии Верины в Таврике, мы неминуемо приходим к выводу об их столичном происхождении.

разных номиналов, выпускавшихся на протяжении V—VIII вв.[42], кстати, встречающихся не только в Малой Азии, но и в Крыму. Следовательно, у нас есть все основания констатировать факт, что некоторая часть крупных бронз Льва I и Элии Верины столичного чекана могла покинуть регион первоначального распространения. Но это отнюдь не означает, что только эти монеты, да еще и выпуска определенных монетных мастерских, специально завозили на полуостров. В таком случае, как предполагалось обслуживать платежи, для которых требовались деньги различных номиналов?

Полагаем, что у нас нет оснований считать, что в Константинополе чеканили монеты одного достоинства специально для пополнения денежного обращения Херсона, и, очевидно, их не могли эмитировать в V в. и в Таврике. Считаем, что Æ2 Льва I и Элии Верины, находимые на территории полуострова, на самом деле — столичного производства.

Обратим теперь внимание на Æ2/3 Зинона серии «CONCODIAR»[43] («Concordia») — «*Согласие*», относимых частью нумизматов вслед за Л.Н. Беловой к чекану Херсона[44] (рис. 1,*9,10*). Заметим, что в научной среде не менее широко распространена куда более авторитетная точка зрения Ф. Грирсона, М. Мейс и Дж.П.С. Кента, полагавших, что эти монеты чеканили в Константинополе[45]. Вероятным объяснением этого разногласия является спорность положения, выдвинутого в свое время Л.Н. Беловой, заключившей, что раз подобные бронзы находили только в Херсоне и его окрестностях, то их там же и

---

[42] *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. I P. XCIX.

[43] Именно на анализе этого текста и основывается В.А. Сидоренко, относящий Æ2 Зинона к чекану Херсона (См.: *Сидоренко В.А.* Монетное дело средневекового Херсона… С. 27). Ученый полагает, что в нем мог быть зашифрован лозунг «CONCORDIA ROMANORUM» — «Согласие римлян», как он считает, «неизвестный в чеканке позднеримской меди» (См.: Там же). По логике ученого, само наличие такой надписи подтверждает его гипотезу. Пользуясь случаем, заметим, что на реверсе ряда монет была выбита иная легенда. На оборотной стороне приведенного нами экземпляра (рис. 1,*10*) читается «CONCORDIA M», в которой, как нам кажется, есть все основания видеть очевидное «CONCORDIA MILITUM», а этот призыв войск к верности, как справедливо заметил В.А. Сидоренко, был ординарен для Позднего Рима (См.: Там же). В свою очередь заметим, что упомянутый девиз, как правило, размещали на монетах, выпущенных специально по случаю присяги армии (См.: *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 132—137). А это, как нам кажется, дает все основания датировать их выпуск приходом к власти самого Зинона. С учетом того, что в первое его правление медная монета не выпускалась (См.: *Kent J.P.C.* RIC. P. 299—300), полагаем, что заинтересовавшая нас эмиссия Æ2 прошла сразу же по возвращению императора на престол. Учтем и то, что «CONCORD» традиционно размещалось на реверсе декануммиев при Анастасии I Дикоре и Юстине I (См.: *Bellinger A.R.* DOC / ed. A.R. Bellinger, P. Grierson. Vol. I: Anastasius I to Maurice, 491—602. Pl. IV,*25b*, V,*38.2,38.3*, VI,*48*, VIII,*16a*, XI,*53,55.1,55.2*). Следовательно, призывы к согласию были актуальны не только при Зиноне, на протяжении всего своего правления борющегося с инсургентами, но и при его более удачливых преемниках. Мы можем только полагать, что позднейшее «CONCORD» могло появиться в результате сокращения зиноновского «CONCODIAR».

[44] *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса. С. 327, № 2.

[45] *Grierson P., Mays M.* Catalogue of Late Roman Coins... P. 183—184; *Kent J.P.C.* RIC. P. 312, № 948, pl. 33,*948*.

выпускали[46]. Но сам факт обнаружения на них метки Константинопольского монетного двора[47], безусловно, опровергает ее гипотезу.

Как видим, почти все разновидности ранневизантийских монет, приписываемых рядом исследователей к чекану Херсона, на самом деле являются ординарными столичными выпусками.

Заметим, что результаты нашего исследования совпадают с выводами, сделанными многими современными историками. Практически общепринято считать, что Херсон в IV—V вв. не являлся важным для Византии административным центром. Правда, не все историки склонны видеть в нем и рядовой византийский город. Так, В.М. Зубарь предположил[48], что до Юстиниана I Херсон не входил в состав империи[49]. По логике исследователя, только при этом правителе он оказался под влиянием Византии и стал центром провинции[50]. Точку зрения В.М. Зубаря разделяет А.И. Айбабин[51], а также его ученик Н.И. Храпунов[52]. Однако А.И. Романчук[53] справедливо заключила, что отсутствие однозначно трактуемых сведений о статусе Херсона в крайне немногочисленных ранневизантийских письменных источниках[54] не дает нам оснований рассуждать о его подконтрольности империи[55].

[46] *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса. С. 327, № 2. К сожалению, эта ошибочная методика до сих пор является практически общепринятой. По мере возможности пытаемся ее оспорить.

[47] *Kent J.P.C.* RIC. P. 312, № 948, pl. 33,*948*.

[48] Исследователь пришел к выводу, что «к первой половине VI в., очевидно, можно относить начало новой эпохи в жизни города, для которой был характерен ряд новых черт, совершенно не свойственных позднеантичному этапу развития» (См.: *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 146—148). Объяснение этих «новых черт» приведено в коллективной монографии «Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э.: Очерки истории и культуры» (См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э.: Очерки истории и культуры / под ред. А.О. Владимирова, Д.В. Журавлева, В.М. Зубаря и др. Харьков, 2004). По логике украинских исследователей, до Зинона «формально Херсон не входил в состав империи», а оставался союзным ей городом (См.: *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя… С. 146—148). Однако уже в конце V в. он становится «составной частью и главным опорным пунктом империи» См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. С. 530, 552, 555).

[49] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. С. 146—148.

[50] Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. С. 637.

[51] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 124.

[52] *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона (конец IV—XI века.): дисс. … канд. историч. наук. Киев, 2009. С. 49—52.

[53] Анализ этого постулата приведен в (См.: *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса—Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008. С. 92—99). Справедливо поставив под сомнение саму возможность приурочить начало раннесредневекового периода истории Херсонеса—Херсона к VI в. (См.: Там же. С. 90—98), исследователь сформулировала критерии для периодизации истории раннесредневековых поселений Таврики. Заметим, что точка зрения А.И. Романчук не противоречит результатам нумизматических исследований.

[54] Речь, в первую очередь, идет о т.н. «Notitia dignitatum». На нее, кстати, ссылался В.М. Зубарь (См.: *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. С. 147). Но проблема в том, что в этом источнике не упомянуты не только Херсонес—Херсон, но и Лондиний, а также ряд других ключевых позднеримских центров. Полагаем, что «Notitia dignitatum» содержит сведения только о важнейших чиновничьих должностях империи. Отсутствие в ней упоминания о том или ином городе отнюдь не

Но, вернее всего, он оставался под влиянием Византии. Об этом свидетельствуют данные эпиграфики. К херсонским памятникам следует отнести надписи Констанция II (337—361)[56], Валента II (364—378)[57], Феодосия I и Аркадия[58], Гонория[59], Зинона[60], а также неизвестного правителя IV—V вв.[61] Об активных контактах Херсона и Константинополя свидетельствуют и факт обнаружения печати Анастасия I Дикора[62].

Не противоречат этому выводу и результаты археологических исследований Херсона. На территории городища была найдена форма для оттиска изображения св. Лупы, почитаемого солдатами дунайских легионов[63]. В V в. прошла реконструкция оборонительных сооружений — в Портовом районе перестроили башни XVII, XVII/1 и XVIII, а также куртину XX[64]. Город расширялся и в западном направлении[65]. Судя по росписи из склепа Н.И. Тура, Херсон в V в. был мощной крепостью[66]. А масштабы строительства, в свою очередь, убедительно свидетельствуют о помощи Центра.

Считаем, что Херсон к моменту прихода к власти Юстиниана I являлся подконтрольным, но в тоже время не столь важным для империи центром, чтобы в нем мог появиться государственный монетный двор.

Обратим внимание еще на один аспект. Дело в том, что рассмотренные нами разновидности ранневизантийских монет, как правило, крупнейших для меди второй половины V в. номиналов. Однако тогда в империи чеканили и мелкую бронзу — нуммы, обозначаемые в нумизматических трудах как Æ4. А эти разменные монеты в Крыму

свидетельствует о его независимости. Вернее всего, в нем попросту не было чиновничьего поста нужного ранга.

[55] *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса—Херсона... С. 92—99.

[56] *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...»: церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С. 90—92; IOSPE I^2 496.

[57] *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...»… С. 92—95; *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИИАК, 23, 1907. С. 5. № 2; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического: тексты, перевод, коммент. / под общ. ред. В.Т. Пашуто, Я.Н. Щапова. М., 1983. С. 28—30, № 3; IOSPE I^2 449.

[58] *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...»… С. 100—107; IOSPE I^2 450.

[59] *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...»… С. 108—111; *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИИАК. 1918. Вып. 65. С. 9, 15, рис. 2,*1*; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 31—32. № 5; *Храпунов Н.И.* О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса// МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 365—375, рис. 1; IOSPE IV 185; IOSPE I^2 655.

[60] *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времен императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса// ЗООИД. 1893. Т. XVI. Отд. I: Археология. С. 45—88; *Чореф М.М.* К биографии А.Л. Бертье-Делагарда: его роль в атрибуции «Надписи Зинона» // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20—22 апреля 2009, г.Тюмень). С. 360—367.

[61] *Виноградов А.Ю.* Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda // ВЭ. № 4. С. 217—218, № 1; IOSPE I^2 654.

[62] *Соколова И.В.* Печати византийских императоров. Каталог коллекции. СПб., 2007. С. 22, № 6.

[63] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 88.

[64] *Антонова И.А.* К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 13. С. 3—8; *Стржелецкий С.Ф.* XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. Симферополь, 1969. Вып. IV. С. 7—29.

[65] *Антонова И.А.* К вопросу о хронологии оборонительного строительства… С. 7.

[66] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. С. 474—479.

практически не встречаются. Но, в таком случае, неясно, каким образом горожане могли ими рассчитываться. Ведь необходимого количества Æ4 в городе не было.

Мы получили явный парадокс. Ведь если предположить, что крупнейшие бронзы второй половины V в. могли свободно поступать на херсонский денежный рынок, то, что же мешало завозить и нужное количество нуммов? В ином случае денежное обращение не могло бы функционировать.

Не пытаясь пока делать кардинальные выводы, заметим только, что у нас есть все основания, чтобы вынести на научное обсуждение еще один контрдовод против гипотезы В. Хана. Дело в том, что по эдикту 364 г. перевоз разменной монеты из одной провинции в другую был воспрещен[67]. А тот факт, что ни Херсон, ни Боспор, ни какой либо иной регион Таврики не подчинялся префекту Константинополя, безусловно, ни у кого не вызывает сомнения.

Но, в таком случае, как объяснить факт нахождения на территории Таврики значительного количества крупных столичных бронз времен правления Льва I и его преемника Зинона[68]? Очевидно, что только констатацией факта довольно позднего поступления ранневизантийской монеты в Херсон, т.е. в тот период, когда обесценение мелких денег прекратилось или хотя бы замедлилось, а из имперского обращения выпадали мельчайшие номиналы вплоть до пентануммия. Это явление наблюдалось в конце V — начале VI вв., т.е. после денежной реформы Анастасия I Дикора, проведенной им в 498 г.[69] Предполагаем, что именно тогда описанные Æ2 и Æ2/3 столичной эмиссии и могли наполнить денежное обращение городов Таврики.

Но какие монеты могли ходить в Херсоне в тот период? В первую очередь, местные, таврического чекана. Полагаем, что значительная часть денежных средств, необходимых для проведения расчетов, поступала в Херсон из Боспора. Ведь его поздние статеры находят в Юго-Западном Крыму довольно часто[70]. Сам факт обращения такого сорта денег, с нашей

---

[67] *Мэттингли Г.* Монеты Рима. М., 2005. С. 216—217.

[68] Причем не только в Херсоне, но и на территории варварских поселений Горного Крыма (См.: *Коршенко А.Н.* Клад монет из Байдарской долины // II Международный нумизматический симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь, НЗХТ, 14—19 сентября 2012 г.: тез. докл. и сообщений. Севастополь, 2012. С. 21—23; *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. С. 34, № 217, 220; Он же. Клады римских монет на территории СССР… С. 63—65, № 568, 582, 621, 627; *Чореф М.М.* Опись монет из городской застройки в районе церкви св. Константина (случайные находки, дерновый слой, I горизонт застройки) // Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI—XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. С. 293, № 27). Судя по сообщениям крымских краеведов, находки Æ2 Льва нередки в Бельбекской долине и в округах Мангупа и Эски-Кермена.

[69] *Metcalf D.M.* The origins of the Anastasian currency reform. Amsterdam. 1969.

[70] Ареал хождения поздних боспорских статеров был достаточно широк. Они обращались не только в пределах Боспорского царства, но и в Юго-Западном Крыму. К примеру, в Херсоне их находки на городище были зафиксированы еще в начальный период археологического исследования (См.: *Белова-Кудь Л.Н.* Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—12 гг. // ХСб. 1930. Вып. III. С. 142—215. С. 151, 154, 173, 176, 192). Статеры последних царей Боспора обнаруживали на городище и в советский период (См.: *Белова Л.Н.* Монеты из раскопок квартала XV—XVIII // МИА. 1953. № 34. С. 255, 261, 266, 272; *Гилевич А.М.* Нумизматическое собрание музея // СХМ. 1960. Вып. I. С. 59). Их находят как в ближайшей его округе (См.: *Алексеенко Н.А.* Денежное обращение округи византийского Херсона в VII в. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 440, табл. I,*11609—11614*), так и в ближних «пещерных» городах, в частности, на Мангупе (См.: *Чореф*

точки зрения, свидетельствует о сохранении товарообмена, дефиците средств платежа, обусловленного сложной внешнеполитической ситуацией в регионе[71], а также запретом на вывоз разменной меди из центральных провинций империи.

Кроме того, жители Таврики использовали римские медные монеты разных систем и достоинств, являвшимися своего рода жетонами[72]. В обращении оставались и поздние бронзовые монеты Херсонеса. Их роль могла быть довольно значительной. Ведь не случайно они выпадали в раннесредневековые клады[73].

Ситуация изменилась только в первые годы правления Анастасия I Дикора. Обнаружение в Юго-Западном Крыму кладов, состоящих из дореформенных монет этого правителя[74], убедительно свидетельствует не только об активизации торговых связей в Причерноморье, но и об усилении византийского влияния на его северные регионы. Однако херсонских монет Анастасия I Дикора мы не знаем. Да и его крупные пореформенные медные монеты в Таврике практически не известны. И это не случайно.

Похоже, что в конце V в. положение в Северном Причерноморье на время стабилизировалось. Обильный приток мелких дореформенных монет Анастасия I Дикора свидетельствует о расцвете причерноморской торговли. Однако уже конце V в. обстановка на полуострове опять дестабилизировалась. Похоже, что это стоит увязывать с активизацией северопричерноморских варваров, свидетельства о которой содержатся в трактате Прокопия Кесарийского[75]. Вследствие этого приток византийской монеты практически прекратился. Возродился он при Юстине I, причем, только в последние годы его правления[76]. Так что не стоит удивляться тому, что пореформенные монеты крупнейшего достоинства чекана Анастасия I Дикора и Юстина I в Таврике одинаково редки. Этому не противоречит и факт довольно широкого распространения на полуострове пентануммиев и декануммиев их чекана[77]. Полагаем, что они могли поступить на полуостров в первые годы правления

М.М. Опись монет из городской застройки... С. 291, № 14, 15). Поздние боспорские монеты встречаются и в Ольвии. По мнению П.О. Карышковского, они участвовали в денежном обращении города в последний период его существования (См.: *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988. С. 129, рис. 16, 17, 18).

[71] Речь идет о событиях эпохи Великого переселения народов.

[72] *Чореф М.М.* «Non deficit alter aureus», или к вопросу о составе денежного обращения Тавриды в первые века нашей эры // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. V(II). Серия А. Античность и средневековье: Избран. мат-лы VIII Междунар. науч. конференции «Лазаревские чтения» / Под ред. В. И. Кузищина. Севастополь, 2012. С. 152—176 // http://www.msusevastopol.net. URL: http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2012/prich-a.pdf (дата обращения: 25.12.2013). С. 152—176.

[73] *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. С. 34, № 216.

[74] По сообщению крымского краеведа А.В. Якушечкина, летом 2011 г. в Крыму был найден клад, состоящий из 835 нуммиевиков Анастасия I Дикора.

[75] *Прокопий Кесарийский*. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4(9). С. 253.

[76] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийской Таврики. С. 94.

[77] Имеются ввиду монеты, выпущенные после денежной реформы 512 г. (См.: *Grierson P.* Byzantine Coinage. Washington, 1999. P. 18). В этом смысле крайне интересен клад из Байдарской долины (214 экз.), изданный А.Н. Коршенко (См.: *Коршенко А.Н.* Клад монет из Байдарской долины. С. 21—23). В нем просматриваются две большие группы монет, составляющие в совокупности 80% от состава комплекса. Это Æ2 Льва I (28 экз.) и пентануммии (140 экз.) Анастасия I Дикора. Очевидно, что они не только обращались совместно, но и составляли большую часть денежной массы, используемой в регионе в момент образования клада. Но куда интереснее то, что в комплексе отсутствуют мелкие

Юстиниана I, при котором они еще находились в обращении[78]. Только при нем денежное обращение региона было унифицировано с общеимперским[79].

Итак, денежное производство в Херсоне могло возродиться не раньше начала VI в. К этому периоду относят монеты с изображением императора, окруженного надписью «VICTORIA AVGGGE»[80] (рис. 2,*1—4*) или с монограммой «[монограмма]» («πό[λις] Χερσῶν[ος]»)[81] (рис. 2,*8*) на реверсе. Ныне часть нумизматов, вслед за В. А. Анохиным считает, что на оборотных сторонах бронз первой разновидности оттискивали изображение воина с крестом и сферой, с крестом и щитом или с лабарумом и щитом[82]. В то же время их оппоненты, придерживаясь точки зрения И.В. Соколовой, склонны выделять вариации монет этой группы со стоящими фигурами императора со щитом и лабарумом, с крестом, со сферой и крестом или со сферой и лабарумом[83]. Как видим, единая трактовка этих изображений так и не выработана.

Не утихли споры и по вопросу атрибуции самих монет. Так, если большинство современных исследователей, вслед за А.В. Орешниковым[84] и В.А. Анохиным[85], датируют

монеты IV—V вв., зато имеются маломодульные фоллис и гемифоллис Анастасия I Дикора, причем, по данным исследователя, сильно изношенные (См.: Там же. С. 23, табл. 1). Учитывая их находку, А. Н. Коршенко датирует выпадение клада 505—510 гг. (См.: Там же. С. 22). Мы не можем согласиться с его точкой зрения. Полагаем, что необходимо учесть как сильный износ крупнейших монет, так и обилие в кладе пентануммиев Анастасия I Дикора. Очевидно, что фоллис и гемифоллис находились в обращении достаточно долго. Зато, судя по преобладанию пентануммиев, монеты этого номинала были крайне слабо представлены на местном денежном рынке. Полагаем, что объяснить это явление можно только при констатации фактов раннего, но не обильного поступления крупной меди Анастасия I Дикора в Таврику в первый период его правления, прекращения притока монет при Юстине I, и, в конце концов, усвоения местным денежным обращением мелких денег, ходившей в империи на момент прихода к власти Юстиниана I. Сам же клад из Байдарской долины можно считать показательным комплексом эпохи становления византийской Таврики.

[78] Т.е. до денежной реформы 538/9 г. (См.: *Grierson P.* Byzantine Coinage. 18).

[79] Это явление можно объяснить активизацией имперской политики в регионе (См. *Прокопий Кесарийский*. О постройках. С. 250).

[80] Анализ легенды будет приведен ниже. Изображения монет, приведенные на рис. 2,*1—4*, были опубликованы *Я.В.* Студицким и *М.В.* Бутырским (См.: *Студицкий Я.В., Бутырский М.В.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // ВВ. 2000. Т. 59(84). Рис. 5, 9, 20, 23). Бронза с монограммой «[монограмма]» была продана на аукционе фирмой «Jean Elsen & ses Fils S.A.» (См.: Jean Elsen & ses Fils S.A. Auction 85 (10.09.2005). Lot. 510 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=205563 (дата обращения: 25.12.2013)).

[81] *Чореф М.М.* «Ad fontes», или к прочтению монограммы [монограмма]. С. 225—228; Он же. К истории ранневизантийской Таврики: по данным сфрагистики // Византия и византийское наследие в России и мире: тез. докл. XX Всеросс. науч. сессии византинистов (Москва 3—6 июня 2013 года). М., 2013. С. 273—277; Он же. К истории Юго-Западной Таврики в VI—VII вв.: по данным сфрагистики // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XI(IV). Серия А. Античность и средневековье: Избр. материалы междунар. науч. конференции «Лазаревские чтения» Севастополь, 2010. С. 119—125 // www.msusevastopol.net. URL: www.msusevastopol.net/downloads/prich2013/prich-a-2013.pdf (дата обращения: 25.12.2013).

[82] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 98—99, 101, 103, 107, табл. XXII,*310—313*.

[83] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 20—21.

[84] *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты // ТМНО. 1905. Т. III. Вып. 2. С. 362, № 1—3.

[85] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 98—99, 101, 103, 107, табл. XXII,*310—313*.

их правлением Юстиниана I, то сторонники Л.Н. Беловой[86], И.В. Соколовой[87] и В. Хана[88] склонны относить к эмиссии этого императора только бронзы с монограммой «», а большинство прочих вариаций приписывают чекану Юстина I. Нумизматы ищут и находят подтверждения своим предположениям в прочтении одних и тех же легенд аверсов. Действительно, многочисленные ошибки и пропуски в этих текстах создают поистине безграничные возможности для теоретизирования. В чем мнения исследователей сходятся, так это в вопросе о номинале. Ныне, как и в XIX в., принято считать, что все эти монеты являлись пентануммиями[89].

Как видим, современные школы исследователей монетного дела Херсона, развивая идеи своих основателей, зашли в тактический тупик. Ведь сама идея о возможности атрибуции монет только на основании прочтения деградировавших надписей, сведенная к попыткам выявить и расшифровать варианты их написания, оказалась бесперспективной. К сожалению, представители школ В.А. Анохина и И.В. Соколовой остаются при мнении своих учителей. В то же время исследователи практически не пытаются провести детальный анализ оформления монет. Мы же, в свою очередь, попробуем доказать, что тщательное изучение изображений и надписей на аверсах и реверсах этих бронз не только дает возможность уточнить датировку, но и позволяет установить их номинал.

Начнем с трактовки фигуры вооруженного мужчины. Судя по наличию в его руках атрибутов имперской власти: державы и большого креста, а так же по смыслу окружающей его легенды, на херсонских бронзах серии «VICTORIA AVGGGE» изображали не некоего абстрактного воина, как считает В. А. Анохин, а императора. Действительно, подобные фигуры правителей являлись ординарными элементами оформления ранневизантийских бронз. К примеру, при Юстине I изображение стоящего правителя с крестом и со сферой, окруженное надписью, содержащей его имя и титулы, размещалась на аверсе декануммиев[90]

[86] *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса. С. 327—328, № 3.

[87] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 18—21.

[88] *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey. № 9. P. 414; Он же. MIB. Band. I: Von Anastasius I. bis Justinianus I (491—565). Wien, 1973. S. 76.

[89] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 98—99, 101, 103, 107, табл. XXII,*310—314*; *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey. № 9. P. 414; *Sabatier J.* Revue de la numismatique Byzantine. Second article // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. Petersbourg / ed. B. de Köhne, 1851. Vol. V. P. 299, pl. XVI,*1*; *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines... T. I. P. 166, № 54, pl. XI,*13*; *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Byzantine Coins and Their Values. London, 1987. P. 66, № 197, 197a.

[90] *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines… T. I. P. 163, № 34, pl. X,*15*; *Hahn W.* MIB. Band. I. S. 40, Taf. 7,*22,23*; Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins... Vol. I. P. 16, № 38, 39, pl. III,*10*. Известно, что на малых бронзах Карфагена во времена вандальского господства также оттискивали изображение императора (См.: *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines... T. I. P. 222, pl. XX,*30*; *Wroth W.* Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London. 1911. P. 24—25, pl. III,*23—29*). Учтем, что аналогичным образом оформляли декануммии и в Остготском королевстве. Изображения правителей в рост размещали на монетах Аталариха (526—534) (См.: *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines... T. I. P. 199. № 3, pl. XVIII,*12*; *Wroth W.* Catalogue of the Coins of the Vandals… P. 69—70, № 62—71, pl. VIII,*21—25*) и Тотилы (541—552) (См.: *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines... T. I. P. 207, № 5, pl. XIX,*5*; *Wroth W.* Catalogue of the Coins of the Vandals… P. 93—94, № 44—49, pl. XI,*29,30*, XII,*1—3*).

чекана Константинополя[91] (рис. 2,*5*). Но при Юстиниане I монеты в десять нуммов оформляли по-иному. Центральным элементом оформления их лицевой стороны стало изображения бюста императора. Отметим, что на монетах серии «VICTORIA AVGGGE» фигура властителя в рост помещалась не на аверсе, а на реверсе и была окружена легендой, не содержащей его имя. Как видим, бронзы заинтересовавшей нас серии не были оформлены в ключе монетной традиции, бытовавшей еще при Юстине I.

Очевидно, в Херсоне в то время существовали какие-то иные, неординарные для Византии правила оформления денег. Попытаемся их установить. Для этого попробуем выявить в массе позднеантичного и раннесредневекового нумизматического материала, находимого на территории города, монеты с подобными изображениями на реверсе.

Действительно, в тот период в империи, и, в том числе и в Таврике, ходили крупные бронзы[92] Льва I (рис. 1,*6,7*) и Зинона (рис. 1,*9,10*). На реверсе этих монет оттискивали изображение правителя в рост с копьем в правой и со сферой в левой руке, попирающего плененного варвара. Прототипами херсонских «VICTORIA AVGGGE» могли стать и Æ3/4 Зинона[93] (рис. 2,*7*), на реверсе которых нет коленопреклоненной фигуры[94]. Считаем, что размещение на оборотных сторонах как столичных, так и херсонских бронз схожих изображений императоров, свидетельствует, как минимум, о единой монетной программе.

Перейдем к установлению номиналов. Известно, что при Льве I и Зиноне чеканили крупные бронзы с изображениями императора в рост, держащего в правой руке лабарум и попирающего левой ногой коленопреклоненного варвара на реверсе (рис. 1,*6—7,9—10*). Они являлись фракциями фоллиса (рис. 2,*6*) — крупнейшего номинала меди последнего из упомянутых императоров[95]. По мнению Дж.П.С. Кента[96] и В. Хана[97], Æ2 Льва I и Æ2/3 Зинона были одного достоинства. Действительно, единство оформления и совпадение физических характеристик отнюдь не случайно. В 512 г. они были девальвированы в два раза

---

[91] Изображение монеты приведено в каталоге фирмы «Gorny & Mosch Giessener Münzhandlung» (Gorny & Mosch Giessener Münzhandlung. Auction 160 (09.10.2007). Lot 2655 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=156279 (дата обращения: 25.12.2013)). Учтем, что А.Р. Беллингер датировал такие бронзы правлением Юстина II (См.: *Bellinger A.R.* DOC. Vol. I. Pl. LII,*59.4*). К сожалению, ученый не привел какую-либо аргументацию в пользу своего предположения. Мы же, в свою очередь, вынуждены заметить, что для монетного дела племянника Юстиниана I не было свойственно использование двух звезд в качестве дополнительного элемента оформления реверса меди государственного чекана (См.: Ibid. Pl. XV—XLIX). Их заменили легендой, содержащей сведения о годе эмиссии. Однако при Юстине I их использовали повсеместно (См.: Ibid. Pl. VII—XI).

[92] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 97—98, 156, табл. XXII,*309*; *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса. С. 327, № 2; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 17—18, табл. I,*1—9*; *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey. № 9. P. 414, fig. 1—4.

[93] Изображение монеты издано в каталоге аукциона, проведенного фирмой «Roma Numismatics Limited» (См.: Roma Numismatics Limited. Auction 4 (30.09.2012). Lot. 2884 // www.acsearch.info. URL: www.acsearch.info/record.html?id=602705 (дата обращения: 25.12.2013)).

[94] *Kent J.P.C.* RIC. P. 313, № 951, pl. 33,*951*.

[95] *Metcalf D.M.* The origins of the Anastasian currency reform. P. 8. Изображение монеты опубликовано на сайте Ancientcoins.ca (См.: RIC X. Arcadius to the end of the Western Empire (395—476 AD) // www.ancientcoins.ca. URL: www.ancientcoins.ca/RIC/RIC10/RIC10_ZenoW.htm (дата обращения: 25.12.2013)).

[96] *Kent J.P.C.* RIC. P. 18.

[97] *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey. № 9. P. 414.

— до уровня вновь введенных в обращение декануммиев[98]. Получается, что изначально Æ2 Льва I и Æ2/3 Зинона были гемифоллисами. В начале правления Юстиниана I курс этих монет не менялся. В тот период в Херсоне могли быть выпущены бронзы со стандартными для V в. изображениями императора с крестом и со щитом или с лабарумом на реверсе, но без обозначения места эмиссии, что, кстати, было характерно для выпусков Зинона. Вернее всего, первыми в обращение поступили монеты с изображением императора с лабарумом и державой на реверсе. Ведь они не только схожи по оформлению с Æ2/3 Зинона, но в их легендах не выявлены ошибки (рис. 2,*1*). Позже были выпущены монеты этого же типа, оттиснутые штемпелями, выполненными уже не столь умелым мастером. В их легендах заметны ошибки, причем надпись на оборотной стороне была сокращена до «VICTOR» (рис. 2,*2*). Впоследствии денежную массу пополнили серии, на оборотных сторонах которых правитель держит крест и щит (рис. 2,*3*) или крест и копье (рис. 2,*4*). Их легенды аверса переданы с еще большим количеством ошибок, часто практически нечитаемые[99].

Мы не считаем это явление случайным. То, что херсонские монетарии в процессе разработки правил оформления декануммиев первой половины VI в. обратились к стандартам V вв., с нашей точки зрения, объясняет факт использования в тот период бронз Льва I и Зинона в региональном обращении. А это, в свою очередь, наводит на мысль захолустном положении Херсона, по крайней мере, до начала выпуска монет серии «VICTORIA AVGGGE». Именно этим, а не плохой изученностью монетного материала можно объяснить отсутствие четко атрибутируемых херсонских бронз Анастасия I Дикора и Юстина I. Кроме того, сам факт выпуска в Херсоне декануммиев по системе Анастасия I Дикора[100] позволяет датировать их эмиссию первым периодом правления Юстиниана I, т.е. 527—538/9 гг.[101]

В результате проведенной в 538/9 г. денежной реформы, медные монеты были девальвированы в два раза[102]. Полагаем, что херсонские декануммии серии «VICTORIA AVGGGE» были переоценены в пентануммии. В том же году в обращение поступили монеты в пять нуммов со стандартным для империи обозначением этого номинала — с монограммой названия города на реверсе[103] (рис. 2,*8*).

---

[98] *Kent J.P.C.* RIC. P. 105, 119—120. Как один из самых веских доводов Дж.П.С. Кент рассматривал наличие на реверсах Æ2/3 Зинона надписи «CONCORDIA», размещаемой при Анастасии I Дикоре на оборотных сторонах бронз в десять нуммов столичной чеканки (См.: Ibid. P. 105, 119—120).

[99] Всецело разделяем точку зрения В.А. Анохина по этому вопросу (См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 99, табл. XXII,*310—313*).

[100] История монетного дела Византии при Анастасии I Дикоре изложена в (См.: *Metcalf D.M.* The origins of the Anastasian currency reform. Amsterdam, 1969).

[101] Однако В.А. Сидоренко придерживается иного мнения. Ученый акцентировал свое внимание исключительно на иконографическом анализе изображений императора. Опираясь на авторитет В. Хана, он предположил, что раз портреты Юстиниана I на константинопольских бронзах 548/9 гг. и на херсонских монетах с монограммой «[illegible]» схожи, то чеканить их должны были одновременно (См.: *Сидоренко В.А.* Монетное дело средневекового Херсона… С. 25). С нашей точки зрения, это обстоятельство — совершенная случайность. Дело в том, что все известные на херсонских монетах изображения Юстиниана I выполнены в одном стиле, что хорошо видно на рис. 2,*1—4*. Впрочем, подобные портреты характерны для продукции всех эмиссионных центров Византии эпохи правления этого императора (См.: *Grierson P.* Byzantine Coins. London, 1982. Pl. XIII—XLVIII).

[102] *Grierson P.* Byzantine Coinage. P. 18; Byzantine Coins. P. 60.

[103] *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Byzantine Coins and Their Values. P. 37, 46, 47, 49, № 13, 75, 77, 92.

Начало эмиссии меди с таким оформлением должно свидетельствовать о прекращении чеканки монет серии «VICTORIA AVGGGE». По крайней мере, нам не известны случаи выпуска столь разнообразно оформленных параллельных серий на каком-либо из многочисленных византийских денежных дворов. Но все эти монеты остались в обращении. Дело в том, что известны находки разменной меди V—VI вв. в составе таврических кладов[104]. Насколько нам известно, они состояли в основном из крупных бронз Льва I и Зинона, а также из пентануммиев Анастасия I Дикора, Юстина I и Юстиниана I. Мы можем датировать эти монетные собрания VI в., так как уже в 580-е гг. византийские деньги мелких номиналов выпали из обращения[105].

Считаем важным обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Насколько нам известно, наших предшественников не привлекла идея рассмотрения легенды «VICTORIA AVGGGE». Так, Л.Н. Белова — первооткрыватель монет этой разновидности[106], а также В.А. Анохин[107] и И.В. Соколова[108] привели этот текст без перевода. Так же поступили Ф. Грирсон[109] и В. Хан[110]. Правда, Л.Н. Белова попыталась выделить в тексте реверса обозначение номинала. По ее мнению, им являлась «Е», означающая «5». Основываясь на этом, Л.Н. Белова заключила, что описанные ею монеты являлись пентануммиями[111]. Но это не так. Дело в том, что монетное дело Византии не знало прецедентов подобного размещения обозначения номинала[112]. К слову, в интересующий нас период указание на достоинство проставлялось только на меди, причем таким образом, чтобы оно являлось основным элементом оформления оборотной стороны[113]. Похоже, что понимая это, Л.Н. Белова все же не привела никаких соображений по поводу упрощения

[104] *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 339—354; Он же. Новый клад монет V—VI вв. из округи византийского Херсона // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 350—363; Он же. Новый клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14—18 апреля 2003 г.: тез. докл. в и сообщений. СПб., 2003. С. 48; *Ковалевская Л.А., Алексеенко Н.А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса// Проблемы античной культуры: тез. докл. Симферополь, 1988. С. 231—232.

[105] *Morrisson C., Sodini J.-P.* The Sixth-Century Economy // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century. Washington, 2002. Vol. 1. P. 215.

[106] *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса. С. 328, № 4.

[107] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 99.

[108] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 21.

[109] *Grierson P.* Byzantine Coins. P. 73. Следует учесть то обстоятельство, что исследователь все же привел перевод этой легенды в ключе анализа легенд реверса золотых монет ближайших преемников Юстиниана I (См.: Ibid. P. 49—50).

[110] *Hahn W.* MIB. Band. I. S. 73.

[111] *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса. С. 328, № 4. Однако Я.В. Студицкий и М.В. Бутырский, сравнительно недавно обратившиеся к исследованию ранних херсоно-византийских монет, заключили, что последняя легенда известна в двух написаниях: с и без «Е» (См.: *Студицкий Я.В., Бутырский М.В.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I. С. 228). В свою очередь заметим, что мы не нашли оснований принять их точку зрения. Дело в том, что на изображениях монет этой разновидности, приведенных ими же в качестве иллюстраций, явственно читается «VICTORIA AVGGGE» (См.: Там же. Рис. 19, 20).

[112] Т.е. в составе легенды, обрамлявшей изображение реверса.

[113] *Bellinger A.R.* DOC. Vol. I; Grierson P. Byzantine Coinage; Он же. Byzantine Coins; *Hahn W.* MIB. Band. I; *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines... T. I; *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins... Vol. I.

легенды «VICTORIA AVGGGE». Ведь сам факт исчезновения из нее «Е» убедительно опровергает ее гипотезу.

Однако с нашей точки зрения надпись «VICTORIA AVGGGE» крайне примечательна. И дело даже не в том, что она безупречно трактуется — ее буквальный перевод: «*Победа Августов*». Полагаем, что историческое и, к слову, нумизматическое значение этой легенды совершенно неоценимо.

Начнем с того, что ее выпуск по аналогии с ординарным столичным золотом, на реверсе которого оттискивали «VICTORIA AVGGG», следует приурочить ко всему правлению Юстиниана I[114]. А это, в свою очередь, свидетельствует о существовании коллективного руководства империей. Юстиниан I бил монету и от имени своих помощников и соправителей: племянника куропалата Юстина (будущего Юстина II), а также двоюродного брата Германа и его сына Юстина, в разные годы являвшимися наследниками упомянутого автократора.

Но не это главное. По крайней мере, с нумизматической точки зрения. Куда интереснее символ «Е». Дело в том, что его наличие вроде бы дает нашим оппонентам провести аналогии с эмиссионным символом «CONE» на монетах Льва I и Элии Верины (рис. 1,*7,8*). Но, если допустить это, то придется считать, что в Херсоне было пять монетных мастерских. Тогда где же монеты остальных херсонских официн? Но их — нет. Правда, можно предположить, что мастерская «CONE» при Льве I была перенесена в Херсон, где продолжала работать и при Юстиниане I. Однако и это не так. Ведь пятая официна действовала в Константинополе еще не один век[115].

К слову, не может «Е» означать и дату эмиссии — на ранней меди Юстиниана I эту информацию не размещали. Правда, ее стали указывать после реформы 538/9 г., но при этом использовали не греческие, а латинские цифры. Так что у нас нет никаких оснований согласиться с Я.В. Студицким и М.Н. Бутырским, предположившим, что буква «Е» в конце легенды реверса могла служить обозначением даты выпуска.

Напомним, что, по мнению исследователей, она будто бы указывала на пятый год индикта[116]. Но дело в том, что даты на меди Юстиниана I проставлялись с учетом лет правления, а не индиктов. Мало того, обозначение даты на византийских монетах всегда сопровождалось словом «Anno» — «*год*», чего мы на рассматриваемой херсонской бронзе не наблюдаем.

Остается только обратиться к результатам наших исследований. Как мы уже писали, в легенде реверса присутствовали не только девизы и метки мастерских, но и «контрольные символы»[117]. Так что у нас есть все основания видеть в «Е» на монете чекана Херсона очередной контрольный символ, свидетельствующий о целевой направленности эмиссии.

---

[114] Так что не случайно А.Р. Беллингер датировал золото с легендой «VICTORIA AVGGG» периодом с 527 по 565 гг. (См.: *Bellinger A.R.* DOC. Vol. I. P. 57—59, 66—75).

[115] *Чореф М.М.* К вопросу о возможности эмиссии золота в византийском Херсоне // МАИАСК / гл. ред. В.И. Кузищин. Севастополь; Тюмень. Вып. III. С. 335.

[116] *Студицкий Я.В., Бутырский М.Н.* Крупномодульные бронзовые эмиссии Херсона при Юстине I и Юстиниане I (тип VICTOR—VICTORIA AVGGGE) // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва. Пущино. 22—26 апреля 2013 года: тез. докл. и сообщений / отв. ред. И.В. Ширяков. М., 2013. С. 35.

[117] Их анализу посвящена специальная работа (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о возможности эмиссии золота в византийском Херсоне // МАИАСК / Гл. ред. В. И. Кузищин. Севастополь; Тюмень. Вып. III. С. 327—358).

Следует обратить внимание еще на один нюанс. К настоящему времени установлено, что монеты ранней Византии, выпущенные до реформы Анастасия I Дикора, длительное время активно участвовали в обращении в удаленных провинциях империи и на территории варварских королевств[118]. Это явление не может быть случайным. Полагаем, что слабый приток в эти регионы разменной пореформенной монеты общегосударственного чекана не позволил унифицировать разношерстную денежную массу, сформировавшуюся к концу V в. Это наблюдалось и в Таврике. Выпуски Юстиниана I не смогли вытеснить более раннюю медь. Они пополнили их массу и совместно участвовали в обращении.

Именно этим, а не сохранением «любой монетой своей покупательной способности», как считает В.А. Анохин[119], следует объяснять столь долгое, до середины VII в., обращение позднеантичной и ранневизантийской бронзы, в т.ч. и таврических выпусков Юстиниана I[120]. Они могли ходить до тех пор, пока из обращения не выпали все мелкие номиналы вплоть до декануммия[121].

Само же выяснение этих обстоятельств позволяет нам сделать следующие исторические и нумизматические выводы. Начнем с того, что Херсон при Юстиниане I стал центром важной провинции. В нем был учрежден монетный двор, чеканивший деньги регионального образца. Причем, что интересно, выпускались монеты только низших номиналов, что, заметим, не было характерно для прочих византийских центров, эмитирующих деньги как из золота, так и из меди. Выявленное обстоятельство позволяет нам предположить, что таврические декануммии и пентануммии Юстиниана I выпускались не столько с целью финансирования нужд администрации, покрытия расходов на строительство и на выплату жалования федератам, сколько для пополнения обращения разменной монетой, причем привычного местным жителям номинала. А это, в свою очередь, свидетельствует об активизации региональной торговли.

Заметим, что наши выводы вполне согласуются как со свидетельствами письменных источников, так и с результатами археологических, сфрагистических и эпиграфических исследований. По Прокопию Кесарийскому, вслед за подчинением Боспора, произошедшем при Юстине I[122], при его племеннике были покорены гунны и готы[123], что дает нам основания считать, что власть империи распространилась как на восточное и южное побережье, так и на горную юго-западную часть полуострова. Об этом говорит и

[118] *Kent J.P.C.* RIC. P. CXXIX—CXXIX, CXXIV, CXXVI, CXXIX, CXLI, CXLV—CXLVI, CXLIX, CLII—CLIII, CLV, CLIX, CLXX. Известны и находки херсонских бронз серии «VICTORIA AVGGGE» за пределами Таврики. Так, к примеру, монета второй разновидности по классификации В. А. Анохина была найдена на территории Ольвии (См.: *Карышковский П.О.* Находки монет Римской империи из Ольвии // НиС. 1965. Вып. II. С. 53, прим. 13, рис. 4,*7*; Он же. Монеты Ольвии. Рис. 16,*19*; *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. С. 48—49, № 241.

[119] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 107.

[120] *Чореф М.* З історії монетної справи Херсона в першій половині VI ст. // Археологічні дослідження Львівського університету. 2010. Вип. 13. С. 187—195.

[121] *Morrisson C.* Byzantine Money: Its Production and Circulation // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century. Washington, 2002. Vol. 2. P. 921; *Morrisson C., Sodini J.-P.* The Sixth-Century Economy. P. 215.

[122] *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст. и комм. А. А. Чекаловой. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1993. С. 36, кн. I, XII, 8.

[123] *Прокопий Кесарийский*. О постройках. С. 250, кн. III, 10.

обнаружение печатей византийских императоров и чиновников VI в.[124], а также распространение на территории страны Дори христианства, приведшее к изменению погребального обряда — к окончательному переходу к трупоположению[125]. Не менее характерны для этой эпохи гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольными или орлиноголовыми щитками[126], а также керамики и стекла производства причерноморских и средиземноморских центров[127]. Учтем и факт обнаружения в Юго-Западной Таврике лапидарного памятника — мангупской надписи Юстиниана I[128]. Так что у нас есть все основания доверять монетам, как важнейшим историческим источникам.

Резюме

Исследование было проведено с целью детального освещения истории византийской Таврики в V — первой половине VI вв. Дело в том, что ни письменные источники, ни результаты археологических исследований не дают целостного представления о времени и обстоятельствах становлении византийской провинции в регионе. Для этого были привлечены данные нумизматики. В результате было установлено, что возобновление работы Херсонского монетного двора при Юстиниане I свидетельствует об усилении византийского влияния на Таврику. Увязываем это событие с учреждением провинции.

Ключевые слова: Византия, Херсон, провинция, нумизматика, эпиграфика

Summary

The study was conducted with the purpose of detailed coverage of the history of Byzantine Taurica in the first half of the V — VI centuries. The fact that no written sources nor archaeological research results do not give a complete picture of the time and circumstances of the establishment of the Byzantine province in the region. , Data of numismatics. As a result, it was found that the reopening of the Kherson Mint under Justinian I indicates an increase of Byzantine influence on Taurica . Link the event to the establishment of the province.

Keywords: Byzantium, Cherson, Province, numismatics, epigraphy.

---

[124] *Соколова И.В.* Печати византийских императоров... С. 24, № 14; *Степанова Е.В.* Находки печатей в Судаке // *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 176—177; *Чореф М.М.* «Ad fontes», или к прочтению монограммы // Российское византиноведение: традиции и перспективы: Тез. докл. XIX Всеросс. научн. сессии византинистов. Москва 27—29 января 2011 г. М., 2011. С. 225—228; Он же. К истории ранневизантийской Таврики: по данным сфрагистики // Византия и византийское наследие в России и мире: Тез. докл. XX Всеросс. науч. сессии византинистов (Москва 3—6 июня 2013 года). М., 2013. С. 273—277.

[125] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 93.

[126] Там же. С. 100, рис. 36, 37, 38.

[127] Там же. С. 105.

[128] *Виноградов А.Ю.* К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ХСб. 2001. Т. XI: ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ: Памяти Ю.Г. Виноградова. С. 70—71.

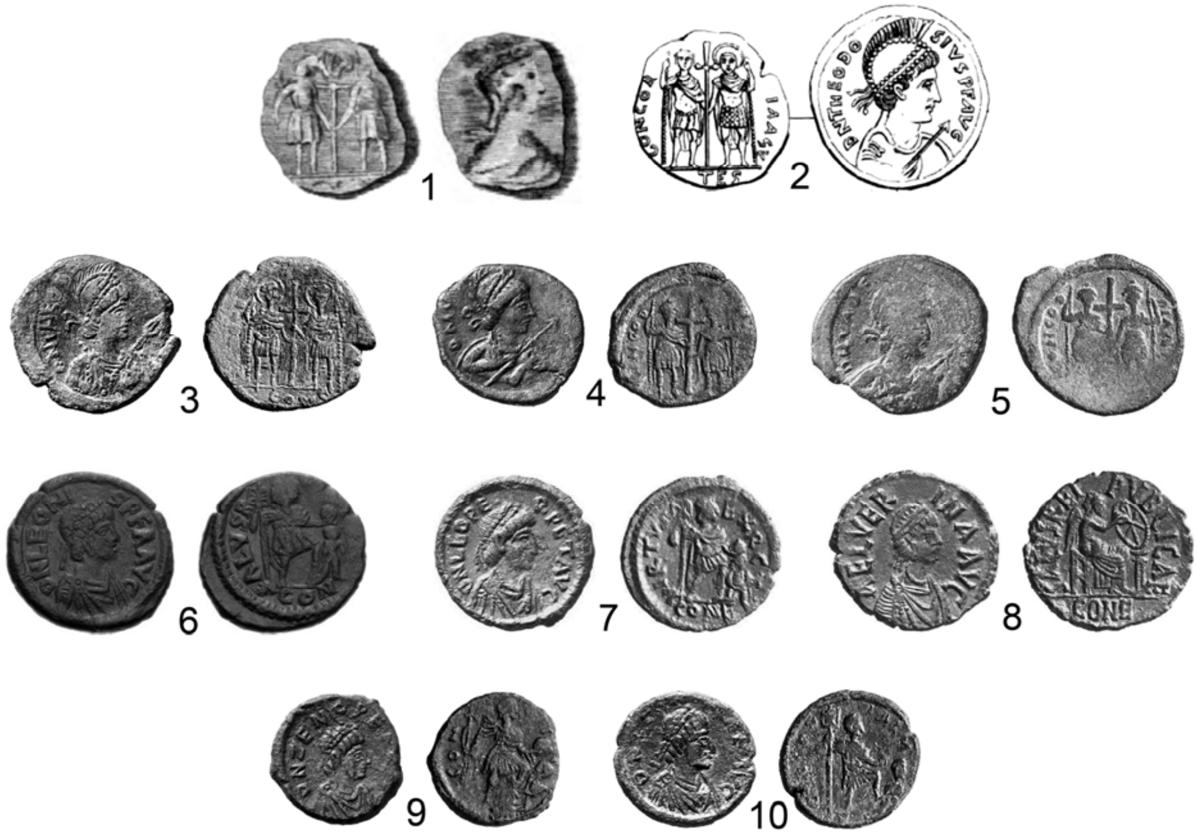

Рис. 1. К вопросу об атрибуции гипотетических таврических монет чекана V в.

1—5 — таврические бронзы серии «CONCORDIA AGV»: *1* — по Л. де Вакселю, *2* — по П. Ж. Сабатье; *6—8* — Æ2 Льва I и Элии Верины, чекан Константинополя; *9,10* — Æ3 Зинона, чекан Константинополя.

Рис. 2. К истории монетного дела византийской Таврики при Юстиниане I

1—4 — херсонские декануммии Юстиниана I серии «VICTORIA AVGGGE» (по М. В. Бутырскому и Я. В. Студицкому); *5* — константинопольский декануммий Юстина I; *6* — фоллис Зинона, чекан Рима; *7* — Æ3/4 Зинона, чекан Константинополя; *8* — пентануммий Юстиниана I серии «πόλις Χερσῶνος».

ЭПИГРАФИКА

УДК 902.9+902.6:930.27(477.75)

Н.В. Днепровский, М.М. Чореф

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ НАДПИСИ, ОБНАРУЖЕННОЙ В.И. ГРИГОРОВИЧЕМ В ОКРУГЕ ЧЕРКЕС-КЕРМЕНА

Уже не первое поколение археологов, историков и эпиграфистов изучает христианские древности Горной Таврики, в том числе и ее скальные комплексы. Анализ литургического устройства этих памятников, а также сохранившихся элементов оформления позволяет не только проследить этапы становления христианства, но и осветить темные страницы истории Крымского полуострова.

В нашей статье речь пойдет о «пещерных» храмах округи городища Эски-Кермена. Дело в том, что ряд вопросов их истории все еще не освещены в полной мере. Мы имеем в виду проблемы атрибуции надписей, обнаруженных на их стенах.

Как известно, В.И. Григорович, посетив Крым в 1873г., заметил, прочитал и опубликовал текст, обнаруженный им в «*Черкес-кермене в одном пещерном храме*»[1]. Ученый разобрал:

«+Ἐλατοτομήθη καὶ ἀνιστρωρήθη ὁ πάνσεπτος οἶκος ἔτος, ϛψ…»[2].

К сожалению, исследователь не привел перевода надписи, очевидно, полагая, что она и так достаточно ясна и понятна. Похоже, что у него отсутствовали какие-либо трудности с ее прочтением. А это, в свою очередь, свидетельствует, что в его время надпись в основной своей части не имела лакун. Повреждения были заметны только в ее конце — там, где размещалась дата.

Однако она не столь уж и тривиальна. Начнем с того, что в ней достаточно много орфографических ошибок. Так, вместо проблемного «ἐλατοτομήθη» следовало бы употребить вполне ожидаемое ἐλατομήθη — «*вырублено*». Столь же непонятно и слово «ἀνιστρωρήθη». Полагаем, что вместо него должно было быть использовано ἀνιστορήθη — «*это было нарисовано*»[3]. Кроме того, надпись содержит и специализированные обороты. Так, на первый взгляд, такое понятное πάνσεπτος — «*достойнейший*»[4] в сочетании с οἶκος — «*дом*», а также с учетом обстоятельств обнаружения надписи, следует трактовать как «*святая церковь*».

Стоит обратить внимание и на то, что в тексте нет указаний на обстоятельства, приведшие к вырубке и украшению «пещерной» церкви. Отсутствуют упоминания и о лицах, оплативших ее обустройство. Однако мы допускаем, что их изображения находились на

---

[1] *Григорович В.И.* Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса. 1874. С. 16.

[2] Там же.

[3] Основываемся на схеме построения ἀνιστορῶ из ἀνά и ἱστορέω.

[4] *Sophocles E.A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods. Cambridge, 1914. P. 837.

стенах храма. В любом случае, в результате разбора текста получаем: «*эта святая церковь была вырублена и расписана в лето 67…*».

К сожалению, из мемуаров В.И. Григоровича не ясно, в каком из «пещерных» храмов Эски-Кермена он нашел эту надпись. Возможно, именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что ее публикация своевременно не заинтересовала историков—крымоведов. В результате В.В. Латышев, составляя свой «*Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*», не упомянул об этой находке В.И. Григоровича. Эпиграфист учел только свидетельства А.Л. Бертье-Делагарда и Ю.А. Кулаковского[5] (рис. 1,*1,2*), зафиксировавших надпись под фреской из храма «Трех всадников». Однако он заключил, что интересующий его текст был найден в ближайшей округе Черкес-Кермена. В.В. Латышев разобрал в ней:

«+Ἐλατομ[ήθησαν] κ(αὶ) ἀνιστορήθ[η]σαν…… τοῦ Χ(ριστο)ῦ… ὑπ(ὲ)ρ ψυχι[κῆς σωτηρία]ς κ(αὶ) αφέσε(ω)ς ἁμα[ρτιῶν]…» — «*Изсечены и расписаны… Христовы… за душевное спасение и отпущение грехов*»[6].

Как видим, этот текст довольно пространный. К сожалению, его поверхность испещрена лакунами. Так что разобрать все слова не удается. Однако содержание надписи установить довольно просто — она довольно стандартна. Примечательна разве что высокая грамотность ее составителя, как уже знаем, не свойственная автору текста, изданного В.И. Григоровичем. В остальном же сохранившийся текст прост и не информативен. Он не содержит имен, а одна из лакун, по-видимому, пришлась на дату. Так что определить время и обстоятельства его появления довольно трудно. Правда, стоит учесть сам факт использования глагола «ἀνιστορέω» — «*расписывать*», характерного, по мнению А.Ю. Виноградова, для таврических надписей XIII—XV вв.[7], что, собственно, позволяет датировать саму фреску.

Но куда существеннее следующее обстоятельство. Дело в том, что надписи, изданные В.И. Григоровичем и В.В. Латышевым, не совпадают. Начнем с того, что вторая значительно пространнее. Очевидно и то, что, судя по допущенным ошибкам, они были выполнены разными мастерами. Да, у них весьма схожие начальные формулы. Однако в первой из них идет речь об устроении церкви, а во второй — об изображениях, созданных для отпущения грехов и во имя спасения души неизвестного (или неизвестных)[8], причем, учитывая кладбищенский характер храма «Трех всадников», речь, вернее всего, идет об усопшем (или усопших). Основываясь на этом, мы можем утверждать, что надписи, безусловно, разные. Предполагаем, что В.И. Григорович посетил не вышеупомянутый «пещерный» храм, а какую-то иную скальную церковь.

[5]*Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896, № 43. С. 47. К сожалению, он также не привлек зарисовки этой фрески (рис. 2), приведенные в альбоме А.С. Уварова (См.: Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова. СПб., 1851. Рис. LIII) и в альбоме Д.М. Струкова (См.: [*Струков Д.М.*] Древние христианские памятники Тавриды. 1886. Архив ИИМК. Ф. Р-I. № 339. Л. 109).

[6] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен… С. 47—48.

[7] Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи / Мат. подг. А.Ю. Виноградовым // Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 125.

[8] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен… С. 48.

Проблема в том, что исследователь не привел описание этой пещеры. Что, к слову, характерно для его путевых записок, сделанных во время путешествия по Горному Крыму[9]. Так что определить, в каком из «пещерных» храмов Эски-Кермена он побывал, будет довольно сложно. Учтем и то, что к настоящему времени изданы посвятительные надписи, сохранившиеся в культовых комплексах этого городища[10]. И ни одна из них не совпадает с текстом, опубликованным В.И. Григоровичем. Так что нам не остается ничего другого, кроме как полагать, что найденная им надпись, к сожалению, утеряна.

Однако ряд исследователей пришли к противоположной точке зрения. Так, еще А.Л. Бертье-Делагард предположил, что В.И. Григорович и В.В. Латышев издали одну и ту же надпись[11]. А позднее Н.Л. Эрнст, основываясь на этом же допущении, но, будучи уверенным, что ни В.В.Латышев, ни В.И. Григорович не смогли ее разобрать правильно, привёл своё собственное прочтение посвятительного текста из храма «Трех всадников»: «ΕΛΑΤΟΜΗ[ΘΗ] ΚΑΙ ΑΝΙΣΤΟΡΗΘΗΣΑΝ Η ΑΓΙΟΙ ΤΟΥ ΧΡΙΣΤΟΥ ΜΑΡΤΥΡΕΣ ΥΠΕΡ ΨΥΧ[ΙΚΗΣ ΣΩΤ]ΗΡΙΑΣ ΚΑΙ ΑΦΕΣΕΟΣ ΑΜΑΡΤ[ΙΟΝ]». Ученый перевел ее как: *«высечено и написаны святые мученики христовы для спасения души и отпущения грехов…»*[12].

К сожалению, ни А.Л. Бертье-Делагард, ни Н.Л. Эрнст не объяснили, на основании чего ими был сделан вывод о тождестве двух надписей. Однако эта точка зрения была поддержана Н.И. Репниковым, который в то же время, ссылаясь на В.В. Латышева, заключил, что сохранившаяся часть надписи из храма «Трех всадников» могла быть переведена следующим образом: «*Изсечены и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов*»[13]. Последующие поколения исследователей, в свою очередь, апеллировали уже к авторитету Н.И. Репникова. Основываясь на этой, практически общепринятой на данный момент точке зрения, А.Ю. Виноградов датировал работы, связанные с написанием фрески в храме «Трех всадников»[14]. Исследователь полагает, что текст надписи можно реконструировать следующим образом:

«+Ἐλατομή(θησαν)[15] κ(αὶ) ἀνιστορήθ(η)σαν ἡ ἅγιοι τοῦ Χ(ριστο)ῦ τ(οῦτοι) ὑπὲρ ψυχηκ(ῆς) σο[τερ]ήας κ(αὶ) ἀφέσεος ἁμαρτ[ιῶν του δούλου τοῦ θ(εο)ῦ δεῖνος …, ἔτους] ϛψ′» — «*вырублены и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов имярека в 67.. г.*».

Как видим, А.Ю. Виноградов присоединил к надписи, изданной В.В. Латышевым дату из текста, опубликованного В.И. Григоровичем. Но важнее то, что он заново разобрал и перевел ее, тем самым обоснованно отвергнув ошибочное мнение Н.Л. Эрнста и его последователей о возможности выделения слова μάρτυρες. Причем эпиграфист не только обосновал прочтение В.В. Латышева — он значительно его уточнил. Полагаем, что даже с учетом вышеуказанной небольшой погрешности, А.Ю. Виноградов внес важный вклад в

---

[9] *Григорович В.И.* Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус… С. 15—16.

[10] Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи. С. 123—130.

[11] *Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А.Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД. Одесса, 1897. Т. XX. С. 152, № 43.

[12] *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3 (60). С. 32.

[13] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12.С. 108.

[14] Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи. С. 125.

[15] В его публикации это слово приведено как «Ελαθομή(θησαν)» (См.: Там же). Полагаем, что это опечатка.

интерпретацию посвятительного текста из храма «Трех всадников». Основываясь на результатах его исследования, полагаем, что надпись может быть прочитана следующим образом:

«+Ἐλατομή(θη) κ(αὶ) ἀνιστορήθ(η)σαν ή αγίου τοῦ Χ(ριστο)ῦ τ(οῦτοι) ὑπὲρ ψυχηκ(ῆς) σο[τερ]ήας κ(αὶ) ἀφέσεος ἀμαρτ[ιῶν του δούλου τοῦ θ(εο)ῦ δεῖνος …]» — «*вырублено и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов раба Божия…*».

Учитываем то обстоятельство, что изучаемый текст начинается с «Ἐλατομή» (рис. 1,*1—3*, 2), причем само устройство храма и отсутствие в нем каких-либо следов скульптур святых не дает нам оснований предполагать, что они могли быть вырублены на его стенах. Полагаем, что вполне ожидаемое «Ἐλατομή(θη)»[16] имело отношение не к элементам оформления храма, а к самому культовому комплексу или же участку его северной стены, который, очевидно, был вырублен и расписан с целью искупления грехов.

К сожалению, исследователи так и не привлекли для анализа надписи непосредственно саму её альтернативную копию, выполненную А.Л.Бертье-Делагардом ещё в 1884г., о чём он весьма сожалел. Между тем, он не только изобразил на своей копии все те символы, которые сохранились полностью или частично, но и скрупулёзно указал размеры лакун (рис. 1, *2*)[17]. Учтем и то, что текст из храма «Трех всадников» приведен, кроме того, на рисунке Д.М. Струкова[18] (рис. 1,*3*), также не введённого до настоящего времени в научный оборот, а равно и в альбоме А.С. Уварова[19] (рис. 2). Да, качество передачи надписи в двух последних случаях оставляет желать лучшего. Однако заметно, что ни в одной из трёх дополнительно привлечённых нами копий текста так же, как и в копии Ю.А.Кулаковского, нет указания на дату. Получается, что она не была различима ни в середине, ни в конце XIX в. Следовательно, В.И. Григорович также не мог бы ее разобрать.

Не менее важно то, что отрицание допущения А.Л. Бертье-Делагарда и Н.Л. Эрнста дает нам основание сомневаться в том, что и сама надпись В.И. Григоровича могла быть найдена в храме «Трех всадников».

Но где же, в таком случае, она могла находиться? Обратим внимание на еще незадействованный источник информации. Речь идет об «Очерках Крыма» Е.Л. Маркова. Судя по приведенному путешественником описанию, он, побывал в Черкес-Кермене и посетил храм «Донаторов»[20]. К слову, этот факт отмечал еще Н.Л. Эрнст[21].

Позволим себе в связи с этим отметить три важные детали. Во-первых, книга Е.Л. Маркова вышла первым изданием в 1873 г. Т.е., он был в Черкес-Кермене почти одновременно с В.И. Григоровичем. В таком случае, есть все основания полагать, что их водили одни и те же проводники. Во-вторых, именно скрытое расположение храма «Донаторов» вызвало у Е.Л. Маркова ассоциации с «*катакомбным*» периодом крымского

[16] Так же его прочитал и Н.Л. Эрнст (См.: *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма. С. 32).

[17] *Бертье-Делагард А.Л.* Заметки к христианским надписям из Крыма (В.В.Латышев). ЦМТ. Архив А.Л. Бертье-Делагарда. Оп. 5. Д. 11. Л. 4.

[18] [*Струков Д.М.*] Древние христианские памятники Тавриды. Л. 109.

[19] Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России... Рис. LIII.

[20] *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Киев, 2009. С. 398—399.

[21] *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма. С.32, прим. 2.

христианства[22]. А это, в свою очередь, хорошо коррелирует с попытками В.И. Григоровича найти в пещерных храмах «*поверку показаний*» легенд о том, что «*что уже на первых порах христианства в Херсонской земле были изгнанники христиане*»[23]. И, наконец, вспомним, что В.И. Григорович не упомянул фреску с изображением трех святых всадников, занимающей всю стену над надписью, не заметить которую было бы невозможно. Похоже, что он ничего о ней не знал.

Поэтому мы полагаем, что этот ученый не посещал храм «Трех всадников».

В тоже время роспись храма «Донаторов», с одной стороны, достаточно равномерно распределена по всему храму, а, с другой стороны, достаточно сильно фрагментирована, причем композиции, входящие в ее состав, слишком дробны, чтобы можно было выделить какую-нибудь одну из них для характеристики всей церкви или определения ее посвящения. Поэтому, если В.И. Григорович был не в храме «Трех всадников», а в храме «Донаторов», который, к слову, куда ближе к Черкес-Кермену, то не удивительно, что отметил он в нем только посвятительную надпись, поскольку подобные посвящения в «пещерных» церквах Крыма достаточно редки. Следовательно, есть все основания полагать, что В.И. Григорович посетил второй из вышеперечисленных культовых комплексов.

Считаем, что наша локализация текста, прочитанного В.И. Григоровичем, в храме «Донаторов» представляется хотя и гипотетичной, но достаточно вероятной. По крайней мере, она хорошо согласуется с имеющимися данными. Тщательное исследование археологического материала из округи Черкес-Кермена позволит обосновать или опровергнуть наше предположение.

В то же время, сама идея локализация текста В.И. Григоровича в храме «Трех всадников» лишь на основании совпадения стандартной преамбулы представляется нам совершенно необоснованной. Полагаем, что нельзя трактовать эту надпись как инструмент датирования как его самого, так и размещенной в нем фрески. Для этого необходимо изыскивать другие методы и средства.

---

[22] *Марков Е.Л.* Очерки Крыма… С. 398—399.

[23] *Григорович В.И.* Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус… С. 15.

Резюме

Статья посвящена анализу широко распространённой в научной литературе гипотезы о том, что В.Григорович в 1873г. видел обрывок даты в надписи под фреской пещерного храма «Трёх Всадников» в Эски-Кермене. К сожалению, ни один исследователь при этом не приводил в качестве доказательства сам текст надписи, опубликованный В.Григоровичем. Наш анализ этого текста показывает, что он не совпадает с текстом надписи в храме «Трёх Всадников». В нем говорится о создании и росписи «святой церкви», в то время как надпись в храме «Трёх Всадников» посвящена созданию изображения с целью спасения души и отпущения грехов неизвестного нам лица. Кроме того, в сохранившихся копиях надписи храма «Трёх Всадников» дата отсутствует. Это позволяют утверждать, что В.Григоровича не мог её видеть. Поэтому использовать сведения В.Григоровича для датировки фрески храма «Трёх Всадников» неправомерно. Авторы предполагают, что В.Григорович видел ныне утраченную датированную надпись в каком-то другом пещерном храме. Косвенные признаки указывают на то, что это мог быть храм «Донаторов» в Черкес-Кермене.

Ключевые слова: археология, эпиграфика, вопросы датировки, фреска, «пещерные города», пещерная церковь, храм «Трёх Всадников», Эски-Кермен.

Summary

The article is dedicated to the analysis of the assumption which is widespread in the scientific literature that V.Grigorovich in 1873 saw a part of the date in the caption beneath the fresco in the cave church of «The Three Riders» in Eski-Kermen. Unfortunately, neither of the researchers have cited the caption published by Grigorovych as the evidence for this opinion. Our analysis of this text shows that it is not identical with the text of the inscription in the Church of «The Three Riders». It depicts the creation and painting the «Holy Church», while the inscription in the church of «The Three Riders» is dedicated to the creation of the image painted for the sake of the salvation of the soul and the remission of the sins of the unknown person. In addition, the date is missing in the surviving copies of the inscription of the temple of the «The Three Riders». It allows to assume that Grigorovich also couldn't see it. Therefore, it is inappropriate to use the information of Grigorovich as the evidence for dating of the frescoes in the Church of «The Three Riders». The authors suppose that Grigorovich have seen the dated inscription which is nowadays lost in some other cave temple. Some indirect indications point that it could be the church of «Donators» in Tcherkess -Kermen.

Keywords: archaeology, epigraphy, dating problems, fresco, «cave towns», cave church, the church of the «Three Riders», Eski-Kermen.

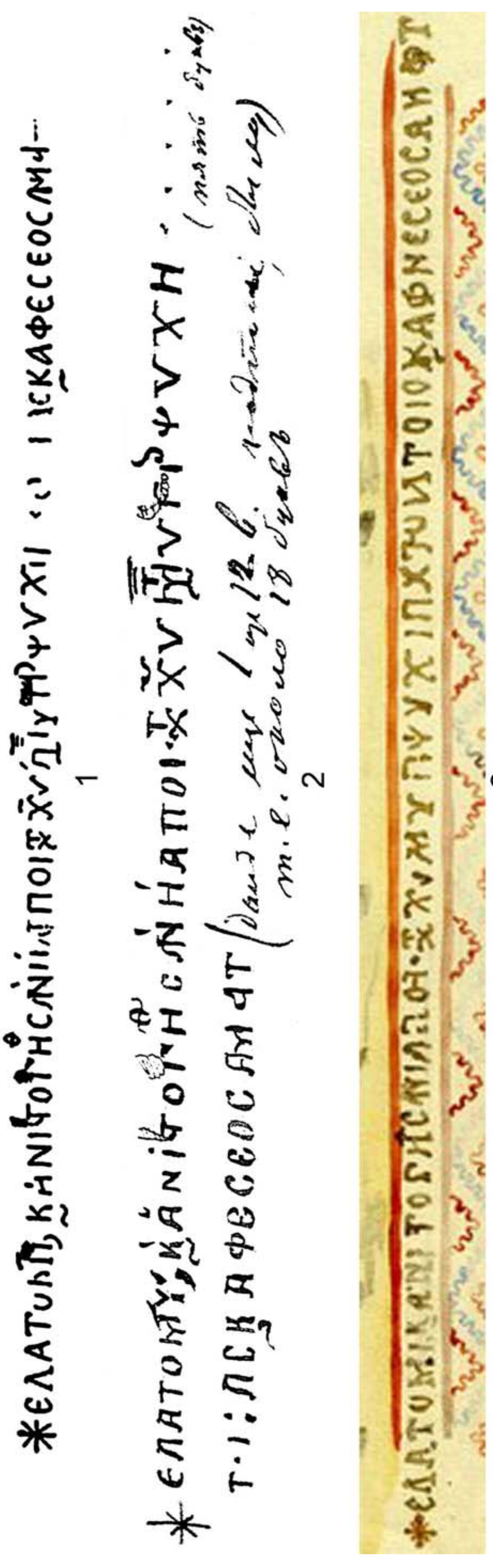

Рис. 1. Прориси надписи из храма «Трех всадников»

1 — по Ю.А. Кулаковскому и В.В. Латышеву; 2 — по А.Л. Бертье-Делагарду; 3 — по Д.М. Струкову.

Рис. 2. Раскрашенная гравюра с изображением фрески из храма «Трех всадников» (из альбома А.С. Уварова).

Список сокращений

АДСВ	—	Античная Древность и Средние века
АИК	—	Археологические исследования в Крыму
АИСК	—	Археологические исследования средневекового Крыма
АЛОИА	—	Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
АН	—	Архитектурное наследство
АО	—	Археологические открытия
ВВ	—	Византийский временник
ВДИ	—	Вестник древней истории
ГИБИ	—	Греческие источники по болгарской истории
ЗВОИРАО	—	Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества.
ЗКОЕЛП	—	Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИГАИМК	—	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЗО РГБ	—	Отдел изоизданий Российской государственной библиотеки
ИИАК	—	Известия Императорской археологической комиссии.
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры АН СССР
ИКАИ	—	История Казахстана в арабских источниках.
ИКПИ	—	История Казахстана в персидских источниках.
ИНК	—	Историческое наследие Крыма
ИТОИАЭ	—	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии Таврии
ИТУАК	—	Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАЭ РАН	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НА НЗХТ	—	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
НЗХТ	—	Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей.
СА	—	Советская археология
СРЯ	—	Словарь русского языка XI—XVII вв.
ССб.	—	Сугдейский сборник
СХМ	—	Сообщения Херсонесского музея
ТОДРЛ	—	Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
ХСб.	—	Херсонесский сборник
ASLSP	—	Atti della società ligure di storia Patria
CEV	—	Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376—1430
CHFB	—	Corpus Fontium Historiae Byzantinae
DOC	—	Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection

IOSPE I^2	—	Latyschev B. Inscriptionis orae septentrionalis Ponti Euxini greacae et latinae. Petropoli, 1916. Vol. I
IOSPE IV	—	Latyschev B. Inscriptionis orae septentrionalis Ponti Euxini greacae et latinae. Petropoli, 1901. Vol. IV
MIB	—	Moneta Imperii Byzantini
NC	—	Numismatic Circular
RESEE	—	Revue des études sud-est européen
RIC	—	The Roman Imperial Coinage
ROL	—	Revue de l'Orient Latin

Сведения об авторах

Арутюнян А.Ж. — доцент кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета, кандидат исторических наук, Республика Армения, e-mail: hakobinna@rambler.ru

Беспалов Р.А. — независимый исследователь, сотрудник избирательной комиссии Тульской области г. Тула, e-mail: gostunsky@gmail.com

Днепровский Н.В. — независимый исследователь, выпускающий редактор издательства «Невская Лавра», г. Санкт-Петербург, e-mail: engarejeli@yandex.ru

Неделькин Е.В. — студент III курса кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, e-mail: evgeniy-nedelkin@yandex.ua

Симеонов И. — независимый исследователь, dr., Республика Болгария, e-mail: iliyasim@yahoo.com

Туровский Е.Я. — заведующий отделом Национального заповедника «Херсонес Таврический», кандидат исторических наук, г. Севастополь, e-mail: turovs_1@mail.ru

Фомин М.В. — доцент кафедры туризма и социальных наук Харьковского торгово-экономического института, Киевского национального торгово–экономического университета, кандидат исторических наук, Украина, e-mail: fomin_mv@ukr.net

Хапаев В.В. — доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат исторических наук, г. Севастополь, e-mail: khapaev007@mail.ru

Чореф М.М. — соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, г. Нижневартовск, e-mail: choref@ukr.net

Шевченко Ю.Ю. — старший научный сотрудник МАЭ РАН, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург, e-mail: yurishevchenko@mail.ru

ПРАВИЛА

ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «МАТЕРИАЛАХ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) Имя, отчество, фамилия, а также в скобках имя, отчество и фамилию в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
2) сведения об авторе — все ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, e-mail (адрес электронной почты) для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
3) название статьи;
4) аннотация — 3—4 предложения объемом не более 500 знаков, где изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования;
5) ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных;
6) текст статьи;
7) иллюстрации и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
8) Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Публикации, не содержащие указанных элементов, автоматически отправляются обратно авторам на доработку.

1.3. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@ukr.net), или передаются в редакцию на электронном носителе. После получения материалов из редакции отсылается подтверждение.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 12 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСК вместе с текстом статьи.

2.3. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы. Библиографические ссылки в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008. пункт 6. Согласно указанному ГОСТу в краткой форме вместо точки с тире в качестве разделительного знака между областями (элементами) библиографического описания может использоваться точка (.).

Примеры краткой формы:

[1] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. —XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 126.
[2] *Степанова Е.В.* Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистики и нумизматических памятников // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 76—84.

2.4. При указании имени автора в библиографическом описании предлагается использовать курсивное начертание шрифта.

2.5. Если ссылка дается на ту же работу, что и в предыдущей ссылке, но на другую страницу, используется выражение «Там же» и далее указывается новая страница:

[4] Там же. С. 306.

Если и работа, и страница совпадают с предыдущей, используется выражение «Там же.».

[5] Там же.

2.6. Если повторная ссылка на однажды указанную работу идет после других ссылок, желательно избегать формы «Указ. соч.» в названии работы, а давать имя автора, название (допустимо сокращенное – с троеточием) и номер страницы, например:

[1] Голубинский Е.Е. История канонизации святых… С. 399.

2.7. В ссылках на статьи, принятые в печать, но еще не опубликованные, следует указывать: «[в печати]».

2.8. Ссылки на Интернетресурсы допустимы, если указываемая информация недоступна автору в печатном виде. Интернет-ссылка оформляется следующим образом (полужирным выделены служебные зарезервированные слова и знаки):

Автор. Название материала // Название сайта. URL: http://подробный_интернет-адрес_вплоть_до конечной_страницы_сайта (дата обращения: дд.мм.гггг). Адрес http дается без подчеркивания.

Например:

Феоктист, иером. Проповедь на акафисте Покрову Пресвятой Богородицы // Сайт МДА. URL: http://mpda.ru/node/7533 (дата обращения: 02.07.2009).

2.9. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится точка. Например: (Мф 3. 11—12).

2.10. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.11. Наличие в тексте статей прямых цитат из других работ отечественных или зарубежных авторов без кавычек и указания на источник недопустимо и служит причиной отказа в публикации статьи.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Вып. V

Сборник

Редактор М.М. Чореф
Техническая редакция М.М. Чореф
Корректура К.С. Панченко
Верстка и оригинал-макет М.М. Чореф

Интернет-издание